

ДИАНА ГЭБЛДОН

ЭХО ПРОШЛОГО

КНИГА 1

НОВЫЕ
ИСПЫТАНИЯ

СМОТРИТЕ
СЕРИАЛ -
ЧИТАЙТЕ
КНИГУ!

Чужестранка

Диана Гэблдон

**Эхо прошлого. Книга
1. Новые испытания**

«ЭКСМО»

2009

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44

Гэблдон Д.

Эхо прошлого. Книга 1. Новые испытания / Д. Гэблдон —
«Эксмо», 2009 — (Чужестранка)

ISBN 978-5-04-097670-6

Сага о великой любви Клэр Рэндолл и Джейми Фрэзера завоевала сердца миллионов читателей во всем мире. Ради такой любви стоит жить и рисковать жизнью. 1777 год. Находясь среди бушующего восстания за независимость Америки, Клэр и Джейми должны решить, чью сторону они займут. Несмотря на кажущуюся простоту выбора – ведь Клэр уже знает, чем закончится война, – сделать это не так легко. Потому что даже борьба на стороне победителя не гарантирует спасения. Между тем в относительной безопасности двадцатого столетия Брианна и Роджер Маккензи изучают историю любви Джейми и Клэр по старинным письмам и документам, пытаются отыскать ключи к разгадке запутанной судьбы своей семьи.

УДК 821.111-31

ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-04-097670-6

© Гэблдон Д., 2009

© Эксмо, 2009

Содержание

Пролог	5
Часть первая	6
Глава 1	6
Глава 2	21
Глава 3	33
Глава 4	37
Глава 5	47
Часть вторая	55
Глава 6	55
Глава 7	73
Глава 8	77
Конец ознакомительного фрагмента.	82

Диана Гэблдон

Эхо прошлого

Книга 1. Новые испытания

Пролог

Тело на удивление податливо. А дух – и того более. Однако существуют испытания, после которых уже никогда не станешь прежним.

Твои слова, *a nighean*?¹ Это правда – тело легко искалечить, и дух можно сломить, но все же в человеке есть то, что нельзя уничтожить.

¹ Девочка, девушка (гэльск.). (Здесь и далее – примечания переводчика.)

Часть первая

Возмущение вод²

Глава 1

Иногда они и вправду мертвы

Уилмингтон, колония Северная Каролина

Июль, 1776 г.

Голова пирата исчезла. Уильям услышал, как кучка зевак на причале неподалеку оживленно гадают, покажется ли она снова.

– Не-а, утоп, и с концами, – качая головой, произнес оборванец метис. – Ежели оллигатор его не сожрет, то вода точно утащит.

Какой-то малый, похоже из лесной глуши, перекатил во рту табачную жвачку и в знак несогласия сплюнул в воду.

– Нет, еще денек-другой протянет. Хрящи, что удерживают голову, высыхают на солнце. Становятся жесткими, что твое железо. Сколько раз я видел, как это происходит с оленьими тушами.

Уильям заметил, что миссис Маккензи бросила взгляд на гавань и поспешно отвела глаза. Ему показалось, что она побледнела, и он чуть подвинулся, пытаясь загородить собой зевак и бурую воду, хотя высокий прилив и так скрывал привязанный к столбу труп. Впрочем, сам столб торчал, как суровое напоминание о расплате за преступление. Несколько дней назад пирата приговорили к утоплению в илистых прибрежных водах, и стойкость его разлагающегося трупа успела стать притчей во языцех.

– Джем! – внезапно воскликнул мистер Маккензи и рванул мимо Уильяма вдогонку за сыном. Мальчуган, такой же рыжеволосый, как его мать, ускользнул от присмотра, чтобы послушать людские разговоры, и теперь, держась за швартовую тумбу и едва не падая в воду, пытался разглядеть мертвого пирата.

Мистер Маккензи поймал парнишку за ворот и поднял на руки, хотя тот отчаянно вырывался и тянул шею, оглядываясь на заболоченную гавань.

– Папа, я хочу посмотреть, как оллигатор сожрет пирата!

Зеваки расхохотались, даже Маккензи слегка усмехнулся, но улыбка тотчас исчезла, когда он взглянул на жену. В ту же секунду он бросился к ней и подхватил за локоть.

– Думаю, нам пора идти, – сказал Маккензи, поудобнее взял сына, чтобы поддержать жену, которую явно что-то тревожило, и продолжил: – У лейтенанта Рэнсома... то есть лорда Элмира, – поправился он, взглянув на Уильяма с извиняющейся улыбкой, – наверняка есть другие дела.

Что верно, то верно: Уильям собирался поужинать с отцом. Впрочем, они договорились встретиться в таверне как раз напротив причала, захочешь – не разминешься.

² Ин. 5:3,4.

Уильям не преминул сообщить об этом семейству Маккензи и попросил их остаться: они ему нравились, особенно миссис Маккензи. Хотя краска уже вернулась на побледневшее лицо молодой женщины, она лишь сокрушенно улыбнулась и погладила по голове маленькую дочь, которую держала на руках.

– Нет, нам и вправду пора. – Миссис Маккензи посмотрела на сына, который все еще пытался вырваться из рук отца, украдкой взглянула на гавань и торчащий над приливной водой столб, затем решительно перевела взгляд на Уильяма. – Малышка вот-вот проснется и захочет есть. И все же я очень рада нашей встрече. Жаль, что мы так мало поболтали.

Она сказала это с подкупающей искренностью и легонько коснулась руки Уильяма, отчего у того сладко заныло внизу живота.

Теперь зеваки бились об заклад, появится ли снова утопленник или нет, хотя, судя по всему, в карманах у них гулял ветер.

– Два против одного, что он никуда не денется после отлива.

– Тело останется, а вот головы не будет, ставлю пять к одному. Чего бы ты там ни болтал, Лем, про хрящи, голова-то чуть ли не на ниточке держалась, когда его приливом накрыло. Как пить дать, оторвется.

Надеясь отвлечь внимание от этого разговора, Уильям начал изысканно прощаться и дошел до того, что в самой любезной придворной манере поцеловал руку миссис Маккензи, а потом, в порыве вдохновения, чмокнул ручку малышки, отчего все рассмеялись. Мистер Маккензи странно посмотрел на него, но, похоже, не обиделся и пожал ему руку совершенно республикански, а потом, продолжая шутку, опустил сына на землю, чтобы тот тоже обменялся рукопожатием с Уильямом.

– А вы кого-нибудь убили? – с интересом спросил мальчуган, глядя на его палаш.

– Пока нет, – улыбнулся Уильям.

– Мой дедушка убил две дюжины человек!

– Джемми! – в один голос воскликнули родители мальчугана, и тот сразу втянул голову в плечи.

– Это правда!

– Я уверен, что твой дед храбрый и неистовый воин, – серьезно сказал Уильям. – Королю всегда нужны такие люди.

– Дедушка говорит, что король может поцеловать его в задницу, – как ни в чем не бывало ответил мальчишка.

– ДЖЕММИ!

Мистер Маккензи закрыл ладонью рот своего чересчур прямодушного отпрыска.

– Ты же знаешь, что твой дедушка не говорил ничего подобного! – сказала миссис Маккензи.

Мальчуган согласно закивал, и отец убрал руку с его рта.

– Он не говорил, а бабуля говорила!

– Вот это больше похоже на правду, – пробормотал мистер Маккензи, с трудом сдерживая смех. – Тем не менее мы не говорим таких вещей солдатам, ведь они служат королю.

– Да? – рассеянно переспросил Джемми, явно теряя интерес к разговору. – А отлив уже начался?

– Нет, – твердо произнес мистер Маккензи. – И начнется еще не скоро. Ты уже будешь спать.

Щеки миссис Маккензи очаровательно заалели от смущения. Она одарила Уильяма извиняющейся улыбкой, и все семейство несколько поспешно удалилось, а Уильям, в душе которого желание рассмеяться боролось с отчаянием, остался.

– Эй, Рэнсом!

Услышав свое имя, он оглянулся и увидел Гарри Добсона и Колина Осборна – оба были вторыми лейтенантами из его полка, которые, судя по всему, пренебрегли службой, желая поскорее наведаться в злачные места Уилмингтона, какими бы те ни были.

– Кто это?

Добсон с любопытством уставился вслед уходящему семейству.

– Мистер и миссис Маккензи, друзья моего отца.

– Так она замужем? – Добсон втянул щеки, все еще разглядывая молодую женщину. – Хм, это слегка осложняет дело, но что за жизнь без трудностей?

– Трудности? – Уильям бросил скептический взгляд на своего невысокого друга. – Если ты не заметил, ее муж больше тебя раза в три.

Осборн рассмеялся и покраснел.

– Она сама в два раза больше Добби! Да она тебя раздавит!

– А с чего ты взял, что я буду внизу? – с достоинством спросил Добсон.

Осборн присвистнул.

– Откуда у тебя такая страсть к великаншам? – поинтересовался Уильям, взглянув на семью, которая почти скрылась из виду в конце улицы. – Эта женщина почти с меня ростом!

– Давай, сыпь соль на раны, не стесняйся!

Осборн, будучи выше Добсона с его пятью футами, все же был на голову ниже Уильяма и теперь шуточно пнул приятеля в коленку. Уильям увернулся и ткнул кулаком Осборна. Тот пригнулся и толкнул Уильяма на Добсона.

– Джентльмены!

Грозный голос с простонародным лондонским акцентом, принадлежащий сержанту Каттеру, прозвучал как гром среди ясного неба. Может, молодые люди и превосходили его по званию, но никто из них не осмеливался напомнить об этом сержанту. Весь батальон трепетал перед сержантом Каттером, который был старше самого Бога и примерно одного роста с Добсоном, зато в его тщедушном теле бурлила неистовая ярость огромного извергающегося вулкана.

– Сержант!

Лейтенант Уильям Рэнсом – граф Элсмир и старший по званию из всех четверых – выпрямился, уткнув подбородок в шейный платок. Осборн и Добсон поспешно последовали примеру приятеля, содрогаясь от страха.

Каттер прохаживался перед ними как леопард, преследующий добычу. Уильям буквально видел этого хищника, который подергивает хвостом и облизывается. Ожидание укуса было чуть ли не хуже, чем боль от впившихся в задницу клыков.

– И где же ваши подчиненные, сэ-эры? – прорычал Каттер.

Осборн и Добсон торопливо пустились в объяснения, но лейтенант Рэнсом в кои-то веки оказался в числе праведников.

– Мои люди под руководством лейтенанта Колсона охраняют резиденцию губернатора, сержант. А я получил увольнительную, чтобы поужинать с отцом, – почтительно сказал он. – Сэр Питер разрешил.

С именем сэра Питера Пэкера приходилось считаться, и Каттер замолк на полуслове. Впрочем, к большому удивлению Уильяма, вовсе не имя сэра Питера оказало столь волшебное действие.

– С отцом? – прищурился Каттер. – Ваш отец – лорд Джон Грей, так?

– Э-э... да, – осторожно ответил Уильям. – Вы... вы его знаете?

Не успел Каттер ответить, как дверь таверны неподалеку открылась и оттуда вышел отец Уильяма. Уильям улыбнулся, радуясь столь своевременному появлению, но под пристальным взглядом сержанта улыбка тотчас исчезла.

– А ну, не скальтесь тут, словно какая-то обезьяна, – свирепо начал сержант, однако осекся, когда лорд Джон панибратски хлопнул его по плечу. Никто из трех лейтенантов не решился бы на подобную фамильярность даже за большие деньги.

– Каттер! – сказал лорд Джон, тепло улыбаясь. – Я услышал ваши нежные трели и сказал себе: «Будь я проклят, если это не сержант Алоизиус Каттер! В мире нет другого человека, чей голос так походил бы на рык бульдога, который проглотил кошку и выжил, чтобы рассказать об этом!»

– Алоизиус? – одними губами спросил Добсон Уильяма. Тот лишь коротко проворчал что-то в ответ, не в состоянии пожать плечами, так как в этот миг отец повернулся к нему и приветливо кивнул.

– Уильям, да ты весьма пунктуален! – сказал он. – Приношу свои извинения за опоздание: меня задержали.

Прежде чем Уильям успел ответить или представить приятелей, лорд Джон вместе с сержантом Каттером погрузились в долгие воспоминания о том, как сражались на Авраамовых полях³ под предводительством генерала Вольфа. Они словно заново переживали старое доброе время.

Трое молодых офицеров несколько расслабились, и для Добсона это означало, что можно вернуться к прежней теме разговора.

– Так ты говоришь, та рыжая красотка – знакомая твоего отца? – прошептал он Уильяму. – Спроси у него, где она остановилась, ладно?

– Придурок! – зашипел Осборн. – Она ведь даже не хорошенькая! Длинноносая, как... как Вилли!

– Да не смотрел я вверх, на ее лицо, – ухмыльнулся Добсон. – А вот ее сиськи как раз торчали у меня перед глазами, и они...

– Осел!

– Ш-ш! – шикнул Осборн и наступил на ногу Добсону, чтобы тот замолчал: лорд Джон вновь повернулся к молодым людям.

– Может, представишь меня своим друзьям, Уильям? – вежливо спросил он.

Уильям густо покраснел – он знал, что у отца прекрасный слух, несмотря на службу в артиллерийских войсках, – и представил приятелей. Осборн и Добсон поклонились с довольно испуганным видом. Раньше они не догадывались, кто его отец, и теперь Уильям одновременно гордился произведенным впечатлением и слегка смущался из-за того, что друзья узнали о его родстве с лордом Джоном. Похоже, к завтрашнему ужину об этом будет судачить весь батальон. Конечно, сэр Питер все знает, но...

Он собрался с мыслями, обнаружив, что отец прощается за них обоих, торопливо, хотя и подобающим образом, отсалютовал сержанту Каттеру и поспешил за отцом, предоставив Осборна и Добсона самим себе.

– Я видел, как ты разговаривал с мистером и миссис Маккензи, – заметил вскользь лорд Джон. – Полагаю, у них все хорошо?

Он бросил взгляд на причал. Семейство Маккензи давно скрылось из виду.

– Вроде бы да, – ответил Вилли.

Он не собирался спрашивать, где они остановились, однако его никак не отпускало впечатление от молодой женщины. Уильям не мог сказать, красивая она или нет, но его поразили ее глаза: восхитительного синего цвета, обрамленные длинными золотистыми ресницами, они глядели на него с приятной пронизательностью, от которой теплело на сердце. Необычайно

³ Авраамовы поля – историческое место в Канаде, где 13 сентября 1759 года произошло одно из решающих сражений франко-индейской войны. Победа в битве обеспечила англичанам возможность захватить последний французский порт Квебек и тем самым установить свою власть на всей территории Канады. Генерал Вольф погиб в сражении.

высокая, конечно, но... Господи, о чем он только думает! Замужняя женщина, с детьми! Да еще и рыжеволосая!

– Ты... хм... давно их знаешь? – спросил Уильям, думая о довольно своеобразных политических настроениях, которые, похоже, процветали в этой семье.

– Достаточно долго. Она – дочь моего старинного друга, мистера Джеймса Фрэзера. Может, ты его помнишь?

Уильям нахмурился. Имя ничего ему не говорило, у отца тысячи друзей, разве можно...

– О! Он не англичанин, ты это имеешь в виду? А не у мистера ли Фрэзера мы гостили в горах, когда ты подцепил эту, как ее... корь?

Внутри у него что-то дрогнуло, когда он вспомнил об ужасе, который тогда пережил. Мать умерла всего лишь месяц назад, и Уильям путешествовал в горах, охваченный тоской. А потом лорд Джон заболел корью, и Уильям не сомневался, что отец тоже умрет и оставит его одного посреди диких лесов. В его мыслях не осталось ничего, кроме страха и горя, и от того визита он сохранил самые путаные впечатления. Впрочем, Уильям смутно помнил, что мистер Фрэзер был добр к нему и взял с собой на рыбалку.

– Да, – криво улыбнувшись, ответил отец. – Как трогательно, Вилли. Я предполагал, что то путешествие запомнилось тебе больше из-за собственных злоключений, нежели из-за моих.

– Злоключений... – Память обрушилась на Уильяма, обдав волной жара, куда более горячей, чем влажный летний зной. – Вот спасибо! Мне удалось вычеркнуть из памяти то происшествие, а ты взял и напомнил!

Отец от души веселился и даже не пытался этого скрыть. Он просто покатывался со смеху.

– Прости, Вилли, – выдавил он, задыхаясь и утирая глаза уголком носового платка. – Ничего не могу с собой поделать! Это было самым... самым... о господи, я никогда не забуду, как ты выглядел, когда тебя вытащили из того нужника!

– И ты прекрасно знаешь, что всему виной несчастный случай! – сдержанно произнес Уильям. Щеки горели от перенесенного стыда. Хорошо еще, что дочь Фрэзера не видела тогда его унижения.

– Да, конечно...

Отец прижал платок ко рту. Плечи лорда Грея тряслись от беззвучного смеха.

– Давай, насмехайся сколько тебе угодно, – холодно сказал Уильям. – И вообще, куда мы идем?

Они дошли до конца набережной, и отец, все еще отфыркиваясь, как косатка, свернул на тихую, усаженную деревьями улочку, прочь от таверн и гостиниц, располагавшихся неподалеку от гавани.

– Мы ужинаем с капитаном Ричардсоном, – ответил отец, явно сдерживаясь. Он кашлянул, высморкался и убрал носовой платок. – В доме мистера Белла.

Дом мистера Белла, аккуратный, с выбеленными стенами, выглядел зажиточным, но без показной роскоши. Точно такое же впечатление производил капитан Ричардсон, средних лет, опрятный и хорошо одетый. В его внешности не было ничего примечательного, а если бы вы вдруг выделили в толпе его лицо, то через пару минут уже забыли бы.

Гораздо сильнее Уильяма впечатлили две мисс Белл, особенно младшая, Мириам. Ее кудри медового цвета выбивались из-под чепца, а сама она весь ужин не сводила с Уильяма огромных, широко распахнутых глаз. Девушка сидела слишком далеко, и он не мог с ней заговорить, однако надеялся, что ответным взглядом сумел выразить свое восхищение. «А может, нам удастся продолжить знакомство?» – словно говорили его глаза. Улыбка, скромно опущенные золотистые ресницы, а потом быстрый взгляд в сторону открытой двери на боковую веранду. Уильям улыбнулся в ответ.

– Ты тоже так думаешь, Уильям? – произнес отец достаточно громко, давая понять, что спрашивает уже во второй раз.

– Да, конечно. Хм... А что именно? – переспросил он. Все-таки это папа, а не командир. Лорд Грей окинул сына взглядом, и Уильям понял, что, будь они одни, отец закатил бы глаза. Теперь же он лишь терпеливо ответил:

– Мистер Белл поинтересовался, долго ли сэр Питер собирается пробывать в Уилмингтоне?

Мистер Белл, который сидел во главе стола, любезно кивнул, но, сузив глаза, посмотрел на Мириам. Заметив его взгляд, Уильям решил, что лучше зайти завтра, когда мистер Белл уйдет по делам.

– О, думаю, мы здесь ненадолго, сэр, – вежливо ответил Уильям. – Насколько я знаю, основные беспорядки творятся в глуши, и нас, несомненно, срочно отправят туда, чтобы навести порядок.

Похоже, мистера Белла ответ обрадовал, но краем глаза Уильям заметил, что Мириам очаровательно надула губки, услышав о его скором отъезде.

– Замечательно, – весело сказал мистер Белл. – Полагаю, сотни сторонников короля примкнут к вашему маршу.

– Несомненно, сэр, – пробормотал Уильям, проглотив очередную ложку супа.

Вряд ли среди примкнувших будет сам мистер Белл, подумал молодой офицер. Не похож он на любителя солдатской жизни. Да и не стоит рассчитывать, что толпа вооруженных лопатами колонистов сможет оказать армии существенную помощь. Конечно, вслух Уильям ничего не сказал.

Он попытался смотреть на Мириам боковым зрением, но поймал взгляд, которым отец обменялся с капитаном Ричардсоном, и его охватило любопытство. Отец сообщил о сегодняшнем ужине, явно подразумевая, что встреча с капитаном и есть основная цель вечера. Почему?

Он встретился глазами с мисс Лиллиан Белл, которая сидела напротив, рядом с его отцом, и совершенно забыл о капитане Ричардсоне. Темноглазая Лиллиан была выше и стройнее сестры, и Уильям только сейчас заметил, что она очень хороша собой.

Тем не менее, когда после ужина миссис Белл с дочерьми встали из-за стола, а мужчины вышли на веранду, Уильям несколько не удивился, обнаружив, что беседует с капитаном Ричардсоном, а в другом конце веранды отец и мистер Белл оживленно обсуждают цены на деготь. Папа мог говорить с кем угодно и о чем угодно.

– У меня есть для вас предложение, лейтенант, – сказал Ричардсон после обычного обмена любезностями.

– Слушаю, сэр, – почтительно произнес Уильям.

Его любопытство усилилось. Капитан служил в легкой кавалерии, но в настоящее время находился не со своим полком. Об этом он сам упомянул за ужином, мимоходом заметив, что его откомандировали с важным поручением. Интересно, каким?

– Не знаю, что ваш отец счел нужным сообщить вам о моей миссии.

– Ничего, сэр.

– Я занимаюсь сбором разведданных для Южного департамента армии. Не то чтобы я руководил всей операцией... – Капитан скромно улыбнулся. – Лишь небольшой частью.

– Я... я понимаю важность подобной работы, – сказал Уильям со всей дипломатичностью, на которую был способен. – Хотя лично меня, как бы сказать...

– Лично вас шпионаж не интересует. Конечно, нет, – сухо произнес капитан; даже царящая на веранде темнота не могла скрыть его недовольства. – Немногие из тех, кто считает себя солдатами, интересуются шпионажем.

– Я не хотел вас обидеть, сэр.

– Все в порядке. Впрочем, я предлагаю вам стать не шпионом – занятие это довольно деликатное и требует недюжинной смелости, – а скорее курьером. Конечно, если вам предста-

вится случай собрать по дороге кое-какие сведения... что ж, это было бы дополнительным вкладом, к тому же весьма ценным.

Уильям вспыхнул от предположения, что ему не хватает деликатности и смелости, но сдержался и только тихо переспросил:

– Да?

Как выяснилось, капитан раздобыл важные сведения о ситуации в обеих Каролинах, и теперь ему нужно было переправить информацию командиру Северного департамента – генералу Уильяму Хау, который в настоящее время находился в Галифаксе.

– Посыльных будет несколько, – сказал Ричардсон. – Разумеется, морем добираться быстрее, но мне бы хотелось хотя бы одного курьера отправить сушей, как из соображений безопасности, так и для того, чтобы он вел наблюдения по дороге. Ваш отец очень хорошо отзывается о ваших способностях, лейтенант.

Уильяму показалось, что в сухом, как опилки, голосе промелькнула нотка удивления, а капитан продолжил:

– Насколько я знаю, вы много путешествовали по Северной Каролине и Вирджинии. Это хорошо. Как вы понимаете, мне бы не хотелось, чтобы мой посыльный навсегда исчез в пучинах Великого Мрачного болота⁴.

Уильям вежливо усмехнулся, предположив, что это шутка. Похоже, капитан Ричардсон никогда не бывал рядом с Великим болотом. Уильяму доводилось бывать в тех местах, и он даже представить не мог, что кто-либо в здравом уме отправится туда просто так, ну, если только поохотиться.

Еще Уильям серьезно сомневался относительно самого предложения, но – хотя он и говорил себе, что не должен покидать своих людей, свой полк, – невольно представлял себя в романтическом образе: один-одинешенек в бескрайней глуши, он несет важные вести сквозь бури и опасности.

Впрочем, основные сомнения возникали насчет того, что ждет его в конце пути. Но не успел Уильям заговорить, как Ричардсон ответил, предвосхищая вопрос:

– Когда прибудете на север, то можете присоединиться к штабу генерала. Это уже согласовано.

Ага, вот оно, яблочко! Да к тому же красное и сочное! Он понимал, что «это согласовано» с генералом Хау, а его, Уильяма, согласия никто и не спрашивал, но был уверен в собственных способностях и не сомневался, что сможет принести пользу.

За те несколько дней, что Уильям провел в Северной Каролине, он успел сравнить шансы на продвижение по службе в Южном департаменте и в Северном. Вся Континентальная армия во главе с Джорджем Вашингтоном находилась на севере, в то время как повстанцы-южане – разрозненные группки бунтовщиков из местного захолустья и отряды импровизированной милиции – не представляли собой серьезной угрозы. А уж если сравнивать положение сэра Питера и генерала Хау как командиров...

– Если позволите, капитан, я бы хотел обдумать ваше предложение, – произнес Уильям, надеясь, что его голос прозвучал достаточно бесстрастно. – Могу ли я дать ответ завтра?

– Конечно. Думаю, вам хочется обсудить перспективы со своим отцом. Что ж, обсудите.

После этих слов капитан намеренно сменил тему, и спустя несколько минут, когда к ним присоединились лорд Джон и мистер Белл, разговор перешел на общие предметы.

Уильям почти не слушал, его внимание отвлекли два стройных белых силуэта, которые призрачно мелькали среди зарослей в дальнем конце двора. Две головы в белых чепцах то

⁴ Великое Мрачное болото – болотистая местность, расположенная на прибрежной равнине в юго-восточной части штата Вирджиния, США.

склонялись друг к дружке, то вновь отодвигались. Время от времени одна из них, как бы в раздумье, поворачивалась к веранде.

– «И об одежде его бросали жребий»⁵, – пробормотал отец, качая головой.

– Что?

– Не важно.

Отец улыбнулся и повернулся к капитану Ричардсону, который сказал что-то о погоде.

Светлячки освещали двор, мелькая зелеными искрами среди влажных зарослей. Как здорово снова увидеть светлячков! Уильям скучал по ним в Англии, и по этой особенной мягкости южного воздуха, от которой льняная рубашка липла к телу, а кровь пульсировала в кончиках пальцев. Вокруг стрекотали сверчки, и на какой-то миг их пение заглушило все, кроме биения пульса.

– Кофе готов, жентльмуны.

Мелодичный голос служанки проник в сознание, успокаивая волнуемую кровь, и Уильям пошел в дом вместе с остальными мужчинами, бросив лишь мимолетный взгляд в сторону двора. Два белых силуэта исчезли, но в мягком теплом воздухе осталось обещание.

Часом позже Уильям шагнул к месту расквартирования своего полка, в мыслях царил приятная неразбериха, а отец молча шел рядом.

В самом конце вечера мисс Лиллиан Белл подарила Уильяму поцелуй среди светлячков, невинный и мимолетный, однако в губы, и казалось, в густом летнем воздухе витали ароматы кофе и спелой клубники, несмотря на всепроникающий гнилостный запах гавани.

– Капитан Ричардсон рассказал мне о предложении, которое тебе сделал, – небрежно бросил лорд Джон. – Ты собираешься его принять?

– Не знаю, – с такой же нарочитой небрежностью ответил Уильям. – Мне будет не хватать моих людей...

Мисс Белл взяла с него обещание, что на неделе он зайдет к ним на чашку чая.

– В военной жизни мало постоянства, – заметил отец, покачивая головой. – А я ведь тебя предупреждал.

Уильям почти не слушал, но согласно хмыкнул.

– Прекрасная возможность продвинуться по службе, – продолжил отец и как бы между прочим добавил: – Хотя, конечно, в этом предложении есть и немалая доля опасности.

– Что? – Уильям презрительно фыркнул. – Проскакать от Уилмингтона до Нью-Йорка, где пересестись на пароход? Да там же почти на всем пути проложена дорога!

– На которой полным-полно солдат Континентальной армии, – напомнил лорд Джон. – Вся армия генерала Вашингтона расположилась по эту сторону Филадельфии, если то, что я слышал, правда.

Уильям пожал плечами.

– Ричардсон сказал: я ему нужен потому, что знаю эти места. Я смогу добраться куда угодно даже без дорог.

– Уверен? Ты не был в Вирджинии почти четыре года.

Недоверчивый голос отца разозлил Уильяма.

– Думаешь, я не найду верный маршрут?

– Да нет же, – ответил отец все еще с некоторой долей сомнения. – Просто предложение довольно рискованное, и я бы хотел, чтобы ты хорошенько подумал, прежде чем его принять.

– Так вот, я подумал, – сказал Уильям, уязвленный недоверием. – Я согласен.

Лорд Джон молчал несколько шагов, затем неохотно кивнул.

– Это твое решение, Вилли, – тихо произнес он, – и все же я буду тебе признателен, если ты будешь осторожен.

⁵ Ин. 19:24.

Недовольство Уильяма тотчас исчезло.

– Конечно, – хрипло пробормотал он.

Они продолжили путь под темным пологом кленов и пеканов, молча, то и дело соприкасаясь плечами.

Возле гостиницы Уильям пожелал лорду Джону спокойной ночи, но не пошел сразу к себе, а отправился побродить вдоль пристани. Спать совершенно не хотелось.

Прилив сменился отливом, причем довольно давно, запахдохлой рыбы и гниющих водорослей усилился, но неподвижная простыня воды все еще закрывала илистое дно под бледным светом месяца.

Уильям увидел столб почти сразу. На какой-то миг показалось, что он исчез, но нет, вот он, пересекает поблескивающую водную гладь тонким штрихом. Пустой.

Столб больше не стоял прямо, он наклонился, словно вот-вот упадет, и тонкая веревка свисала с него, как петля палача, болталась в убывающей воде. На душе Уильяма стало беспокойно. Отлив не смог бы утащить все тело целиком. Поговаривали, что здесь водятся крокодилы или аллигаторы, однако сам Уильям их еще не встречал. Он невольно глянул вниз, как будто ожидая, что одна из этих тварей вот-вот вынырнет прямо у его ног. Теплый воздух еще не успел остыть, но по телу Уильяма пробежала легкая дрожь.

Он встряхнулся и повернул обратно, к месту квартирования. Уильям шел и думал, что до отъезда у него еще будет денек-другой. Может, за это время удастся вновь увидеть голубоглазую миссис Маккензи?

* * *

Лорд Джон постоял на крыльце гостиницы, глядя, как сын скрывается в тени деревьев. Лорда одолевали сомнения: все устроилось с несколько большей поспешностью, чем хотелось бы, но он и вправду был уверен, что Уильям не подведет. Конечно, предложение довольно рискованное. Конечно, такова солдатская жизнь, и все же некоторые ситуации куда опаснее других.

Он помедлил, слушая гул голосов, доносящийся из общего зала, потом решил, что на сегодня с него хватит компании. Расхаживать туда-сюда под низким потолком комнаты, душной от дневного зноя, тоже не хотелось, и потому лорд решил прогуливаться до тех пор, пока уставшее тело не запросит покоя.

Впрочем, дело было не только в духоте, понял он, когда спустился с крыльца и зашагал в сторону, противоположную той, куда ушел Вилли. Лорд Джон слишком хорошо себя знал и понимал, что, несмотря на явный успех своего плана, будет долго лежать без сна, как собака над костью, выискивая недостатки и придумывая способы их исправить. Ладно, в конце концов, Уильям уедет только через несколько дней, еще есть время подумать и, если нужно, внести изменения в план.

Вот, например, генерал Хау. Может, был выбор лучше? Скажем, Клинтон... Хотя нет. Генерал Клинтон – капризная старуха, он и с места не сдвинется без приказа, желательно в трех экземплярах.

Братья Хау, один – генерал, а другой – адмирал, славились тяжелым нравом и обладали манерами, внешним видом и запахом веprей во время гона. Впрочем, соображали они прекрасно, и, Бог свидетель, смелости обоим было не занимать. Грей не сомневался, что Вилли вполне способен выдержать дурные манеры и крепкие словечки. Да и молодому субалтерну наверняка легче иметь дело с командиром, который плюет на пол (Ричард Хау как-то плюнул на самого Грея, но это вышло случайно: ветер внезапно переменился), чем с причудами кое-каких других знакомых Грею военных джентльменов.

Однако даже самые эксцентричные из братства клинка все же предпочтительнее дипломатов, лениво подумал Грей. Интересно, каким собирательным термином можно назвать собрание дипломатов? Если писателей называют братьями по перу, а группу лис – стаей... может, банда дипломатов? Братство стилета? Нет, слишком прямолинейно, решил он. Скорее, дипломатический дурман. Братство зануд. Хотя те, кто не наводит скуку, бывают опасными.

Сэр Джордж Жермен⁶ принадлежал к редкой породе: он был опасным занудой.

Некоторое время лорд Грей бродил по улицам города, надеясь хорошенько устать перед тем, как вернуться к себе в душную комнатушку. Низко висело хмурое небо, среди туч мелькали зарницы, а атмосфера была насыщена влагой, словно губка в ванной. Лорд Грей вспомнил, что сейчас он должен был быть в Олбани⁷ – таком же душном и изобилующем насекомыми, но все же чуть более прохладном городе, возле чудесных густых лесов Адирондака⁸.

Тем не менее он нисколько не жалел о своей поспешной поездке в Уилмингтон. Вилли теперь пристроен, а это самое важное. И сестра Вилли, Брианна... Закрыв глаза, лорд Грей замер, еще раз переживая ощущение невероятности происходящего, у него вновь защемило сердце, как сегодня днем, когда он увидел их вдвоем во время первой и, скорее всего, последней встречи. Он едва дышал и не сводил глаз с двух высоких фигур, чьи красивые, открытые лица были так похожи. А еще они удивительно напоминали человека, который неподвижно стоял рядом с Греем, но, в отличие от него, жадно хватал ртом воздух, словно боялся, что никогда больше не сможет дышать.

Лорд Грей рассеянно потер безымянный палец левой руки, на котором больше не было кольца, к чему он никак не мог привыкнуть. Они с Джейми Фрэзером сделали все, чтобы уберечь своих близких, и теперь, несмотря на печаль, лорд Грей утешался мыслью, что общая ответственность их сроднила.

Интересно, встретится ли он когда-нибудь с Брианной Фрэзер Маккензи вновь? Она сказала, что нет, и, похоже, ее это огорчило не меньше, чем его самого.

– Храни тебя Бог, дитя, – прошептал он, качая головой, и повернул назад, к гавани. Он будет скучать, но, как и в случае с Вилли, облегчение оттого что Брианна вот-вот окажется за пределами Уилмингтона и в безопасности, пересиливало ощущение потери.

Он подошел к причалу, невольно бросил взгляд на воду и облегченно вздохнул, увидев пустой столб, покосившийся после отлива. Лорд Грей не понимал, зачем Брианна сделала то, что сделала, но он слишком хорошо знал ее отца – и ее брата, если на то пошло! – чтобы не заметить в синих кошачьих глазах упрямую целеустремленность. Именно поэтому он нашел небольшую лодку, а потом, задыхаясь от тревоги, стоял на причале, готовый, если придется, отвлечь внимание, пока муж Брианны вез ее к столбу с привязанным пиратом.

Лорд Грей много раз сталкивался со смертью: большинство людей умирали неохотно, некоторые – со смирением, но он ни разу не видел, чтобы кто-то умирал с такой горячей благодарностью во взгляде. Лорд почти не знал Роджера Маккензи, но подозревал в нем человека незаурядного, раз тот не только выжил в браке с этой роскошной и опасной женщиной, но и завел с ней детей.

Грей покачал головой и пошел обратно в гостиницу. У него еще есть в запасе пара недель, а потом придется ответить на письмо Жермена, которое он искусно выудил из сумки с дипломатической почтой, когда увидел на нем имя Уильяма. И тогда с чистой совестью можно будет написать, что письмо, к сожалению, доставили, когда лорд Элсмир уже отбыл в лесную глушь между Северной Каролиной и Нью-Йорком, и потому никак нельзя сообщить ему о приказе

⁶ Джордж Жермен (1716–1785) – британский военный деятель, государственный секретарь правительства Великобритании в Америке во время Американской войны за независимость.

⁷ Олбани – столица штата Нью-Йорк.

⁸ Адирондак – горная цепь на северо-востоке штата Нью-Йорк.

вернуться в Англию. Впрочем, он, Грей, уверен, что Элмир будет весьма огорчен из-за упущенной возможности присоединиться к штабу сэра Джорджа, когда узнает об этом – через несколько месяцев. Печально.

Насвистывая «Лиллибуллера»⁹, лорд Грей в прекрасном расположении духа зашагал к гостинице.

Он задержался в общем зале и попросил прислать ему в номер бутылку вина, но служанка сообщила, что «тот джентльмен» уже взял с собой наверх бутылку.

– И два бокала, – добавила служанка с улыбкой, от которой на ее щеках появились ямочки. – Вряд ли он собирается пить один.

Грею показалось, что по спине пробежала сороконожка.

– Прошу прощения, вы сказали, что у меня в комнате какой-то джентльмен? – переспросил он.

– Да, сэр, – подтвердила служанка. – Сказал, что вы с ним старые друзья... Погодите, он назвал свое имя... – Она нахмурила брови, но ее лицо тут же прояснилось. – «Бо-Шан», так он сказал, или что-то в этом роде. Имя вроде французское. Да и сам джентльмен вылитый француз. Может, вам закуску подать, сэр?

– Нет, спасибо.

Взмахом руки он отпустил служанку и начал подниматься по лестнице, торопливо прикидывая, не оставил ли он там чего-либо, не предназначенного для чужих глаз. Француз по имени Бо-Шан... Бичем. Имя сверкнуло в мозгу, как молния. Лорд Грей застыл на середине лестницы, потом вновь зашагал наверх, уже гораздо медленнее.

Не может быть... но тогда кто? Когда несколько лет назад он оставил военную службу, то занялся дипломатией, став членом английского «Черного кабинета», тайной организации, которая перехватывала и расшифровывала официальные дипломатические письма – и куда более личные послания, – что текли бесконечным потоком между европейскими правительствами. У каждого правительства был собственный «Черный кабинет», и служащие одного кабинета обычно знали тех, кто выступает на другой стороне. Они никогда не встречались, но узнавали друг друга по подписи, инициалам, даже по заметкам на полях.

Бичем считался одним из самых активных французских агентов. Грей несколько раз сталкивался с его деятельностью в прошлом, даже когда его собственные дни в «Черном кабинете» остались далеко позади. Ему пришлось в голову, что если он знает Бичема по имени, то вполне естественно предположить, что и тот его знает. Но ведь со времен их невидимого сотрудничества много воды утекло... Они никогда не встречались лично, и чтобы такая встреча произошла здесь... Лорд Джон тронул потайной карман своего сюртука и приободрился, услышав шелест бумаги.

На самом верху лестницы он помедлил; Впрочем, не было смысла прятаться: его явно ждали. Уверенным шагом Грей прошел по коридору и повернул белую фарфоровую ручку двери, гладкую и холодную под его пальцами.

Грея словно обдало жаром, горло перехватило, и он невольно охнул. Наверное, к лучшему, ибо только нехватка воздуха не дала ругательству сорваться с его губ.

Джентльмен, что расположился на единственном в комнате кресле, действительно выглядел «вылитым французом»: его отлично пошитый костюм украшали каскады белоснежного кружева у горла и запястий, серебряные пряжки на туфлях гармонировали с благородной сединой на висках.

– Мистер Бичем, – произнес Грей и медленно затворил за собой дверь. Влажное белье прилипло к телу, в висках пульсировала кровь. – Боюсь, вы застали меня врасплох.

Персеверанс Уэйнрайт едва заметно улыбнулся.

⁹ Английский военный марш времен «Славной революции» 1688 года.

– Рад тебя видеть, Джон.

* * *

Грей прикусил язык, дабы не сказать чего-нибудь необдуманного. Впрочем, все слова, которые он мог бы сказать, были необдуманными, за исключением разве что фразы: «Добрый вечер».

– Добрый вечер, – сказал он и вопросительно поднял бровь. – Месье Бичем?

– О да.

Перси попытался было встать, но Грей жестом велел ему оставаться на месте, а сам пошел за стулом, надеясь, что за эти несколько секунд успеет прийти в себя. Ничего не получилось, и он еще немного потянул время, открыв окно и пару раз вдохнув густой влажный воздух, и только потом повернулся и сел.

– Откуда ты его взял? – с деланой небрежностью спросил он. – Я имею в виду имя Бичем. Или это всего лишь псевдоним?

– Ах нет. – Перси достал обшитый кружевом носовой платок и аккуратно вытер пот со лба, волосы над которым, как заметил Грей, уже начали редеть. – Я женился на одной из сестер барона Амандина. Фамилия их семейства – Бичем, и я тоже ее принял. Родственные связи позволили мне войти в определенные политические круги, из которых...

Он очаровательно пожал плечами и грациозно взмахнул рукой: жест, который выразил всю его карьеру в «Черном кабинете». «И один бог знает, где еще», – мрачно подумал Грей.

– Поздравляю с женитьбой, – произнес он, даже не пытаясь скрыть иронию в голосе. – Так с кем из них ты спишь, с бароном или с его сестрой?

Перси довольно улыбнулся.

– Вообще-то, с обоими.

– Одновременно?

Перси улыбнулся еще шире. Зубы у него по-прежнему были хорошими, хотя и слегка потемнели от вина.

– Иногда. Хотя Сесиль – моя жена – предпочитает компанию своей кузины Лючианны, а мне больше нравятся ласки младшего садовника. Милейший юноша по имени Эмиль. Он очень похож на тебя... в молодости. Такой же стройный, белокурый, мускулистый и грубый.

К своему ужасу, Грей почувствовал, что едва сдерживает смех.

– Звучит весьма по-французски, – сухо произнес он. – Уверен, что тебя это вполне устраивает. Чего ты хочешь?

– Вопрос в том, чего хочешь ты.

Перси еще не притронулся к вину. Он взял бутылку и аккуратно наполнил стаканы темно-красной жидкостью.

– Или, вернее сказать, чего хочет Англия, – он с улыбкой протянул бокал Грею. – Ведь твои личные интересы неотделимы от интересов твоей страны, не так ли? В сущности, должен признаться, ты всегда казался мне олицетворением самой Англии, Джон.

Грей отчаянно желал, чтобы Перси прекратил называть его по имени, но возразить не мог – это бы только усилило воспоминания об их былой близости, чего, собственно, Перси и добивался. Решив не обращать внимания на фамильярность, Грей глотнул вина, которое оказалось на удивление хорошим. Интересно, заплатил ли за него Перси, а если заплатил, то как?

– Значит, чего хочет Англия, – скептически повторил он. – А ты как считаешь, чего она хочет?

Перси отпил из бокала, подержал вино во рту, смакуя, и только потом проглотил.

– Вряд ли это секрет, милый.

Грей вздохнул и посмотрел ему в глаза.

– Ты уже видел эту «Декларацию независимости», принятую так называемым Континентальным конгрессом? – спросил Перси.

Он повернулся, достал из висевшей на спинке кресла кожаной сумки пачку сложенных бумаг и протянул Грею.

Грей еще не видел этого документа, хотя, конечно, о нем слышал. Его опубликовали всего лишь две недели назад в Филадельфии, но копии «Декларации» распространились по колониям, как семена сорняков, подхваченные ветром. Вопросительно подняв бровь, Грей развернул бумаги и пробежал по ним взглядом.

– Так, значит, король – тиран? – сказал он, усмехнувшись. Авторы документа явно не стеснялись в выражениях. Он снова сложил листки и бросил на стол. – Если я – олицетворение Англии, то ты в нашем разговоре, полагаю, воплощаешь Францию?

– Я представляю там определенные интересы, – прямо ответил Перси. – И в Канаде тоже.

В мозгу Грея звякнул тревожный колокольчик. Грей воевал под командованием Вольфа в Канаде и прекрасно знал, что, хотя французы и потеряли в той войне значительную часть своих колоний в Северной Америке, сейчас они яростно сражаются за северную территорию от долины реки Огайо до Квебека. Достаточно ли это близко, чтобы доставить неприятности? Не похоже, но нельзя утверждать наверняка, когда речь идет о французах. Или о Перси.

– Англия, само собой, хочет, чтобы эта заварушка поскорее закончилась. – Перси махнул длинной узловатой рукой в сторону бумаг. – Так называемая Континентальная армия – всего лишь жалкое сборище неопытных людей с противоречивыми взглядами. Что, если бы я предложил тебе информацию, которую можно было бы использовать для... скажем, для того, чтобы поставить под сомнение верность одного из старших офицеров Вашингтона?

– Допустим, – ответил Грей, не скрывая скептической нотки в голосе. – Но какую пользу это принесет Франции? Или тебе лично, ибо я смею предположить, что ваши интересы не совсем совпадают.

– Я вижу, Джон, что ты как был, так и остался циником. Одно из самых неприятных твоих качеств... Не помню, говорил ли я тебе об этом.

Грей слегка округлил глаза, и Перси вздохнул.

– Ну хорошо, речь идет о землях, – сказал он. – Северо-Западные территории. Мы хотим их вернуть.

Грей насмешливо хмыкнул.

– Кто бы сомневался.

Эти территории, обширный кусок земли к северо-западу от долины реки Огайо, отошли от Франции к Британии в конце франко-индейской войны. Впрочем, из-за вооруженного сопротивления аборигенов и затянувшихся попыток заключить с ними договор Британия не заняла эту территорию и не пускала туда колонистов. Понятное дело, колонистам это не нравилось. Грею доводилось сталкиваться с аборигенами, и он считал позицию Британского правительства разумной и честной.

– Французские торговцы имели обширные связи с аборигенами, а у вас ничего нет.

– Так ты представляешь интересы торговцев пушниной?

Перси широко улыбнулся.

– Не только.

Грей не стал спрашивать, почему Перси обратился именно к нему, отставному дипломату, к тому же не особо влиятельному. Перси прекрасно знал о возможностях и связях семьи Грея еще с тех пор, когда они были близки, и наверняка «месье Бичему» удалось узнать гораздо больше о нынешних знакомствах лорда Джона из источников информации, доступных европейским «Черным кабинетам». Конечно, от самого Грея ничего не зависит, но он может втайне сообщить о предложении людям, облеченным властью.

На душе стало тревожно, волосы на теле приподнялись, словно усики насекомого.

– Нам потребуется несколько больше, чем просто предложение, – холодно произнес

Грей. – Например, имя того офицера.

– Сейчас я не могу его назвать, но, как только начнутся честные переговоры...

Грей уже прикидывал, кому стоит передать предложение Перси. Только не сэру Джорджу Жермену. Может, людям лорда Норта?¹⁰ Впрочем, это пока подождет.

– А как насчет твоих личных интересов? – резко спросил он, поскольку хорошо знал Перси и понимал, что тот ничего не станет делать без выгоды для себя.

– Ах, это. – Перси отпил вина, опустил бокал и посмотрел сквозь него ясным взглядом на Грея. – Мне поручили найти одного человека. Знаешь ли ты некоего шотландского джентльмена по имени Джеймс Фрэзер?

Ножка бокала Грея треснула, однако он не опустил бокал, а осторожно сделал глоток, благодаря Бога за то, что, во-первых, никогда не упоминал имя Джейми Фрэзера при Перси, а во-вторых, за то, что сегодня днем Фрэзер уехал из Уилмингтона.

– Нет, – спокойно произнес Грей. – А что, собственно, тебе нужно от этого самого мистера Фрэзера?

Перси пожал плечами и улыбнулся.

– Всего лишь хочу задать ему пару вопросов.

Грей чувствовал, как из рассеченной ладони сочится кровь. Аккуратно сжимая надтреснутый бокал, он допил вино. Не говоря ни слова, Перси тоже выпил.

– Мои соболезнования по поводу кончины твоей жены, – тихо произнес он. – Я знаю, что она...

– Ты ничего не знаешь! – Грей положил разбитый бокал на стол; чаша покатилась, остатки вина омывали стекло изнутри. – Ничего. Ни о моей жене, ни обо мне.

Перси едва заметно пожал плечами. Типично галльский жест, словно говорящий: «Ну, как скажешь». И все же его глаза... по-прежнему прекрасные, чтоб его, глаза, темные и ласковые... Казалось, они смотрят на Грея с искренним сочувствием.

Грей вздохнул. Конечно, с искренним. Перси нельзя было доверять – ни в прошлом, ни сейчас, – но он поступил так, как поступил, исключительно из-за своей слабости, а не по злему умыслу или от недостатка чувств.

– Чего ты хочешь? – повторил он.

– Твой сын...

Грей резко повернулся к нему и схватил за плечо так грубо, что Перси охнул и сжался. Грей наклонился, вглядываясь в лицо Уэйнрайта... простите, Бичема. Грей ощущал тепло его дыхания на своей щеке, чувствовал запах одеколона... Кровь из пораненной ладони испачкала сюртук Уэйнрайта.

– В нашу последнюю встречу я едва не всадил тебе пулю в голову, – очень тихо сказал Грей. – Не дай мне пожалеть о своей сдержанности.

Он отпустил Перси и выпрямился.

– Держись подальше от моего сына... и от меня тоже. А вот тебе добрый совет: возвращайся во Францию. И как можно скорее.

Повернувшись на каблуках, он стремительно вышел из комнаты, захлопнув за собой дверь. Он уже дошел до середины улицы, когда понял, что оставил Перси одного в своей комнате.

¹⁰ Фредерик Норт (1732–1792) – 12-й премьер-министр Великобритании с 1770 по 1782 год, недалёковидная политика которого во время Американской войны за независимость стоила Британии потери заокеанских колоний.

– Ну и черт с ним, – пробормотал Грей и отправился просить приюта у сержанта Каттера. Утром надо будет удостовериться, что семейство Фрэзеров и Вилли благополучно покинули Уилмингтон.

Глава 2

А иногда – нет

Лаллиброх, Шотландия

Сентябрь, 1980 г.

– Мы живы, – повторила Брианна Маккензи дрожащим голосом. Она посмотрела на Роджера, прижав письмо к груди обеими руками. По ее лицу бежали слезы, но голубые глаза радостно сияли. – Живы!

– Дай мне взглянуть.

Сердце Роджера стучало так сильно, что он едва расслышал собственные слова. Он протянул руку, Брианна неохотно отдала исписанные странички и тут же подошла, прильнула к нему. Пока Роджер читал, она крепко держала его за руку, не в силах отвести глаз от листа старинной бумаги.

Бумага ручной работы, со следами вдавленных в волокна цветов и листьев, была приятно шероховатой на ощупь. Она пожелтела от времени, но осталась плотной и на удивление гибкой. Бри сделала ее сама – двести с лишним лет назад.

Роджер вдруг понял, что у него трясутся руки: листок дрожал так, что было почти невозможно прочитать неровные, выцветшие строки, написанные размашистым почерком.

«31 декабря 1776 года.

Доченька, если получишь это письмо, знай, что мы живы...»

Глаза Роджера заволокло слезами, и он вытер их тыльной стороной ладони. Какая разница, говорил он себе, ведь сейчас они точно мертвы, Джейми Фрэзер и жена его, Клэр, – но от слов на бумаге его охватила такая радость, словно они вдвоем стояли перед ним и улыбались.

Как выяснилось, они действительно были вдвоем. Письмо начал писать Джейми – Роджер, казалось, слышал его голос, – однако на второй странице повествование продолжила Клэр. Роджер узнал ее твердый наклонный почерк.

«Рука твоего отца уже не слушается, а это чертовски длинная история. Он целый день рубил лес и теперь едва разгибает пальцы, но захотел лично сообщить тебе о том, что мы не сгорели дотла, во всяком случае, пока. Впрочем, это может произойти в любую минуту: нас четырнадцать человек, и мы все набились в старую хижину. Я пишу эти строки, почти сидя на очаге, умирающая бабуля Маклауд хрипит на соломенном тюфяке у моих ног, чтобы, если вдруг она начнет умирать, я могла бы влить ей в глотку немного виски.

– Господи, я прямо-таки слышу ее! – удивился Роджер.

– Я тоже, – по лицу Бри все еще текли слезы, но они были слепым дождиком, что закапал солнечным днем, и она вытерла их, смеясь и шмыгая носом. – Читай дальше. Почему они в нашей хижине? Что случилось с Большим домом?

Роджер провел пальцем вниз по странице, чтобы найти место, где остановился.

– О боже! – вырвалось у него.

«Помнишь того придурка, Доннера?»

От одного имени по рукам побежали мурашки. Доннер, путешественник по времени. Один из самых никчемных людей, которых Роджер когда-либо встречал, и потому еще более опасный.

«Так вот, в этот раз он превзошел сам себя, собрав банду головорезов из Браунсвилля и убедив их, что у нас есть драгоценные камни, которыми можно пожить. Только у нас ничего, конечно, не было».

Конечно, не было, ведь он сам, Брианна, Джемми и Аманда забрали оставшиеся драгоценности, чтобы наверняка пройти через стоячие камни.

«Они взяли нас в заложники и перевернули весь дом (черт бы их подрал!), умудрившись разбить бутылку с эфиром в моей операционной. От паров эфира мы чуть было все не заснули прямо на месте...»

Роджер торопливо дочитал письмо. Брианна заглядывала через плечо, негромко охая от волнения и тревоги. Закончив, он отложил листок и, едва сдерживаясь, повернулся к жене.

– Значит, это твоя работа! – Роджер понимал, что не должен так говорить, но промолчать и не фыркать от смеха было выше его сил. – Ты и твои чертовы спички... Ты сожгла дом!

На ее лице попеременно отразились ужас, негодование и, да, безудержное веселье, под стать его собственному.

– Ничего подобного! Это все мамин эфир. Могло рвануть от любой искры...

– Это была не любая искра, – заметил Роджер. – Твой кузен Йен зажег одну из твоих спичек!

– Значит, виноват Йен!

– Нет, только ты и твоя матушка. Ох уж эти ученые женщины! – Роджер покачал головой. – И как только восемнадцатый век вас пережил?

Брианна чутьчку рассердилась.

– Ничего бы не случилось, если бы не идиот Доннер!

– Согласен, – кивнул Роджер, – но он ведь тоже был баламутом из будущего, так? Хотя, если честно, его нельзя назвать ни ученым, ни женщиной.

Фыркнув, Брианна взяла письмо и бережно сложила.

– Что ж, он и не пережил восемнадцатое столетие.

Она говорила, опустив глаза с покрасневшими веками.

– Неужели тебе его жалко? – Роджер не верил своим ушам.

Брианна покачала головой, водя пальцами по плотной мягкой бумаге.

– Не столько его самого... Просто... сама мысль о том, чтобы умереть вот так... Я имею в виду, совсем одному, вдали от дома.

Нет, не о Доннере она думала. Роджер обнял Бри, прижался к ее голове своей. Уловив запах шампуня и свежей капусты, он понял, что Бри вернулась с огорода. Выдавленные пером на бумаге слова поблекли, но были четкими и разборчивыми – как-никак, почерк хирурга.

– Она не одна, – прошептал Роджер, проводя пальцем по постскриптому, который, судя по размашистому почерку, дописал Джейми. – И он тоже. И неважно, есть ли у них над головой крыша или нет: они оба дома.

* * *

Я отложила письмо, решив, что у меня еще будет время закончить. Я писала его уже несколько дней, когда улучала свободную минуту. Если уж на то пошло, мне не нужно спе-

шить, чтобы отправить его с уходящей почтой, так что особой спешки и нет. От этой мысли я усмехнулась и, аккуратно сложив листки бумаги, сунула их в новую рабочую сумку, чтобы не потерять. Промокнула перо, отложила в сторону и растерла занемевшие пальцы, стараясь продлить то чудесное ощущение единения, которое давала работа над письмом. Пишу я, конечно, легче и быстрее Джейми, но возможности человеческого тела не безграничны, а сегодняшний день был ужасно долгим.

Я взглянула на тюфяк, который лежал с другой стороны очага, как делала каждые несколько минут, но оттуда доносилось только хриплое дыхание бабули Маклауд. Пожилая женщина дышала так редко, что, ожидая очередного вдоха, я могла бы поклясться: его не последует. Но она все не умирала, и, по моим наблюдениям, должна была еще протянуть какое-то время. Я надеялась, что она отойдет в мир иной до того, как мои скудные запасы опиумной настойки закончатся.

Я не знала, сколько ей лет: выглядела она на сотню или около того, но вполне могла быть моложе меня. Два внука-подростка привезли ее пару дней назад. Они спустились с гор, чтобы отвезти бабушку к родственникам в Кросс-Крик, а потом присоединиться к отрядам ополчения в Уилмингтоне, но бабушке, как они выразились, «поплохело». Кто-то подсказал парням, что неподалеку в Ридже есть хорошая лекарка, вот они и притащили пожилую женщину ко мне.

У бабули Маклауд, как я ее называла – внуки не догадались сообщить мне ее имя, а сама она по понятным причинам сказать его не могла – почти наверняка была какая-то разновидность рака на последней стадии. Тело женщины иссохло, лицо болезненно морщилось, хотя она лежала без сознания, кожа посерела.

Огонь почти догорел, следовало бы пошевелить его и подбросить пару сосновых поленьев, но на моем колене покоилась голова Джейми. Может, я дотянусь до поленницы, не потревожив его? Я легонько оперлась на плечо Джейми, чтобы не потерять равновесия, и с трудом дотянулась до небольшого чурбачка. Прикусив нижнюю губу, осторожно вытащила его и ухитрилась отправить в очаг, выбив из тлеющих угольков облако искр и дыма.

Джейми заворочался под моей рукой, пробормотал что-то невнятное, но потом, когда я сунула полено в огонь и выпрямилась, вздохнул, повернулся на другой бок и снова заснул.

Бросив взгляд на дверь, я прислушалась, но снаружи слышался только шум ветра в кронах деревьев. Впрочем, других звуков бы и не было, учитывая, что ждала я Йена-младшего.

Они с Джейми ходили в дозор по очереди, прячась в деревьях за обгорелыми развалинами Большого дома. Йен караулил уже более двух часов и вот-вот должен был вернуться, чтобы перекусить и погреться у очага.

– Кто-то пытался убить белую свинью, – озадаченно сообщил он за завтраком три дня назад.

– Что? – Я передала ему миску политой медом овсянки с куском тающего масла. К счастью, когда произошел пожар, бочонки с медом и ящики с сотами были в кладовой у родника. – Ты уверен?

Йен кивнул и, взяв миску, с наслаждением вдохнул поднимающийся над ней пар.

– Ага, у нее порез на боку. Неглубокий, и уже заживает, тетушка, – добавил он, кивая в мою сторону. Похоже, Йен считал, что здоровье свиньи интересует меня ничуть не меньше, чем физическое благополучие остальных обитателей Риджа.

– Да? Вот и хорошо, – сказала я, хотя вряд ли смогла бы помочь, если бы рана не заживала. Я могла лечить и не раз успешно лечила лошадей, коров, коз, овец и прочую живность, включая кур, которые перестали нестись, но эта свинья была сама себе хозяйка.

Услышав про свинью, Эми Хиггинс перекрестилась.

– На нее напал медведь, – сказала она. – Больше бы никто не осмелился. Эйдан, а ну-ка послушай, что говорит мистер Йен! Не отходи далеко от дома и присматривай за братом, когда выходите на улицу.

– Мам, медведи зимой спят, – рассеянно ответил Эйдан, не сводя глаз с волчка, новой игрушки, которую вырезал Бобби, его новоиспеченный отчим.

У Эйдана никак не получалось запустить волчок правильно. Скосив глаза к переносице, он сосредоточенно уставился на игрушку, поставил ее на стол и, затаив дыхание, дернул за бечевку. Волчок пролетел через стол, со звоном ударился о банку с медом, отскочил и едва не угодил в молоко – Йен успел поймать игрушку. Жуя поджаренный хлеб, он жестом попросил у Эйдана бечевку, смотал ее и натренированным движением запястья отправил волчок прямо на середину стола. Эйдан смотрел на него, открыв рот, а потом, когда игрушка докатилась до края и упала, нырнул за ней под стол.

– Не, это не зверь, – произнес Йен, наконец проглотив еду. – Рана слишком ровная. Кто-то напал на свинью с ножом или палашом.

Джейми оторвал взгляд от подгорелого тоста.

– Ты нашел тело?

Йен коротко ухмыльнулся и покачал головой.

– Нет, если она его убила, то наверняка сожрала... но я не обнаружил никаких останков.

– Свиньи едят очень неаккуратно, – заметил Джейми. Он осторожно откусил подгорелый хлеб, поморщился, но мужественно съел.

– Думаете, индейцы? – спросил Бобби. Маленький Орри завозился, пытаясь слезть с колен новоиспеченного отчима, и тот послушно усадил малыша на его любимое место под столом.

Джейми и Йен переглянулись, и я почувствовала, как волосы на затылке слегка зашевелились.

– Вряд ли, – ответил Йен. – Все местные чероки ее отлично знают и даже близко к ней не подойдут. Считают, что она демон, да.

– А кочевые индейцы с севера вооружены стрелами и томагавками, – закончил Джейми.

– Вы уверены, что это не пантера? – с сомнением спросила Эми. – Они ведь охотятся зимой?

– Конечно, – согласно кивнул Джейми. – Вчера я видел кошачьи следы вверх по Зеленому ручью. Эй вы там, слышите? – Он нагнулся к мальчишкам под столом. – Будьте осторожны, ясно?

Он выпрямился и добавил:

– Но на свинью напала не пантера. Думаю, Йен способен отличить следы когтей от ножовых порезов.

Он бросил насмешливый взгляд на Йена, который из вежливости не закатил глаза, а лишь кивнул, с подозрением глядя на корзинку с тостами.

Никому и в голову не пришло предположить, что свинью ранил кто-либо из обитателей Риджа или Браунсвилля. Хотя религиозные взгляды местных пресвитерианцев и индейцев чероки совершенно не совпадали, и те, и другие считали белую свинью исчадием ада.

Лично я подозревала, что они правы. Эта тварь умудрилась выжить в пожаре Большого дома и вылезла из своего логова под фундаментом прямо в россыпь разлетающихся головешек, ведя за собой подростков поросят.

– Моби Дик! – вдохновенно воскликнула я.

С недоуменным «вуф!» Ролло поднял голову, посмотрел на меня желтыми глазами и, вздохнув, снова положил морду на лапы.

– Кто-кто дик? – сонно спросил Джейми.

Кряхтя и потягиваясь, он сел, потер рукой лицо и, моргая спросонья, уставился на меня.

– Я просто подумала, кого мне напоминает эта свинья, – объяснила я. – Это долгая история. Про кита. Завтра расскажу.

– Если я доживу, – сказал он и зевнул так, что едва не вывихнул челюсть. – Где виски? Или ты бережешь его для бедной женщины?

Джейми кивнул на укутанную одеялом бабулю Маклауд.

– Пока нет. Держи.

Я пошарила в корзинке под своим стулом и достала закупоренную бутылку.

Он выдернул пробку и выпил. На его щеки постепенно возвращался румянец. Днем Джейми либо охотился, либо рубил лес, а полночи проводил в стылом лесу, и даже его огромный запас жизненных сил стал истощаться.

– Сколько времени это продлится? – спросила я, понизив голос, чтобы не разбудить Хиггинсов – Бобби, Эми, двух мальчишек и двух золовок Эми от первого брака, которые приехали на свадьбу несколькими днями раньше, прихватив с собой пятерых детей не старше десяти лет. Сейчас вся компания спала в маленькой спальне.

После отъезда парней Маклауд в хижине стало чуть попросторнее, но нам с Джейми, Йену, его псу Ролло и бабуле Маклауд пришлось ютиться на полу большой комнаты, где вдоль стен громоздились пожитки, которые удалось вытащить из огня. Неудивительно, что порой я испытывала приступы клаустрофобии, а Джейми и Йен проводили много времени в дозоре не только потому, что искали в лесу чужаков, но и чтобы глотнуть свежего воздуха.

– Недолго, – уверил меня Джейми, чуть вздрогнув от большого глотка обжигающего виски. – Если сегодня никого не найдем...

Он замолчал на полуслове и резко повернулся к двери.

Я ничего не услышала, но увидела, как дернулась щеколда, и почти сразу ледяной порыв ветра ворвался в комнату, запустил холодные пальцы мне под юбку и выбил из огня фонтан искр.

Поспешно схватив тряпку, я прихлопнула их прежде, чем они успели поджечь волосы или постель бабули Маклауд. Когда я совладала с пламенем, Джейми уже пристегивал к поясу пистолет, патронташ и пороховой рожок, вполголоса разговаривая у двери с Йеном, раскрасневшимся от холода и явно взволнованным. Ролло тоже поднялся и теперь обнюхивал ноги Йена, виляя хвостом и предвкушая приключения в морозном лесу.

– А тебе лучше остаться, псина, – сказал Йен, почесывая холодными пальцами собаку за ушами. – *Sheas!*¹¹

Ролло недовольно заворчал и попытался протиснуться мимо Йена, но тот ловко остановил пса ногой. Джейми натянул сюртук, расправил плечи, повернулся ко мне и, нагнувшись, торопливо поцеловал.

– Запри дверь, *a nighean*, – прошептал он, – и не открывай никому, кроме меня или Йена.

– Что... – начала было я, но они уже ушли.

* * *

Ночь стояла холодная и ясная. Джейми глубоко вздохнул и вздрогнул, позволяя холоду завладеть своим телом, унести прочь тепло жены, дым и запах очага. Кристаллики льда обожгли легкие, проникли в кровь. Он повернул голову в одну сторону, потом в другую, принюхиваясь, словно волк, вдыхая ночь. Ветра почти не было, но двигающийся с востока воздух нес от развалин Большого дома горьковатый запах пепла и, как показалось Джейми, слегка отдавал кровью.

Джейми бросил взгляд на племянника, вопросительно дернув головой. Йен, чей силуэт темнел на фоне лавандового неба, кивнул.

– Там мертвая свинья, – негромко сказал он. – Прямо за тетушкиным садом.

¹¹ Стоять! (гэльск.)

– Да? Неужели белая свиноматка?

От этой мысли сердце Джейми екнуло. Вот интересно, пожалеет ли он эту тварь или спляшет от радости на ее останках? Но нет, Йен покачал головой – движение, которое Джейми скорее почувствовал, нежели увидел.

– Нет, не эта злобная зверюга. Подсвинок, может, из прошлогоднего помета. Кто-то его убил, но забрал лишь пару небольших кусков из задней ноги. А добрую часть того, что взял, мелко нарубил и разбросал вдоль тропы.

Джейми удивленно оглянулся.

– Что?

Йен пожал плечами.

– Ага. Да, еще, дядя: свинью убили и выпотрошили топором.

Кровь заледенела в жилах Джейми, сердце едва не остановилось.

– Иисусе, – вымолвил он, но не потому, что новость его потрясла, нет, она скорее подтвердила давнишние подозрения. – Значит, все-таки он.

– Ага.

Они оба знали, что это так, но обсуждать ничего не хотелось. Не проронив ни слова, они пошли от хижины в сторону деревьев.

– Ну, что же. – Джейми сделал глубокий вдох, выдохнул, и дыхание повисло в темноте белым облачком.

Он надеялся, что Арч заберет свое золото, жену и уберется из Риджа, но понимал, что этого не произойдет. Арч Баг был Грантом по крови, а клан Грантов славился мстительностью.

Лет пятьдесят назад Фрэзеры из Гленхельма поймали Арча Бага на своей земле и предложили ему на выбор лишиться глаза или указательного и среднего пальцев на правой руке. Он смирился с искалеченной рукой, и, не имея возможности стрелять из лука, мастерски освоил топор, которым, несмотря на преклонный возраст, владел не хуже любого могавка.

А не смирился он с провалом дела Стюартов и с потерей якобитского золота, слишком поздно посланного из Франции, которое спас – или похитил, в зависимости от точки зрения, – Гектор Камерон. Он привез треть сокровища в Северную Каролину, и там у его вдовы Арч Баг это золото украл – или вернул законному владельцу.

Договориться с Джейми Фрэзером Арч тоже не смог.

– Думаешь, это угроза? – спросил Йен.

Они отошли довольно далеко от хижины и, стараясь держаться ближе к деревьям, зашагали вокруг большой поляны, где недавно стоял Большой дом. Печная труба и половина стены до сих пор стояли на пепелище, обугленные и угрюмые на фоне грязного снега.

– Вряд ли. Если он решил угрожать, то почему так долго ждал? – ответил Джейми, но про себя поблагодарил Бога, что дочь и ее малыши в безопасности.

Мертвая свинья – не самая страшная угроза, и Джейми не сомневался, что Арч Баг способен на все.

– Возможно, он уходил, – предположил Йен. – Пристроил где-то жену и только сейчас вернулся.

Вполне разумное предположение: если Арч Баг и любил кого-нибудь на этом свете, то только жену Мурдину, которая вот уже более полувека была его опорой и поддержкой.

– Может, и так, – сказал Джейми.

И все же... И все же с тех пор, как Баг исчез, Джейми не раз ощущал спиной чей-то взгляд. Чувствовал тишину, которая не имела отношения к безмолвию деревьев и скал.

Он не спросил, искал ли Йен следы старого рубаки, – будь там хотя бы один след, Йен его нашел бы. Но уже больше недели не было свежего снега, а тот, что еще оставался, лежал на земле грязными клочьями, истоптанный бесчисленным количеством ног. Джейми взглянул на небо: похоже, вот-вот пойдет снег.

Он поднимался по уступу скалы, осторожно ступая по льду. Днем снег таял, но ночью вода снова замерзала, свисая с крыши хижины и ветвей деревьев блестящими сосульками, которые наполняли лес цветом голубого предрассветного неба, а затем падали золотыми и бриллиантовыми каплями под восходящим солнцем. Теперь же они стали бесцветными и стеклянно звенели, когда рукав задевал обледеневшие кусты. Джейми добрался до самого верха и присел, оглядывая поляну.

Так-так. Уверенность в том, что Арч Баг недавно был здесь, вызвала череду подсознательных умозаключений, которые оформились в четкую и ясную мысль.

– У него есть только две причины вернуться сюда, – сказал он Йену. – Чтобы рассчитаться со мной или чтобы забрать золото. Все, что еще осталось.

Джейми дал слиток золота Багу, когда выдворил его вместе с женой, узнав об их предательстве. Половины французского слитка пожилым супругам хватило бы, чтобы прожить остаток жизни скромно, но в тепле и уюте. Однако Арч Баг не отличался скромностью. Когда-то он был арендатором у лэрда Гранта во владениях Грантов, и, хотя ему пришлось на время схоронить свою гордыню, рано или поздно она бы восстала из могилы.

Йен, похоже, заинтересовался.

– Все, что еще осталось, – повторил он, глядя на Джейми. – Думаешь, он спрятал золото где-то здесь, но в таком месте, откуда не смог забрать, когда ты его выгнал?

Джейми дернул плечом, всматриваясь в поляну. Дом больше не закрывал крутую тропинку, которая вела наверх, туда, где совсем недавно был садик жены, огороженный от оленей частоколом. Сейчас там осталось несколько кольев, которые чернели на фоне грязного снега. Ничего, подумал Джейми, когда-нибудь, даст Бог, он сделает для нее новый сад.

– Если Арч хотел только свести счеты, у него была такая возможность, – заметил Джейми.

Сверху он прекрасно видел зарубленную свинью: темная туша лежала на тропе в большой луже крови. Отогнав внезапную мысль о Мальве Кристи, Джейми вновь принялся рассуждать.

– Да, Арч спрятал золото где-то здесь, – повторил он более уверенно. – Если бы ему удалось забрать все золото, он давно бы ушел. А он выждал, пытался найти способ добраться до сокровища. Но незаметно достать золото он не смог, вот и пытается что-нибудь придумать.

– Ага, только вот что? Эта... – Йен кивком показал на бесформенную грудку на тропе. – Я вначале подумал, что там какая-то ловушка или западня, но нет. Я смотрел.

– Может, приманка?

Даже сам Джейми явственно чувствовал запах крови, что тогда говорить о хищниках, для которых он был настоящим приглашением на обед. Едва Джейми об этом подумал, как возле свиньи что-то мелькнуло, и он схватил Йена за плечо.

Еще одно почти незаметное движение, и маленький гибкий зверек юркнул за свиную тушу.

– Лиса! – в один голос воскликнули оба и тихо рассмеялись.

– Как насчет той пантеры с Зеленого ручья? – с сомнением в голосе сказал Йен. – Я видел вчера следы. Что, если Арч хочет подманить ее этой свиньей и достать золото, пока мы будем разбираться с кошкой?

Джейми нахмурился и посмотрел на хижину. Ну да, заметив пантеру, мужчины могут броситься за ней, но женщины и дети наверняка останутся внутри. Да и куда можно спрятать золото в месте, где живет так много людей? Взгляд Джейми упал на длинные неровные очертания обжиговой печи, которая стояла чуть в стороне от хижины и не использовалась с тех пор, как уехала Брианна. От волнения Джейми резко выпрямился. Неужели... Но нет, Арч таскал золото у Июкасты Камерон по слитку зараз и тайком приносил его в Ридж, начав задолго до отъезда Брианны. А вдруг...

Неожиданно Йен замер, и Джейми повернул голову, чтобы посмотреть, в чем дело. Поначалу он ничего не увидел, но затем до него донесся звук, который услышал Йен. Приглушенное

хрюканье, шорох, треск, потом среди обугленных балок сгоревшего дома что-то зашевелилось, и тут Джейми осенило.

– Господи Иисусе, – выдохнул он и вцепился в руку Йена с такой силой, что тот охнул. – Золото под Большим домом!

Огромная белая свинья вылезла из своего логова под развалинами дома – массивная, розовеющая в ночном мраке туша, – встала, поводя головой туда-сюда и принюхиваясь, после чего со злобным видом устремилась вверх по холму.

Джейми чуть не рассмеялся от подобной красоты.

Хитроумный Арч Баг прятал золото под фундаментом Большого дома, выбирая то время, когда свинья уходила по своим делам. Никому бы и в голову не пришло вторгнуться во владения белой свиньи: лучшего сторожа не сыщешь. Несомненно, Арч думал, что когда он соберется уходить, то сможет забрать золото тем же путем: осторожно, по одному слитку зараз. Но дом сгорел, обугленные балки завалили фундамент, и достать сокровище, не привлекая внимания, стало делом почти невозможным и весьма хлопотным. И только сейчас, когда мужчины расчистили почти все завалы (и разнесли сажу и уголья по всей поляне), появилась возможность незаметно вытащить что-либо из тайника под фундаментом. Однако стояла зима, и белая свинья, хотя и не впала, как медведь, в спячку, почти не выходила из логова, разве только поесть.

Йен охнул, услышав хруст и чавканье, доносящиеся с тропы. Его передернуло от отвращения.

– Свиньи напрочь лишены нежных чувств, – пробормотал Джейми. – Если наткнутся на труп, то непременно слопают.

– Так это ж, поди, ее собственный отпрыск!

– Она частенько сжирает живых поросят, сомневаюсь, что побрезгует мертвым.

– Ш-ш!

Джейми тут же замолчал, глядя на чернеющее пепелище, которое когда-то было самым красивым домом в округе. Так и есть, из-за кладовой над ручьем возникла темная фигура, которая осторожно кралась по скользкой тропе. Свинья, увлеченная ужасной трапезой, не обращала внимания на укутанного в плащ человека, который нес что-то вроде мешка.

* * *

Я не сразу закрыла дверь на засов, а, заперев Ролло, вышла из хижины, чтобы глотнуть свежего воздуха. Не прошло и нескольких секунд, как Джейми с Йеном скрылись за деревьями. Я беспокойно оглядела поляну, посмотрела на черную громаду леса, но ничего особенного не увидела. Ничего не двигалось, в ночи ни звука, ни шороха. Что же такое нашел Йен? Может, незнакомые следы? Тогда понятно, почему он торопился: вот-вот пойдет снег.

Луны не было видно, но небо окрасилось в глубокий розовато-серый цвет, истоптанную землю кое-где покрывал старый снег, и потому казалось, что в воздухе висит странная молочная дымка и все предметы парят в ней, расплывчатые и неясные, как будто нарисованные на стекле. Обгорелые развалины Большого дома виднелись в дальнем конце поляны и с этого расстояния выглядели грязным пятном, похожим на огромный отпечаток большого пальца, измазанного сажей. Я чувствовала тяжесть надвигающегося снегопада, слышала его в приглушенном шелесте сосен.

Когда ребята Маклауд со своей бабулей спустились с гор, они сказали, что еле-еле перешли через высокие перевалы. Очередная снежная буря, скорее всего, отрежет нас от мира до самого марта. Или даже до апреля.

Вспомнив таким образом о своей пациентке, я еще раз оглядела поляну и взялась за щеколду. Ролло скулил и царапал дверь, и, когда я ее открывала, мне пришлось бесцеремонно выставить колено прямо перед собачьей мордой.

– Стоять, псина, – скомандовала я. – Не тревожься, они скоро придут.

Тоскливо заскулив, Ролло заметался под дверью, тычась в мои ноги и пытаясь выскочить наружу.

– Нет! – сказала я, отпихивая пса, чтобы запереть дверь.

Глухо звякнув, задвижка встала на место, и я повернулась к огню, потирая руки. Ролло запрокинул голову и заунывно завыл. От его тоскливого воя у меня зашевелились волосы.

– Что такое? – встревоженно спросила я. – Тихо!

От шума кто-то из детей в спальне проснулся и заплакал. Я услышала, как зашуршали одеяла и сонный материнский голос успокоил малыша. Присев, я схватила Ролло за морду, прежде чем он снова завыл. Шикнув на пса, я посмотрела, не разбудил ли он бабулю Маклауд. Та лежала неподвижно, глаза на бледном, словно восковом лице закрыты. Автоматически отсчитывая секунды, я ждала, когда ее грудная клетка поднимется в очередной раз. *Шесть... семь...*

– Ох, черт побери! – выругалась я, поняв, что произошло.

Торопливо перекрестившись, я подползла к ней на коленях, но при более близком осмотре не обнаружилось ничего, что я не видела бы раньше. Оставаясь скромной до последнего, она умерла тихо и незаметно в те несколько минут, когда я отвлеклась.

Ролло больше не выл, но беспокойно метался по хижине. Я положила руку на впалую грудь мертвой. Я не пыталась поставить диагноз или оказать помощь – уже незачем. Просто... просто признавала, что женщина, чьего имени я так и не узнала, отошла в мир иной.

– Что ж... Да упокоит Господь твою душу, бедняжка, – тихо сказала я и села на пятки, пытаясь сообразить, что делать дальше.

По обычаю горцев сразу после смерти полагалось распахнуть дверь, чтобы выпустить душу. Я в сомнении потерла губы костяшками пальцев: могла ли душа поспешно вырваться наружу, когда я вошла в хижину? Вряд ли.

Возможно, кто-то решил бы, что в негостеприимном шотландском климате позволительна некоторая свобода действий в определенных ситуациях, но я знала, что только не в этом случае. Дождь, снег, ледяной дождь, ветер... горцы *всегда* открывают дверь и часами держат ее распахнутой, одновременно желая освободить уходящую душу и опасаясь, что, если ей помешать, она станет призраком и навсегда поселится в жилище. Не слишком заманчивая перспектива, учитывая, что большинство лачуг слишком тесные.

Проснулся малыш Орри; я слышала, как он радостно напевает себе под нос песенку, состоящую из имени отчима:

– Бааа-би, баа-би, БАА-би...

До меня донесся негромкий сонный смешок и шепот Бобби:

– Ах ты мой маленький! Хочешь на горшок, *акуила*?

Гаэльское ласковое словечко *a chuisle* – «кровь моего сердца» – вызвало у меня улыбку. Меня умилило и само слово, и то, как забавно оно прозвучало в устах Бобби с его дорсетским выговором. Ролло вновь тревожно заскулил, словно напоминая мне, что пора действовать.

Если через несколько часов Хиггинсы и их свойственники проснутся и обнаружат на полу труп, их душевное равновесие будет нарушено, а чувство правильности оскорблено. Кто бы не встревожился при мысли, что теперь душа постороннего человека, возможно, навсегда останется в доме? Очень плохой знак и для новобрачных, и для нового года. Да еще Ролло явно беспокоило присутствие мертвой женщины, а меня беспокоило то, что он вот-вот всех перебудит.

– Ладно, – проворчала я. – Иди сюда, псина.

На крючке у двери, как всегда, висели обрывки упряжи, которую нужно было починить. Я выбрала прочный кусок поводьев, соорудила самодельный поводок и накинула его на шею Ролло. Он страшно обрадовался и рванул прочь из хижины, едва я открыла дверь. Впрочем, радости поубавилось, когда я затащила его в пристроенную к хижине кладовку и торопливо привязала импровизированный поводок к стойке, на которой держались полки, после чего пошла за телом бабули Маклауд.

Вспомнив, что говорил Джейми, я внимательно огляделась, прежде чем войти в хижину, но вокруг было тихо, как в церкви, даже шелест деревьев не нарушал безмолвие ночи.

Я прикинула, что бедняжка весит не больше семидесяти фунтов. Ее ключицы выпирали сквозь кожу, а тонкие пальцы походили на сухие веточки. Тем не менее поднять семьдесят фунтов, выражаясь буквально, мертвого веса мне было не под силу, так что пришлось снять с несчастной одеяло и использовать его вместо саней. Я вытащила ее из хижины, бормоча молитвы вперемешку с проклятиями.

Несмотря на холод, я запыхалась и вспотела, пока отволокла труп в кладовку.

– Ладно, теперь, по крайней мере, у вашей души уйма времени, чтобы уйти, – пробормотала я и опустилась на колени, чтобы осмотреть тело, уложить как следует и накрыть наспех сделанным саваном. – В любом случае не думаю, что вам захочется стать призраком в этой кладовке.

Из-под полуприкрытых век женщины виднелась белая полоска, словно бабуля Маклауд пыталась открыть глаза, чтобы в последний раз взглянуть на мир или, возможно, найти знакомое лицо.

– *Benedictie*¹², – прошептала я и осторожно закрыла ее глаза, спрашивая себя, сделает ли то же самое какой-нибудь незнакомец и для меня. Вполне возможно. Если только...

Джейми когда-то объявил, что вернется в Шотландию за печатным станком, а потом приедет обратно, чтобы сражаться. «А что, если бы мы не вернулись? – прошелестел тихий трус-ливый голосок внутри меня. – Если бы остались в Лаллиброхе?»

Я еще думала о подобной возможности – прекрасные картины мирной семейной жизни в окружении родных и близких, неспешного старения без постоянного страха перед разрухой, голодом и насилием, – но уже знала, что так никогда не будет.

Я не знала, прав ли был Томас Вулф, утверждавший, что невозможно вернуться домой¹³. «Да и откуда мне знать, – подумала я с легкой горечью, – если у меня никогда не было дома, чтобы туда возвращаться?» Впрочем, я хорошо знала Джейми. Если не касаться идеалов – а их у него хватало, хотя и довольно прагматичных, – приходилось считаться с фактом, что Джейми, как настоящему мужчине, нужно было дело. Не просто труд ради заработка, а настоящее дело. И я прекрасно понимала разницу.

Конечно, семья Джейми приняла бы его с радостью, – правда, сомневаюсь, что такой же радостный прием оказали бы и мне, хотя, возможно, вызывать священника, чтобы изгнать из меня бесов, сразу бы не стали. Тем не менее факт оставался фактом: Джейми больше не был лэрдом Лаллиброха и никогда им снова не станет.

– «...и место его не будет уже знать его»¹⁴, – прошептала я, обмывая влажной тряпичей интимные места бабули Маклауд, на удивление, не слишком увядшие; похоже, она была не такой старой, как я думала. Она несколько дней ничего не ела, и даже посмертное расслабление почти не подействовало, но каждый имеет право лечь в могилу чистым.

¹² Благослови (*лат.*).

¹³ Томас Вулф (1900–1938) – американский писатель, представитель так называемого «потерянного поколения», автор книги «Домой возврата нет».

¹⁴ Книга Иова. 7:10.

Я замерла. Тут было над чем подумать. Сможем ли мы ее похоронить? Или ей придется до весны покоиться среди жбанов черничного варенья и мешков с сушеными бобами?

Приведя в порядок ее одежду, я выдохнула с открытым ртом: хотела определить температуру по выходящему пару. Надвигающийся снегопад будет только вторым большим снегопадом за эту зиму, да и настоящих морозов пока не было: обычно они приходят во второй половине января. Если земля не промерзла, возможно, нам и удастся похоронить бедняжку – конечно, если мужчины смогут разгрести снег.

Ролло успокоился и лежал, пока я занималась своими делами, но вдруг вскинул голову и наострил уши.

– Что такое? – встревоженно спросила я и повернулась на коленях, чтобы выглянуть в открытую дверь кладовой. – Что случилось?

* * *

– Возьмем его прямо сейчас? – прошептал Йен. Он опустил руку, и лук с его плеча тихо скользнул в ладонь.

– Нет, пусть сначала найдет золото, – медленно произнес Джейми, пытаясь решить, как поступить с человеком, который внезапно появился снова.

Только не убивать. Да, он и его жена доставили немало беспокойства своим предательством, но они не хотели причинить вред семье Джейми, по крайней мере поначалу. Можно ли считать его настоящим вором? Как ни крути, у тетушки Джейми, Иокасты, было не больше – если не меньше! – прав претендовать на это золото, чем у Арча.

Джейми вздохнул и положил руку на ремень, где висели пистолет и кинжал. И все же нельзя позволить Багу забрать золото и уйти, нельзя и просто прогнать: на свободе он продолжит вредить. А вот что с ним сделать, когда они его поймут... Это все равно что держать в мешке змею. Ладно, сейчас главное – его поймать, принять решение можно и позже. Может, удастся заключить какую-нибудь сделку...

Фигура добрела до черного пятна фундамента и неуклюже пробиравалась среди камней и обугленных бревен; темный плащ колыхался под порывами ветра. Внезапно пошел снег – крупные ленивые хлопья, казалось, не падали сверху, а возникали из ниоткуда и бесшумно кружились в воздухе. Снег касался лица, облеплял ресницы. Джейми стер его рукой и махнул Йену.

– Заходи сзади, – прошептал Джейми. – Если он побежит, пусти перед его носом стрелу, чтобы остановить, а сам держись подальше, понял?

– Это ты держись подальше, дядя, – тихо ответил Йен. – Стоит подойти к нему на расстояние выстрела, и он вышибет тебе мозги топором. А я не собираюсь объясняться с тетушкой Клэр.

Джейми коротко хмыкнул и толчком отправил Йена прочь. Зарядил пистолет, взвел курок и решительно направился сквозь пелену снега к развалинам своего дома.

Джейми доводилось видеть, как Арч сбивал индейку топором с двадцати футов. И да, большинство пистолетов попадали в цель примерно с такого же расстояния. Но ведь он, Джейми, не собирается никого убивать. Он поднял пистолет.

– Арч!

Человек стоял к Джейми спиной и, согнувшись, разгребал золу и уголья. Услышав голос, он замер, но не спешил выпрямляться.

– Арч Баг! – снова позвал Джейми. – Иди сюда, давай поговорим!

Фигура в ответ резко выпрямилась, повернулась, и яркая вспышка озарила падающий снег. В тот же миг бедро Джейми словно обожгло пламенем, и он покачнулся.

Сильнее всего было удивление: Джейми и не знал, что Арч Баг умеет стрелять из пистолета, а уж как ему удалось так точно прицелиться левой...

Джейми упал в снег на одно колено и еще не успел пустить в ход свое оружие, когда понял: темная фигура целится в него из другого пистолета и не левой рукой, что означало...

– Господи! Йен!

Йен видел, как Джейми упал, заметил он и второй пистолет. Из-за ветра и снега Джейми не услышал свиста стрелы, она возникла как по волшебству, уже торча из спины фигуры. Человек сделал еще пару шагов и рухнул как подкошенный, но не успел он упасть, а Джейми уже бежал к нему, прихрамывая на правую ногу.

– Господи, нет, нет! – твердил он, и его голос звучал словно чужой.

Сквозь снег и ночь донесся отчаянный вопль, потом мимо Джейми размытым пятном промчался Ролло – кто его выпустил? – и из-за деревьев грохнул ружейный выстрел. Где-то рядом раскатисто крикнул Йен, подзывая собаку, но у Джейми не было времени оглядеться. Он с трудом пробирался среди почерневших камней, спотыкался, скользил на свежавыпавшем снегу, раненая нога горела и мерзла одновременно, но разве это имело значение?

– О боже, пожалуйста, нет!

Он добрался до фигуры в темном, упал на колени, обхватил ее руками. Джейми уже знал, все понял, когда увидел пистолет в правой руке. Арч, у которого не хватало пальцев, не смог бы выстрелить правой. Но, господи, нет...

Джейми перевернул ее, чувствуя, как приземистое грузное тело обмякает и тяжелеет, словно только что убитый олень. Откинул капюшон плаща, бережно и беспомощно погладил мягкое круглое лицо Мурдины Баг. Она вздохнула под его рукой, может... Но нет, Джейми нащупал древко стрелы, которая прошла сквозь шею, а из горла Мурдины вырывалось влажное клопочущее дыхание. Ладонь Джейми тоже стала влажной и теплой.

– Арч? Мне нужен Арч, – прохрипела Мурдина и умерла.

Глава 3

Жизнь за жизнь

Я отвела Джейми в кладовую. Там было темно, а еще холодно, особенно для человека без штанов, но я боялась разбудить кого-нибудь из Хиггинсов. Господи, только не сейчас! Они же вырвутся из своей спальни, словно стая испуганных перепелок! Меня передернуло от мысли, что придется разбираться с ними раньше времени. Даже днем мне будет тяжело рассказать о ночном происшествии, а уж прямо сейчас это было бы просто невыносимо.

Не видя лучшего выхода, Джейми с Йеном положили миссис Баг в кладовой рядом с бабулей Маклауд – под нижнюю полку, накинув на лицо женщины плащ. На виду остались лишь ее ноги в полосатых чулках и потрескавшихся, истоптанных ботинках. Я вдруг представила себе Злую Ведьму Запада и зажала ладонью рот, чтобы не ляпнуть какую-нибудь истеричную глупость.

Джейми повернулся ко мне, но его взгляд был обращен внутрь. В отблесках свечи лицо казалось изможденным и покрытым глубокими морщинами.

– Да? – рассеянно произнес он.

– Ничего, – ответила я дрогнувшим голосом. – Ничего особенного. Давай садись.

Я поставила табурет и свою аптечку, взяла у Джейми свечу и жестянку с горячей водой, стараясь думать только о предстоящей задаче. Никаких полосатых чулок. Никакого, прости господи, Арча Бага.

Джейми закутал плечи одеялом, но ноги остались обнаженными, и когда я коснулась их ладонью, то почувствовала, как они покрылись гусиной кожей. Подол рубахи, пропитанный кровью, уже наполовину высохшей, прилип к бедру, но Джейми не издал ни звука, когда я отодрала ткань и раздвинула его ноги.

Он двигался как в кошмаре, но зажженная свеча в опасной близости от мошонки привела его в чувство.

– Ты поосторожнее с этой свечкой, саксоночка, – сказал он, прикрывая рукой гениталии.

Поняв причину его беспокойства, я отдала ему свечу, предупредила, чтобы он не обжегся каплями горячего воска, и вернулась к осмотру.

Из раны сочилась кровь, но не сильно, и я, намочив тряпицу в горячей воде, принялась за работу. Тело Джейми заоченело от холода, который заглушал даже резкие запахи кладовой, но я все же чувствовала привычный терпкий аромат мускуса, сейчас отравленный запахами крови и пота.

Глубокая рана, дюйма четыре в длину, тянулась вверх по мышце бедра, Хорошо хоть, чистая.

– Прямо как у Джона Уэйна¹⁵, – сказала я, стараясь говорить легко и сдержанно. Джейми перевел глаза с пламени свечи на меня.

– Что там? – хрипло спросил он.

– Ничего серьезного, – ответила я. – Пуля тебя лишь царапнула. Денек-другой похрамываешь, зато герой жив и готов к новым сражениям.

На самом деле пуля пролетела у него между ног и вспорола внутреннюю поверхность бедра совсем рядом с яичками и бедренной артерией. Дюймом правее, и Джейми бы погиб. На дюйм выше и...

– Слабое утешенье, саксоночка, – заметил он, но в его глазах промелькнула тень улыбки.

– Согласна, – кивнула я. – Но хоть какое-то?

¹⁵ Джон Уэйн (1907–1979) – американский актер, которого называли королем вестерна. Лауреат премий «Оскар» и «Золотой глобус».

– Хотя какое-то, – сказал он и мимолетно коснулся моего лица.

Его рука была очень холодной и дрожала; по костяшкам другой стекал горячий воск, но Джейми, похоже, ничего не чувствовал. Я осторожно забрала у него подсвечник и поставила на полку.

От Джейми исходили волны скорби, его мучило чувство вины, и я видела, как он старается не поддаться эмоциям. Я подумала, что не смогу ему помочь, если сейчас дам слабину – правда, трудно сказать, смогу ли я вообще что-то для него сделать, но стоит попытаться.

– Господи Иисусе, – еле слышно пробормотал он. – Ну почему я не дал ему забрать золото? Какое это имело значение? – Он беззвучно ударил кулаком по колену. – Господи, почему я просто не дал ему забрать золото?

– Ты же не знал, кто сюда пришел и зачем, – так же тихо сказала я и положила руку ему на плечо. – Это был несчастный случай.

Его мышцы свело от душевной муки. Я тоже ее чувствовала – тугой комок протеста и отрицания: «Нет, это неправда, такого не могло случиться!» – застрял в горле, но нужно было доделать начатое. С неизбежным разберусь позже, решила я.

Джейми закрыл лицо рукой, медленно качая головой, замолчал и больше не двигался, пока я промывала и перевязывала рану.

– Можешь хоть чем-то помочь Йену? – спросил он, когда я закончила.

Он убрал руку и глядел, как я поднимаюсь. Лицо его искажало страдание, но голос снова звучал спокойно.

– Ему... – Джейми сглотнул и посмотрел на дверь. – Ему очень плохо, саксоночка.

Я посмотрела на виски, который захватила с собой: четверть бутылки. Перехватив мой взгляд, Джейми покачал головой.

– Маловато.

– Тогда выпей сам.

Он снова замотал головой, но я вложила бутылку ему в ладонь и сжала его пальцы вокруг нее.

– Предписание врача, – сказала я тихо, но твердо. – От шока.

Джейми сопротивлялся, пытался поставить бутылку обратно, но я лишь крепче стиснула его руку.

– Знаю, – произнесла я. – Джейми, я все понимаю. Но тебе нельзя сдаваться. Только не сейчас.

Секунду он смотрел на меня, затем кивнул, соглашаясь, что так надо, и его рука расслабилась. Мои собственные пальцы заковенели от воды и холодного воздуха, но все равно были теплее, чем у него. Я взяла в свои ладони его свободную кисть и крепко сжала.

– Знаешь, герой никогда не умирает, и на то есть причина, – заметила я и попыталась улыбнуться, но улыбка вышла натянутой. – Когда случается самое худшее, кто-то все равно должен принимать решения. Иди в дом и согрейся. – Я выглянула в ночь, где под лавандовым небом снег кружился дикими вихрями. – А я... я найду Йена.

* * *

Куда же он подевался? Далеко не ушел, погода слишком скверная. Учитывая его состояние, когда они с Джейми вернулись с телом миссис Баг, он мог просто уйти в лес, не разбирая дороги и не думая о том, что ждет его в лесной чаще. Но он взял с собой пса. Как бы ни было тяжело на душе у Йена, он бы никогда не вытащил Ролло в снежную бурю.

А метель поднялась нешуточная, впрочем, как мы и ждали. Я медленно взбиралась по холму к хозяйственным постройкам, прикрывая фонарь полкой плаща, когда внезапно подумала, что Арч Баг вполне мог спрятаться в кладовой над ручьем или в копильне. И... о гос-

поди, знает ли он? Я замерла как вкопанная, и густой снег тут же укутал мою голову и плечи, словно вуалью.

Меня так потрясло ночное происшествие, что я даже не задумывалась, известно ли Арчу Багу о смерти его жены. Джейми сказал, что он громко звал Арча, просил его выйти, но тот не ответил. Возможно, заподозрил подвох или просто сбежал, когда увидел Джейми и Йена, предположив, что Мурдину-то они не обидят. Значит...

– Ох, чтоб тебя! – в ужасе прошептала я.

К сожалению, с этим ничего нельзя было поделать. Я надеялась, что смогу помочь хотя бы Йену. Вытерев рукавом лицо и сморгнув с ресниц снежинки, я медленно побрела дальше. Слабый свет фонаря едва пробивался сквозь снежную пелену. Что, если я столкнусь с Арчем? Мои пальцы судорожно сжали ручку фонаря. Придется рассказать ему все, отвести в хижину, чтобы он увидел... О боже. Если я вернусь с ним, то успею ли вытащить миссис Баг из кладовки и привести в пристойный вид, пока Джейми и Йен будут занимать Арча? У меня не было времени, чтобы выдернуть стрелу и уложить тело как подобает. Я вонзила ногти свободной руки в ладонь, пытаюсь успокоиться.

– Господи Иисусе, пожалуйста, сделай так, чтобы я его не нашла, – пробормотала я. – Только бы не нашла!

Но ни в кладовой, ни в копильне, ни в амбаре для кукурузы, слава богу, никого не оказалось, и вряд ли кто-нибудь смог бы укрыться в курятнике, не потревожив кур, а те молчали, мирно уснув под завывания бури. Однако при виде курятника я сразу вспомнила миссис Баг, как она разбрасывала зерно из передника, вполголоса напевая что-то глупым птицам. Она называла всех кур по именам. Мне всегда было чертовски безразлично, едим ли мы на ужин Исабель или Аласдейр, но сейчас при мысли, что больше никто никогда не сможет отличить одну птицу от другой или порадоваться десяти цыплятам, которых высидела Элспет, у меня разрывалось сердце.

В конце концов я нашла Йена в сарае. Темная фигура съежилась на соломе у копыт мула Кларенса, который при моем появлении поднял уши и восторженно заревел, радуясь компании. Козы истерично заблеяли, приняв меня за волка, а лошади изумленно вскинули головы, потом вопросительно захрапели и заржали. Ролло, устроившийся в сене рядом со своим хозяином, коротко и недовольно гавкнул.

– Да тут прям как в чертовом Ноевом ковчеге! – заметила я, стряхивая с плаща снег и вешая фонарь на крюк. – Сюда бы еще пару слонов. Тише, Кларенс!

Йен повернулся ко мне, но, судя по бессмысленному выражению лица, он не понял, что я сказала. Я присела на корточки, коснулась ладонью его щеки, холодной, с пробивающейся щетиной.

– Это не твоя вина, – мягко сказала я.

– Знаю, – ответил он и сглотнул. – Вот только не знаю, как с этим жить.

Он несколько не драматизировал, в его голосе звучала растерянность. Ролло лизнул руку хозяина, и Йен запустил пальцы в собачью шерсть, словно ища поддержки.

– Что мне теперь делать, тетушка? – Он беспомощно посмотрел на меня. – Ничего, да? Я ведь не могу ничего изменить или повернуть вспять. А я ищу хоть какой-нибудь выход, чтобы все исправить. Но ничего... нет.

Я уселась на сено рядом с ним, обняла за плечи, прижала его голову к себе. Йен нехотя послушался, хотя я чувствовала, как его трясет от усталости и горя, словно он замерз.

– Я любил ее, – еле слышно произнес он. – Она была мне как бабушка. А я...

– Она любила тебя, – прошептала я. – И не стала бы винить.

Я отчаянно цеплялась за собственные чувства, чтобы делать то, что требуется, но сейчас... Йен совершенно прав. Уже ничего нельзя сделать, и от этой полной безысходности по

моим щекам потекли слезы. Я не плакала, просто не могла прийти в себя от потрясения, и горе захлестнуло меня. Я больше не могла сдерживаться.

Не знаю, почувствовал ли Йен слезы на своей коже или просто понял, как я скорблю, но внезапно он тоже поддался и заплакал, сотрясаясь от рыданий.

Я всей душой жалела, что он уже не маленький мальчик, тогда бы буря скорби смыла вину, очистила душу и принесла покой. Но Йен давно вырос, и сейчас все не так просто. Мне оставалось только обнять его и ласково гладить по спине, беспомощно всхлипывая. И тут Кларенс предложил свою поддержку: тяжело дыша в голову Йена, он зажевал прядь его волос. Йен отпрянул, шлепнув мула по морде.

– Эй, отстань!

Йен поперхнулся, ошеломленно засмеялся, снова заплакал, а потом выпрямился и вытер нос рукавом. Какое-то время Йен сидел молча, словно собирал себя по кусочкам, и я ему не мешала.

– Когда я убил того человека в Эдинбурге, – наконец сказал он; голос звучал хрипло, но, похоже, Йен взял себя в руки, – тогда дядя Джейми отвел меня на исповедь и научил молитве, которую надо произносить, когда кого-нибудь убьешь. Чтобы вверить их души Богу. Помолитесь со мной, тетушка?

Много лет я не вспоминала, а уж тем более не произносила «Проводы души», поэтому спотыкалась почти на каждом слове, но Йен знал эту молитву наизусть и проговорил без запинок. Сколько же раз за эти годы он обращался с ней к Богу?

Слова казались жалкими и бессильными, их заглушал шелест сена и шорохи жующих животных, но после них на сердце стало чуть легче. Возможно, я немного успокоилась, ощутив прикосновение к чему-то большему, чем я сама, осознав, что это большее существует. А оно непременно должно существовать, иначе меня одной просто не хватит.

Какое-то время Йен сидел с закрытыми глазами. Наконец он открыл их и посмотрел на меня помрачневшим взглядом. Лицо под щетиной казалось очень бледным.

– А потом он сказал, что мне придется с этим жить, – тихо проговорил Йен и вытер лицо рукой. – Только я вот не думаю, что смогу.

Он просто констатировал факт, и это пугало. Слез у меня больше не осталось, но я чувствовала, будто смотрю в черную бездонную пропасть и не могу отвести взгляд. Глубоко вздохнув, я попыталась найти уместные слова, затем вытащила из кармана платок и дала Йену.

– Ты как, дышишь?

Его губы слегка дрогнули.

– Думаю, да.

– Пока этого достаточно. – Я встала, отряхнула с юбки сено и протянула Йену руку. – Пойдем. Нужно вернуться в хижину, иначе нас занесет здесь снегом.

Снег стал еще гуще. Порыв ветра задул свечу в моем фонаре, но это не имело значения: даже с завязанными глазами я бы без труда нашла хижину. Йен молча шел впереди, прокладывая путь по свежевывавшему снегу. Он нагнул голову, шагая сквозь бурю, узкие плечи сгорбились.

Я надеялась, что молитва хоть немного помогла ему. Может, у могавков есть более действенные способы совладать с несправедливостью смерти, чем у католической церкви?

Вдруг я поняла, что точно знаю, как в подобном случае поступил бы могавок. И Йен тоже знал, и даже делал. Я плотнее закуталась в плащ, чувствуя себя так, словно проглотила огромный кусок льда.

Глава 4

Не сейчас

После долгого обсуждения оба трупа бережно вынесли из кладовой и уложили на краю крыльца. Просто в хижине не было места, чтобы расположить их там подобающим образом, к тому же, учитывая обстоятельства...

– Нельзя, чтобы старина Арч и дальше оставался в неведении, – сказал Джейми, завершая спор. – Если тело будет на виду, он, может, выйдет, а может, и нет, но, по крайней мере, узнает, что его жена мертва.

– Узнает, – согласился Бобби Хиггинс, бросив тревожный взгляд на деревья. – Как вы думаете, что он сделает?

Джейми постоял, глядя в сторону леса, затем покачал головой.

– Будет горевать, – спокойно сказал он. – А утром мы решим, что делать.

Устроить нормальное бдение мы не могли, но постарались соблюсти надлежащие обычаи. Эмили пожертвовала для миссис Баг свой собственный саван, который сшила, когда в первый раз вышла замуж, а бабулю Маклауд обрядили в мою запасную сорочку и пару передников, наспех зашитых для благопристойности. Тела уложили по сторонам крыльца, на груди у обеих усопших стояло по блюдечку с солью и кусочком хлеба, хотя пожирателя грехов не предвиделось. Наполнив небольшой глиняный горшок углями, я поставила его рядом с телами. Мы договорились, что ночью будем бдеть над покойными по очереди, так как крыльцо выдержит только двух-трех человек, не больше.

– «Там в лунном свете голубом сверкает белый снег, как днем»¹⁶, – тихо сказала я.

Так оно и было. Буря закончилась, и неполная луна сияла чистым и холодным светом, отчего каждое заснеженное дерево выделялось отчетливо и тонко, словно на японских рисунках тушью. А среди далеких развалин Большого дома груда обгорелых бревен скрывала все, что лежало под ней.

Мы с Джейми вызвались посидеть первыми. Никто не возражал, когда Джейми объявил о своем решении. Хотя эту тему не затрагивали, перед мысленным взором каждого представал Арч Баг, который затаился где-то в лесу, один-одинешенек.

– Думаешь, он там? – шепотом спросила я у Джейми, кивая в сторону темных деревьев, что покоились в своих пушистых саванах из снега.

– Если бы ты лежала здесь, *a nighean*, – ответил он, глядя вниз на неподвижные белые фигуры на краю крыльца, – я был бы рядом с тобой, живой или мертвый. Присядь.

Я села возле него. Горшок с тлеющими углями стоял у наших закутанных в плащи коленей.

– Бедняжки, – сказала я, немного помолчав. – Так далеко от Шотландии!

– Да, – согласился он и взял мою ладонь. Его рука была такой же холодной, как моя, но большой и сильной, и это успокаивало. – Но их похоронят среди тех, кто знал и чтит их традиции, пусть эти люди и не приходятся им родней.

– Ты прав.

Если внуки бабули Маклауд когда-нибудь вернутся, то найдут, по крайней мере, могильный камень и поймут, что к ней отнеслись по-доброму. У миссис Баг не было родственников, кроме Арча. Никто не будет искать ее могилу, но Мурдина упокоится среди тех, кто ее знал и любил. А как же Арч? Даже если у него и осталась родня в Шотландии, он об этом никогда не упоминал. Жена стала для него всем, впрочем, как и он для нее.

¹⁶ Строка из известного стихотворения Кларка Клемента Мура (1779–1863) «Рождественская ночь». Перевод с англ. Л. Яхнина.

– Ты, э-э, не думаешь, что Арч может... покончить с собой? – осторожно спросила я. – Когда узнает?

Джейми уверенно покачал головой.

– Нет, это не в его характере.

С одной стороны, я обрадовалась, услышав слова Джейми, но часть меня, более приземленная и менее сострадательная, тревожно задавалась вопросом: на что может пойти человек вроде Арча, когда ему нанесли смертельный удар, навсегда лишив женщины, которая почти всю жизнь была его опорой и спасительной гаванью?

«Как поступит такой человек? – размышляла я. – Будет безвольно плыть, гонимый ветром, пока не наскочит на риф и не затонет, или, за неимением лучшего, привяжет свою жизнь к якорю гнева, а месть сделает новым компасом? Я видела, как Джейми и Йена гложет чувство вины. Что же тогда чувствует Арч? Способен ли человек выдержать подобное? Или ему необходимо дать волю чувствам, чтобы просто выжить?»

Джейми не сказал ни слова о собственных предположениях, но я заметила у него на поясе и пистолет, и кинжал. Пистолет был заряжен и взведен, сквозь смолистый аромат елей и пихт пробивался запах пороха. Конечно, вполне возможно, что Джейми собирался отпугивать волков или лис...

Какое-то время мы сидели молча, наблюдая за мерцающими угольками в горшке и отблесками света в складках саванов.

– Как ты думаешь, должны ли мы помолиться? – прошептала я.

– Я не перестаю молиться с тех пор, как это случилось, саксоночка.

– Понимаю.

Я и вправду понимала – страстная мольба, чтобы все это оказалось не на самом деле, сменялась отчаянной просьбой наставить и указать путь. Стремление что-то сделать, хотя уже ничего, совсем ничего сделать нельзя. И, конечно, молитва за упокой новопреставленных. По крайней мере, бабуля Маклауд ожидала смерть и обрадовалась ей, подумала я. А вот миссис Баг, должно быть, страшно удивилась, когда так внезапно погибла. Перед моим мысленным взором промелькнула печальная картина: бедная женщина стоит в снегу рядом с крыльцом и глядит на свой труп, руки уперты в могучие бедра, губы недовольно поджаты из-за такого грубого освобождения от телесной оболочки.

– Представляю, каким это было потрясением, – обратилась я извиняющимся голосом к ее тени.

– Это точно.

Джеймс достал из кармана плаща флягу. Вытащил пробку, наклонился, аккуратно вылил по несколько капель виски на голову каждой из покойниц и поднял флягу в молчаливом тосте сначала за бабулю Маклауд, а потом и за миссис Баг.

– Мурдина, жена Арчбальда, ты была великой стряпухой, – сказал он просто. – Я всю жизнь буду помнить твоё печенье и думать о тебе за утренней кашей.

– Аминь, – произнесла я, и мой голос дрогнул от смеха и слез.

Взяв флягу, я сделала большой глоток. Виски обожгло горло, и я закашлялась.

– Я знаю, как она готовила маринованные овощи пиккалилли. Обязательно запишу рецепт, он не должен быть забыт.

Мысль о записи вдруг напомнила мне о неоконченном письме, которое так и лежало, аккуратно сложенное, у меня в рабочей сумке. Джейми почувствовал, что я напряглась, и вопросительно посмотрел на меня.

– Я просто подумала о том письме, – сказала я, откашливаясь. – То есть, мне кажется, что, хотя Роджер и Бри знают о пожаре, они обрадуются, когда прочтут, что мы все еще живы. Если, конечно, когда-нибудь получат письмо.

Прекрасно понимая, что времена опасные, а исторические документы могут и не сохраниться, Джейми и Роджер придумали несколько способов передачи информации, начиная с публикации зашифрованных сообщений в различных газетах и заканчивая куда более сложными схемами с участием Церкви Шотландии и Банка Англии. Все это, конечно, имело смысл только в том случае, если семья Маккензи прошла через камни и благополучно оказалась в более-менее правильном времени. Ради собственного спокойствия я убеждала себя, что они добрались.

– Но я не хочу заканчивать письмо рассказом вот об этом. – Я кивнула в сторону фигур в саванах. – Они любили миссис Баг, а Бри очень расстроится из-за Йена.

– Ты права, – задумчиво проговорил Джейми. – И вполне вероятно, что Роджер Мак пораскинет мозгами и догадается насчет Арча. А когда знаешь, но ничего не можешь сделать... да, они будут волноваться, пока не найдут другое письмо, где будет написано, чем обернулось дело. И один Бог знает, сколько пройдет времени, пока все уладится.

– А если они не получат следующее письмо?

«Или мы погибнем раньше, чем успеем его написать», – подумала я.

– Да, уж лучше ничего им не рассказывать. Не сейчас.

Я подвинулась ближе, прильнула к нему, и он обнял меня. Некоторое время мы сидели тихо, встревоженные и скорбящие, но нас успокаивали мысли о Роджере, Бри и детях.

Из хижины доносились звуки. Сначала все притихли, ошеломленные, но обыденность брала свое. Дети не могли долго молчать, и сейчас из-за двери слышались тоненькие голоса, которые задавали вопросы и просили еду. Малыши о чем-то возбужденно переговаривались, довольные, что их не отправляют спать, несмотря на поздний час, и их болтовня пробивалась сквозь звяканье посуды и звуки приготовления пищи: для поминок готовили лепешки и пироги с мясом – миссис Баг была бы довольна. Внезапно из трубы вылетел сноп искр и рассыпался вокруг крыльца падающими звездами, ослепительно яркими на фоне темной ночи и свежего белого снега.

Джейми покрепче прижал меня к себе и вздохнул, любуясь красивым зрелищем.

– Так что ты там говорила про белый снег, который сверкает как днем? – Знакомая строка звучала непривычно от мягкого горского выговора. – Это стихи, да?

– Да, правда, не совсем подходящие для бдения над покойником: шутивное рождественское стихотворение про визит святого Николая.

Джейми фыркнул, его дыхание повисло белым облачком.

– Не думаю, что слово «подходящий» имеет какое-то отношение к бдению или поминкам, саксоночка. Дай скорбящим достаточно выпивки, и они затянут: «А ну-ка, передай бутылку» – и пустанутся в пляс во дворе под луной.

Я сдержала смех, но очень живо представила себе эту картину. Чего-чего, а выпивки у нас хватало: бадья свежего, недавно сваренного пива стояла в кладовке, а Бобби принес из амбара бочонок виски, припрятанный для непредвиденных случаев. Я подняла руку Джейми, поцеловала холодные костяшки пальцев. Отчаяние и растерянность постепенно проходили, мы все сильнее чувствовали пульс жизни за нами. Хижина походила на маленький яркий островок жизни, дрейфующий в холоде черно-белой ночи.

– «Нет человека, который был бы как остров, сам по себе»¹⁷, – тихо произнес Джейми, словно уловив мои невысказанные мысли.

– Вот это подходящие слова, – суховати сказала я. – Может, даже слишком.

– Да? Ты о чем?

¹⁷ Здесь и далее цитаты из «Духовных стихотворений» (другое название «Молитвы») английского поэта Джона Донна (1572–1631). 17-е стихотворение.

– «Не спрашивай никогда, по ком звонит колокол, он звонит и по тебе...» Мне доводилось слышать фразу «Нет человека, который был бы как остров...» только вместе со строкой про колокол.

Джейми хмыкнул.

– Знаешь его наизусть? – не дожидаясь ответа, он наклонился и палкой поворошил угли, подняв бесшумный фонтанчик искр. – Знаешь, а ведь это вовсе не стихотворение... Вернее, так считал сам автор.

– Не стихотворение? – удивилась я. – А что же тогда? Или чем было?

– Медитацией, это нечто среднее между проповедью и молитвой. Джон Донн написал ее как часть «Обращения к Господу в час нужды и бедствий». Вполне подходящие слова, не так ли? – добавил он с ноткой мрачного юмора.

– И чем они проникновеннее других? Или я что-то упускаю?

– М-м-м, – пробормотал Джейми, притянул меня к себе и наклонился, пристроив свою голову на мою макушку. – Сейчас попробую вспомнить. Не все, конечно, только те строки, что меня поразили. Поэтому я их и помню.

Я слышала, как он медленно и размеренно дышит, пытаюсь сосредоточиться.

– «Все человечество – творение одного автора, – медленно произнес Джейми. – Оно есть единый том, и когда человек умирает, соответствующую главу не вырывают из книги, а переводят на другой, более совершенный язык. И каждую главу должны перевести в свой черед». Дальше я не помню наизусть, но мне всегда нравились эти строки: «Колокол действительно звонит о том, кто внемлет ему». – Его рука нежно сжала мою ладонь. – «И хотя звон порой умолкает, слышащие его соединяются с Богом».

– Хм, – я немного поразмышляла над его словами. – Ты прав, не так поэтично, но все же более обнадеживающе.

Я почувствовала, как он улыбается.

– Да, для меня всегда так было.

– Где ты нашел это стихотворение?

– Джон Грей дал мне почитать книжицу произведений Джона Донна, когда я был узником в Хелуотере.

– Весьма просвещенный джентльмен.

Меня слегка задело напоминание о значительном куске жизни, который Джейми разделил с Джоном Греем, а не со мной. И все же хорошо, что в то тяжелое время у него был друг, неохотно признала я. Внезапно я задалась вопросом: а сколько раз Джейми слышал этот колокольный звон?

Я привстала, дотянулась до фляжки и глотнула виски. Через дверь просачивался запах выпечки, лука и вареного мяса, и мой желудок неприлично заурчал. Джейми не заметил; задумчиво прищурившись, он смотрел на запад, туда, где за тучей пряталась огромная гора.

– Парни Маклауд говорили, что, когда они спускались, снега уже навалило выше колена, – сказал он, а потом добавил: – Если здесь свежего снега на фут, то перевалы на все три засыплет. До весенней оттепели мы никуда не пойдем, саксоночка. По крайней мере, будет достаточно времени, чтобы вырезать подходящие надгробия.

Он взглянул на наших безмолвных гостей.

– Значит, ты по-прежнему собираешься поехать в Шотландию?

Джейми объявил о своем намерении после того, как сгорел дом, но с тех пор больше об этом не заговаривал. Я не знала, действительно ли он хочет вернуться или тогда просто сказал так в сердцах.

– Да, собираюсь. Думаю, нам нельзя здесь оставаться, – произнес он с некоторым сожалением. – Наступит весна, и в глубинке опять все забурлит. Мы слишком близко подошли к

огню. – Он указал подбородком в сторону обгорелых руин Большого дома. – У меня нет желания поджариться в следующий раз.

– Э-э... да.

Я знала, что Джейми прав. Мы могли бы построить другой дом, но вряд ли нам дадут жить там спокойно. К тому же Джейми был – или по крайней мере когда-то числился – полковником местной милиции и теперь мог оставить должность, только если бы тяжело заболел или просто-напросто сбежал. Далеко не все жители горных районов поддерживали восстание. Я знавала людей, у которых сожгли имущество, а их самих избили и загнали в леса или болота либо убили на месте из-за неосторожно выраженных политических взглядов.

Скверная погода помешала нам уехать, но она же остановила продвижение ополченцев и банд головорезов. От этой мысли у меня все внутри похолодело, и я поежилась. Джейми заметил и спросил:

– Может, зайдешь в хижину, *a nighean*? Я могу и один покараулить.

– Отлично. А когда мы выйдем с лепешками и медом, то увидим, что ты лежишь, бездыханный, рядом со старушками, а из головы у тебя торчит топор. Нет уж, мне и тут хорошо.

Я хлебнула еще виски и передала фляжку Джейми.

– Ведь нам необязательно ехать в Шотландию, – сказала я, глядя, как он пьет. – Мы могли бы перебраться в Нью-Берн. Ты бы мог заняться печатным делом вместе с Фергусом.

Джейми тогда сказал о своих планах: поехать в Шотландию, забрать печатный пресс, который он оставил в Эдинбурге, а затем вернуться и воевать, только свинец на его войне будет в виде литературных колодок, а не ружейных пуль. Даже не знаю, какой способ более опасный.

– Неужели ты думаешь, что Арч постесняется проломить мне голову в твоём присутствии, если он уже это решил? – Джейми слегка улыбнулся, отчего у чуть раскосых глаз появились треугольники морщинок. – Нет, сам Фергус может лезть на рожон, если захочет, но я не имею права рисковать им и его семьей.

– Значит, мне только нужно знать, что ты собираешься печатать. А мое присутствие, может, и не остановит Арча, но зато я смогу крикнуть «Берегись!», если увижу, что он крадется к тебе.

– Я не против, если ты всегда будешь прикрывать мою спину, саксоночка, – серьезно сказал он. – Ты ведь уже поняла, что я собираюсь делать?

– Да, – вздохнула я. – Иногда я надеюсь, что хоть в этот раз ошиблась насчет тебя, но, увы, все тщетно.

Джейми от души рассмеялся.

– Да уж, ты ни разу не ошиблась, – согласился он. – Но ты же еще здесь?

Он поднял фляжку и, отсалютовав мне, глотнул виски.

– Приятно слышать, что кому-то будет меня не хватать, когда я погибну.

– А почему «когда» вместо «если»? – холодно заметила я.

– Всегда было «когда», саксоночка, – мягко произнес он. – «Так каждой главе суждено быть переведенной в свой черед». Так ведь?

– Искренне надеюсь, что до этого не дойдет, но если вдруг возникнет такой вопрос... Где бы ты хотел, чтобы тебя похоронили: здесь или отвезли обратно в Шотландию?

Я подумала о гранитном супружеском надгробии на кладбище Сент-Килды, камне с именем Джейми и моим тоже. У меня чуть разрыв сердца не случился, когда я увидела чертову штуковину. Боюсь, я так и не простила за это Фрэнка, хотя надгробие и помогло ему осуществить задуманное.

Джейми невесело усмехнулся.

– Повезет, если меня вообще похоронят, саксоночка. Скорее всего, меня утопят, сожгут или оставят гнить где-нибудь на поле боя. Не мучай себя. А если тебе вдруг придется что-то делать с моей тушей, просто брось ее на корм воронам.

– Не премину, – ответила я.

– Ты не хочешь ехать в Шотландию? – спросил он, подняв брови.

Я вздохнула. Я точно знала, что Джейми не упокоится под тем самым надгробием, но все равно не могла отогнать мысль о его возможной гибели.

– Я не хочу покидать горы. И не хочу смотреть, как на корабле ты позеленеешь и тебя вывернет наизнанку, а еще я против всего, что может произойти на пути к вышеупомянутому кораблю, но... Ладно, отставим Эдинбург и печатные прессы, ты ведь хочешь поехать в Лаллиброх, да?

Джейми кивнул, не сводя глаз с тлеющих в горшке угольков. Слабый, но теплый свет озарял рыжеватые дуги его бровей, а по длинному прямому носу спускалась золотистая линия.

– Я же обещал, – сказал Джейми просто, – что отвезу Йена-младшего обратно к матери. А теперь... Ему лучше уехать.

Я молча кивнула. Чтобы сбежать от горестных воспоминаний, Йену может и не хватить трех тысяч миль океана, но и лишними они не будут. А еще радость от встречи с родителями, братьями и сестрами, родные горы... Наверное, это поможет ему исцелиться.

Джейми кашлянул, потер губы костяшками пальцев.

– Есть еще кое-что, – слегка смущенно произнес он. – Так сказать, еще одно обещание.

– Какое?

Он повернул голову и посмотрел мне в лицо темными серьезными глазами.

– Я поклялся, что никогда не прицелюсь в своего сына.

Глубоко вздохнув, я кивнула. Немного помолчала, глядя на облаченных в саваны женщин, потом посмотрела на Джейми.

– Ты не спросил, как я хочу распорядиться своим телом.

Вообще-то, я говорила лишь наполовину серьезно, хотела повеселить Джейми, но он так сильно стиснул мою руку, что я охнула.

– Нет, – тихо сказал он. – И никогда не спрошу.

Джейми смотрел не на меня, а в белое пространство перед нами.

– Я не могу представить тебя мертвой, Клэр. Что угодно, но только не это. Не могу.

Он резко встал. Треск дерева, грохот упавшего оловянного блюда и громкая брань, донесшиеся из хижины, избавили меня от ответа. Я просто кивнула и позволила Джейми поднять меня на ноги, когда дверь открылась, пролив на крыльцо лужицу света.

* * *

Утро выдалось ясным и солнечным, свежий снег лежал слоем почти в фут толщиной. К полудню сосульки, что свисали с краев крыши, подтаяли и стали беспорядочно падать, словно кинжалы, ударяясь о землю с глухим резким стуком. Джейми и Йен, взяв лопаты, пошли на холм к маленькому кладбищу, чтобы посмотреть, можно ли выкопать две достаточно глубокие могилы.

– Возьмите с собой Эйдана и еще одного-двух мальчишек, – предложила я за завтраком. – Нечего им крутиться здесь под ногами.

Джейми бросил на меня испытующий взгляд, но кивнул. Он прекрасно понял, о чем я думаю. Если Арч Баг еще не знает о смерти жены, то наверняка догадается, увидев, как роют могилу.

– Лучше всего, если он выйдет потолковать со мной, – тихо сказал мне Джейми, пока мальчишки шумно снаряжались в поход, их матери собирали им еду в дорогу, а малыши играли в задней комнате.

– Да, и ребяташки ему не помешают, – согласилась я. – Но если он не захочет выйти к тебе и поговорить...

Йен сказал, что во время ночной стычки слышал ружейный выстрел, но Арч Баг стрелял так себе, и мы надеялись, что он не станет палить по компании с маленькими детьми.

Джейми молча кивнул и послал Эйдана за двумя старшими двоюродными братьями.

Бобби вместе с мулом Кларенсом тоже пошли с могильщиками. Чуть выше по склону хранился запас свежераспиленных сосновых досок, на том месте, где, как когда-то объявил Джейми, в один прекрасный день поднимется наш новый дом. Было решено, что, если удастся выкопать могилы, Бобби привезет несколько досок для гробов.

Со своего наблюдательного пункта на крыльце я видела тяжело нагруженного Кларенса, который вышагивал по склону с изяществом балерины. Уши он аккуратно растопырил в стороны, словно балансируя. Я заметила Бобби, который шел за мулом и время от времени придерживал груз, не давая ему упасть. Бобби улыбнулся мне и помахал рукой. Клеймо на его щеке было видно даже издали; синевато-багровое, оно отчетливо выделялось на обветренной и покрасневшей от холода коже. Я помахала в ответ и вернулась в дом – сказать женщинам, что похороны состоятся.

* * *

Следующим утром мы отправились по извилистой тропинке к маленькому кладбищу на холме. Две пожилые дамы, невольные товарки по смерти, покоились бок о бок в гробах на санях, которые тащили Кларенс и маленькая черная мулица по кличке Пудинг, принадлежавшая женщинам семьи Маккаллум.

Мы не облачились, как принято, в лучшую одежду, да у нас ее и не было. Только Эми Хиггинс Маккаллум надела в знак уважения свой обшитый кружевами свадебный платок. Зато мы были, насколько могли, чистыми, а взрослые – трезвыми (хотя бы с виду) и бдительными. Очень бдительными.

– А кто станет новым стражем, мам? – спросил Эйдан у матери, разглядывая два гроба, пока сани, поскрипывая, медленно ползли в гору впереди нас. – Которая из них умерла первой?

– Что... хм, я не знаю, Эйдан, – ответила Эми с несколько озадаченным видом. – А вы знаете, миссис Фрэзер?

Вопрос ударил меня словно камешком, и я моргнула. Конечно, я знала, но... Я с трудом сдержалась, чтобы не посмотреть на деревья, которые высились вдоль тропы. Я не знала, где именно находится Арч Баг, но не сомневалась, что рядом. И если он достаточно близко, чтобы подслушать разговор...

Шотландское поверье гласило, что последний похороненный на кладбище должен стать стражем и защищать покоящиеся там души от любого зла, пока другой человек не умрет и не займет его место, и только после этого предыдущий страж получает свободу и отправляется на небеса. Вряд ли Арч обрадуется, узнав, что его жена застряла на земле, чтобы сторожить могилы пресвитериан и грешников, вроде Мальвы Кристи.

У меня похолодело на сердце при мысли о Мальве, которая, как я предположила, и была нынешним стражем кладбища. Именно предположила, потому что она была последней, кого похоронили по всем правилам, хотя в Ридже и после нее умирали люди. Брата Мальвы Алана схоронили неподалеку, в укромном месте в лесу и без подходящего надгробия. Не знаю, достаточно ли это близко, чтобы считаться. А ее отец...

Я кашлянула в кулак и прочистила горло.

– Ах да, миссис Маклауд. Она была мертва, когда мы вернулись в хижину с миссис Баг.

Чистая правда, если на то пошло. А о том, что бабуля Маклауд умерла до того, как я покинула хижину, я предпочла умолчать.

Я говорила и смотрела на Эми, а когда повернула голову к тропе, то сразу же увидела его, Арча Бага. В своем порывевшем черном плаще он, склонив непокрытую седую голову,

медленно брел за санями, словно ворон с подрезанными крыльями. Среди провожающих возникло легкое смятение. Арч оглянулся и заметил меня.

– Не споете ли, миссис Фрэзер? – тихо и учтиво спросил он. – Я должен похоронить ее как полагается, с должным почтением.

– Я... да, конечно.

Сильно смутившись, я попыталась подобрать что-нибудь подходящее. Вряд ли я бы сумела с ходу сочинить настоящий *caithris* – плач по мертвым, – не говоря уже о том, чтобы исполнить его как плакальщица на первоклассных шотландских похоронах.

Я торопилась и выбрала гэльский псалом, которому меня научил Роджер: «*Is e Dia fein a's buachaill dhomh*»¹⁸. Этот псалом поют построчно, регент произносит нараспев строку за строкой, а прихожане повторяют за ним. Он достаточно прост, поэтому, хотя мой голос на склоне горы казался слабым и тонким, остальные скорбящие подхватили слова, и к тому времени, как мы добрались до кладбища, нам удалось достичь подобающей громкости и воодушевления.

Сани остановились на краю окруженной соснами поляны. Несколько деревянных крестов и пирамид из камней виднелись на подтаявшем снегу, а посередине зияли две свежерытые могилы, грязные и безжалостные. Пение тут же умолкло, как будто процессию окатили холодной водой из ведра.

Чахлые лучи солнца пробивались сквозь ветви. Стайка поползней с неуместной веселостью пересвистывалась в кронах деревьев. Джейми вел мулов и не оглянулся, когда Арч внезапно присоединился к похоронам. Однако сейчас Джейми повернулся к нему, легким жестом показал на ближайший гроб и тихо спросил:

– Не взглянешь ли на свою жену еще раз?

Только когда Арч кивнул и подошел к саням, я поняла, что мужчины заколотили гроб миссис Маклауд, а крышку гроба миссис Баг просто положили сверху, ничем не закрепив. Бобби и Йен подняли ее, потупив глаза.

Арч в знак скорби распустил волосы, раньше я его таким не видела. Тонкие белоснежные пряди развевались у его лица, словно струйки дыма, когда он наклонился и бережно отодвинул саван с лица Мурдины.

Я с трудом сглотнула, стискивая кулаки. Стрелу я вытащила – дело не из приятных! – и аккуратно обернула горло миссис Баг чистым бинтом перед тем, как расчесать ей волосы. Выглядела она прилично, хотя до жути неузнаваемо. По-моему, я никогда не видела ее без чепца, а белая повязка на полной шее придавала Мурдине чопорный вид пресвитерианского пастора. Я заметила, как Арч чуть вздрогнул, и горло у него дернулось. Он почти сразу совладал с собой, но глубокие морщины прорезали его лицо от носа до подбородка и походили на овраги в сырой глине, а еще он снова и снова сжимал и разжимал руки, словно пытался ухватиться за что-то несуществующее.

Он долго смотрел на гроб, потом полез в спорран и достал какую-то вещицу. Когда он откинул плащ, я заметила, что на поясе ничего нет – Арч пришел безоружным.

Небольшая вещица блестела в его руках. Он наклонился и попытался прикрепить ее к савану, но не смог из-за недостающих пальцев. Он замешкался, пробормотал что-то на гэльском и бросил на меня взгляд, в котором промелькнула паника. Я тут же подошла к нему и взяла вещицу.

Это была маленькая изящная брошь в виде летящей ласточки. Золотая и, похоже, совсем новая. Откинув саван, я прикрепила украшение к платку миссис Баг. Раньше я никогда не видела эту брошь ни на Мурдине, ни в ее вещах, и вдруг меня осенило: скорее всего, Арч сделал ее из золота, которое забрал у Иокасты Кэмерон, может, когда начал один за другим таскать слитки или позже. Он обещал жене, что с годами нужды и зависимости покончено.

¹⁸ «Господь – пастырь мой; я ни в чем не буду нуждаться». Псалтирь, псалом 22.

Ну... и вправду покончено. Я взглянула на Арча и, когда он кивнул, бережно закрыла холодное лицо его жены саваном.

Я непроизвольно протянула руку, чтобы поддержать Арча, но он отодвинулся и отошел назад, бесстрастно наблюдая, как Бобби заколачивает гроб. В какой-то миг он поднял взгляд и медленно посмотрел на Джейми, потом на Йена.

Я снова встала рядом с Джейми, взглянула на него и плотно сжала губы: на его лице читалось искреннее горе. Каким же виноватым он выглядел! Куда уж больше... и, несомненно, Арч тоже чувствовал себя виноватым. Неужели никто из них не понимает, что миссис Баг сама навлекла на себя беду? Если бы она не стреляла в Джейми... Но люди далеко не всегда поступают разумно и правильно, да и тот факт, что кто-то сам поспособствовал своей гибели, несколько не смягчает горечь утраты.

Взгляд упал на небольшой валун на могиле Мальвы и ее сына. Из-под снега виднелась только верхушка камня, круглая, влажная и темная, как макушка младенца, когда он появляется на свет.

«Покойся с миром, – подумала я, чувствуя, как напряжение последних двух дней слегка ослабло. – Теперь ты можешь уйти».

До меня вдруг дошло: что бы я ни сказала Эми и Эйдану, правда о том, какая из женщин умерла первой, не изменится. Впрочем, учитывая характер миссис Баг, я предположила, что роль стража придется ей по вкусу, будет кудахтать и суетиться вокруг душ умерших, как вокруг стаи своих любимых несущек, отгоняя злых духов острым словом и размахивая колбасой.

Эта мысль помогла мне продержаться, пока читали отрывки из Библии, молились, плакали – в основном женщины и дети, большинство из которых не понимали, почему плачут, – снимали гробы с саней и довольно нескладно повторяли «Отче наш». Мне сильно не хватало Роджера, его спокойствия, умения организовать достойные похороны и искреннего сострадания. Наверняка он нашел бы, что сказать в хвалебной речи о Мурдине Баг. А сейчас, когда закончили молитву, никто не вызвался говорить, повисла долгая, неловкая пауза, люди переминались с ноги на ногу. Мы стояли в глубоком снегу, и юбки у женщин промокли почти до колена.

Джейми повел плечами, как будто сюртук был ему маловат, и посмотрел на сани, где под одеялом лежали лопаты. Прежде чем он успел махнуть Йену и Бобби, Йен шумно вздохнул и шагнул вперед.

Он встал у гроба миссис Баг – напротив овдовевшего мужа – и замер, явно собираясь что-то сказать. Арч долго не обращал на него внимания, уставившись в яму, но наконец поднял бесстрастное лицо. Он ждал.

– От моей руки погибла эта... – Йен сглотнул, – эта достойная женщина. Я лишил ее жизни невольно и не по злому умыслу, и я скорблю, что так все вышло. Но она приняла смерть от моей руки.

Ролло, чувствуя горе хозяина, негромко заскулил, но Йен положил руку на голову пса, и тот успокоился. Йен вытащил из-за пояса нож, положил на гроб перед Арчем, затем выпрямился и посмотрел ему в глаза.

– Однажды, во времена великой несправедливости, вы дали клятву моему дяде и предложили жизнь за жизнь этой женщины. Я клянусь железом и предлагаю вам то же самое. – Йен на миг сжал губы и сглотнул, но темные глаза глядели спокойно. – Возможно, вы имели в виду что-то другое, сэр... но я предлагаю свою жизнь.

Я вдруг поняла, что непроизвольно сдерживаю дыхание, и заставила себя дышать. Неужели это задумка Джейми? Йен говорил совершенно искренне. Хотя вряд ли Арч примет предложение Йена и перережет ему глотку на глазах дюжины свидетелей, как бы сильно ни жаждал мести. Но если он прилюдно откажется, что ж, тогда появится шанс на более офици-

альную и менее кровавую компенсацию, а Йен-младший не будет чувствовать свою вину так остро. «Чертов горец!» – подумала я, взглянув на Джейми не без восхищения.

Однако я чувствовала, что ему приходится сдерживать порывы энергии, которые, как электрические разряды, пробегали сквозь него. Он не станет мешать Йену пытаться искупить вину, но и не даст его в обиду, если старина Арч вдруг решит пролить кровь. Похоже, Джейми не исключал подобной возможности. Я посмотрела на Арча и подумала то же самое.

Старик смерил Йена взглядом – кустистые серо-стальные брови нависали над глазами такого же серо-стального цвета, холодными, как металл.

– Слишком просто, парень, – наконец вымолвил он, его голос скрипел, как ржавое железо.

Он перевел взгляд на Ролло, который стоял рядом с Йеном, наострив уши; волчьи глаза пса смотрели настороженно.

– Дашь мне убить твою собаку?

В тот же миг маска слетела с лица Йена, от потрясения и ужаса он вдруг стал похож на маленького мальчика. Он ахнул, хватая ртом воздух и пытаясь взять себя в руки, но голос его дрогнул, когда он ответил старику:

– Нет! Он ничего не сделал! Это мое... мое преступление, не его!

Тогда Арч чуть улыбнулся одним ртом, глаза оставались серьезными.

– Да. Вот видишь, а ведь это всего лишь блохастая тварь. Не жена.

Он произнес «жена» почти шепотом. Горло его дергалось, пока он откашливался. Старик пристально посмотрел на Йена, перевел взгляд на Джейми, а потом на меня.

– Не жена, – еле слышно повторил он.

Мне казалось, что моя кровь уже застыла в жилах, но от слов Арча заledenело сердце.

Нарочито не торопясь, Арч оглядел обоих, сперва Джейми, затем Йена, которого рассматривал всего лишь мгновение, долгое, словно жизнь.

– Когда у тебя, парень, появится что-то действительно стоящее того, чтобы забрать, ты увидишь меня снова, – тихо сказал он, резко повернулся и пошел к лесу.

Глава 5

Мораль для путешественников во времени

В кабинете Роджера была электрическая настольная лампа, но по вечерам он часто работал при свечах. Он достал из коробка спичку и, легко чиркнув, зажег. Подумал, что после письма Клэр всякий раз, зажигая спичку, будет думать о том, как сгорел Большой дом. Роджер жалел, что не видел это собственными глазами.

Огонек съезжился, когда он поднес спичку к фитилю свечи, прозрачный воск на миг потускнел, занялся таинственно синим пламенем, а затем снова посветлел и привычно замерцал. Роджер посмотрел на Мэнди, которая на диване что-то напевала своим мягким игрушкам. Мэнди уже искупалась, и папа должен был следить, чтобы она не набедокурила, пока купают Джема. Поглядывая на дочь одним глазом, Роджер сел за стол и открыл дневник.

Роджер начал его вести отчасти для забавы, а отчасти потому, что не смог придумать, как еще бороться с парализующим страхом.

– Ты же можешь научить детей не переходить улицу в одиночку, – заметила Брианна. – И конечно, ты сможешь, черт возьми, научить их держаться подальше от стоячих камней.

Он согласился, но мысленно сделал оговорку. С маленькими детьми это работает: да, вы можете капать им на мозги до тех пор, пока они не усвоят, что нельзя совать столовые вилки в розетки. Но что делать с подростками с их изначальной тягой к познанию себя и всего неизвестного? Роджер прекрасно помнил себя подростком. Запрети мальчишке совать вилку в розетку, и он в тот же миг кинется обшаривать ящик со столовым серебром, стоит только отвернуться. Может, девочки совсем другие, но это вряд ли.

Роджер снова взглянул на диван, где Аманда теперь лежала на спине, подняв ножки и удерживая на ступнях большого, изрядно потрепанного плюшевого медведя, которому она пела французскую песенку «Frère Jacques»¹⁹. Мэнди была еще совсем маленькой, она ничего не вспомнит. А Джемми помнит. Роджер понял это, когда малыш как-то проснулся от кошмара – огромные глаза смотрели в никуда, и он не смог рассказать, что видел во сне. Слава богу, это случалось нечасто.

Роджер до сих пор покрывался холодным потом, когда вспоминал тот последний переход. Он прижал Джемми к груди и шагнул в... Господи, этому нет названия, ведь человечеству в основной своей массе не доводилось испытывать ничего подобного, и к счастью для него. Это ощущение даже сравнить не с чем.

Все органы чувств отказали, но в то же время находились в состоянии такой повышенной чувствительности, что от нее можно было бы умереть, продлись переход чуть дольше. Ревущая пустота, где любой звук, казалось, расплющивает тебя, вибрирует в теле, пытаясь раздробить его на отдельные клеточки. Абсолютная слепота, но такая, словно ты долго смотрел на солнце. И прикосновения... тел? Призраков? Невидимых сущностей, которые пролетают мимо и легко, словно бабочка крыльями, касаются твоей кожи, или проносятся прямо сквозь тебя, да так, что кости глухо стучат друг о дружку. И крик, постоянное ощущение, что кто-то пронзительно кричит.

Был ли запах? Роджер замер и нахмурился, вспоминая. Да, черт возьми, там сильно пахло. Как ни странно, запах вполне поддавался описанию: так пахнет воздух, обожженный молнией. Озон.

«Там сильно пахло озоном», – написал он, чувствуя необыкновенное облегчение, оттого что нашел хотя бы крошечную точку опоры, упомянув нормальный мир.

¹⁹ «Братец Яков» – французская детская песенка, широко известное музыкальное многоголосное произведение, т. н. «канон».

Впрочем, облегчение исчезло, едва Роджер вернулся к воспоминаниям.

Он чувствовал, что удержит их вместе только благодаря собственной силе воли, и только безумное стремление выжить не даст ему рассыпаться на куски. Он примерно знал, чего ожидать, но это несколько не помогло, впрочем, как и предыдущий опыт. Все было по-другому и намного хуже, чем в последний раз.

Роджер знал, что нельзя смотреть на них. На призраков, если это действительно были призраки. «Смотреть» – не самое подходящее слово... Обращать внимание? Снова не то... Роджер сердито вздохнул.

– *Sonnez les matines, sonnez les matines...*²⁰

– Динь-дан-дон! – тихо подпел он дочери. – Динь-дан-дон!

С минуту Роджер думал, постукивая ручкой по листу, затем покачал головой и снова склонился над бумагой, пытаясь объяснить свой первый переход, почему он прошел за считанные... минуты? Дюймы? Невообразимо малая величина, которая отделила его от встречи с отцом... И от гибели.

«Я думаю, что в ходе жизни невозможно пересечься с самим собой», – медленно написал он. И Бри, и Клэр, обе женщины-ученые, убедили его, что два идентичных объекта не могут существовать в одном пространстве, и неважно, элементарные это частицы или слоны. Роджер полагал, что этот факт вполне объясняет, почему нельзя существовать дважды в одном и том же времени.

Роджер допускал, что именно поэтому он чуть не погиб, когда впервые проходил через камни. Тогда Роджер думал о своем отце, каким он его помнил. Что было, конечно, во время его собственной жизни.

Он задумался, вновь постукивая ручкой по странице, но так и не смог заставить себя описать то, с чем в тот раз столкнулся. Позже. Вместо этого он перелистал дневник назад и вернулся к незаконченному содержанию.

«Практическое пособие для путешественников во времени».

Глава I. Физические явления

А. Известное местоположение (лей-линии?²¹).

Б. Генетическая предрасположенность

В. Смертность

Г. Влияние и наличие драгоценных камней

Д. Кровь

Роджер зачеркнул последнее слово, но потом засомневался, должен ли он излагать все, что знал, во что верил или о чем подозревал? Клэр считала полной чушью утверждение о том, что кровавая жертва необходима и приносит практическую пользу, – языческое суеверие без реальных доказательств, говорила она. Может, она и права, в конце концов, образованности у нее не отнять, но у Роджера остались ужасные воспоминания о той ночи, когда Гейлис Дункан прошла через камни.

Он помнил длинные белокурые волосы, развевающиеся на фоне пылающего огня, непослушные локоны, мелькнувшие перед стоячим камнем. Удушающий запах бензина, смешан-

²⁰ Звонят к заутренней! Звонят к заутренней! (*фр.*)

²¹ Лей-линии – с точки зрения магии: линии, соединяющие различные места Силы на Земле, по которым передается земная энергия.

ный с вонью паленого мяса, и обожженное бревно в середине круга, которое было вовсе не бревном. Гейлис Дункан ушла слишком далеко.

«Двести лет, в старинных легендах о феях всегда упоминают две сотни лет», – сказала ему Клэр. Сказки и подлинные истории о людях, похищенных «маленьким народцем», которых «забрали через камни» на холмах фей. «Давным-давно, лет двести назад...» – так часто начинаются сказки. А иногда в них говорится о тех, кто вернулся в родные места, но только через двести лет после своего ухода. Две сотни лет.

Клэр, Бри, он сам – всякий раз, когда они переходили в другое время, промежуток был один и тот же: двести два года, достаточно близко к двумстам, как в старинных легендах. Но Гейлис Дункан ушла слишком далеко.

Медленно и неохотно Роджер снова написал «Кровь», а в скобках добавил: «Огонь?», и больше ничего. Не сейчас. Позже.

Для утешения он посмотрел на книжную полку, где под маленькой змейкой, вырезанной из вишневого дерева, лежало письмо. «Мы живы...»

Внезапно Роджеру захотелось сходить за деревянной шкатулкой, вытащить остальные письма, вскрыть и прочитать все до единого. И не только из любопытства, здесь было нечто большее: Роджеру хотелось дотянуться до Клэр и Джейми, прижать доказательства их жизни к лицу, к сердцу и стереть пространство и время, которые пролегли между ним и Фрэзерами.

И все же Роджер сдержался. Они так решили – или, точнее, так решила Бри, – а Клэр и Джейми были ее родителями.

«Я не хочу прочесть все письма сразу, – сказала она, перебирая содержимое шкатулки длинными нежными пальцами. – Это... словно, как только я закончу читать, они... и вправду умрут».

Роджер понимал. До тех пор пока хоть одно письмо оставалось непрочитанным, Клэр и Джейми были живы. Несмотря на свое любопытство историка, Роджер разделял чувства жены. Кроме того...

Родители Брианны писали те письма не как дневниковые записи, которые, возможно, прочитают далекие потомки. Нет, письма писались с определенной и конкретной целью: для связи с ним и Бри. Это означало, что в них вполне могли найтись тревожные сообщения, ведь и тесть, и теща обладали талантом к подобным откровениям.

Вопреки себе Роджер все же встал, взял письмо, развернул и еще раз прочитал постскрипtum – хотел удостовериться, что ему не померещилось.

Да, он ничего не выдумал. Слово «кровь» тихонько звенело в ушах Роджера, когда он снова сел. «Итальянский джентльмен». Речь, несомненно, шла о Чарльзе Стюарте, и ни о ком другом. Господи! Какое-то время Роджер сидел, глядя в пустоту, – Мэнди теперь напевала рождественскую песенку «Джингл беллз», – потом встряхнулся, перевернул несколько страниц и вновь начал усердно писать.

Глава II. Мораль

А. Убийство и причинение вреда жизни

Естественно, мы считаем, что убийство по любой причине, исключая самооборону, защиту другого человека или узаконенное использование силы в военное время, абсолютно предосудительно.

Пару секунд он смотрел на эти строки, затем пробормотал: «Напыщенный осел!» – вырвал страницу из дневника, скомкал и выбросил.

Не обращая внимания на Мэнди – а та уже заливисто распевала пародийную версию песенки: «Динь-дилень, Бэммен – пень, Вобин – дуячок!», – Роджер схватил дневник и направился по коридору в кабинет Брианны.

– Кто я такой, чтобы разглагольствовать о морали? – требовательно спросил он.

Брианна оторвалась от страницы с изображением разобранной электрической гидротурбины и посмотрела на мужа бессмысленным взглядом, означающим, что она услышала, но пока еще не соображает, кто говорит и о чем именно. Роджер знал об этой особенности жены и потому с легким нетерпением ждал, когда ее разум переключится с турбины и сосредоточится на нем.

– ...разглагольствовать? – переспросила Брианна, нахмурившись, потом моргнула, и ее взгляд принял осмысленное выражение. – Перед кем ты разглагольствуешь?

– Ну... – Роджер поднял исписанную тетрадь и неожиданно смутился. – Наверное, перед детьми.

– Ты и должен разглагольствовать перед своими детьми о морали, – рассудительно заметила она. – Ты же их отец, это твоя обязанность.

Роджер слегка растерялся.

– Ох, но я ведь сам совершил много такого, что говорю им не делать.

Кровь. Да, возможно, это и была защита другого человека. А может, и нет.

Брианна приподняла густую рыжую бровь.

– А ты не слышал о лицемерии во благо? Я думала, что в семинарии вас этому учили, раз уж ты заговорил о разглагольствованиях на тему морали. Это ведь работа священника, так?

Она уставилась на него голубыми глазами, явно ожидая ответа. Роджер глубоко вздохнул. Да уж, доверять Бри – это все равно что подойти к слону и схватить его за хобот, подумал он с иронией. С тех пор как они вернулись, она ни разу не упомянула о его почти состоявшемся рукоположении и ни разу не спросила, что он теперь собирается делать со своим призванием. Ни единого слова за весь год, пока они жили в Америке, ни после операции Мэнди, ни после того, как они приняли решение переехать в Шотландию. Брианна не касалась этой темы и тогда, когда они купили Лаллиброх, а потом несколько месяцев приводили поместье в порядок. Молчала, пока он сам не открыл эту дверь. А раз уж открыл, конечно, подошла к нему, свалила наземь и поставила ногу на грудь.

– Да, – ровным голосом ответил Роджер и посмотрел жене в глаза. – Ты права.

– Хорошо. – Она ласково улыбнулась. – Так в чем проблема?

– Бри, – сказал Роджер и почувствовал в изрубцованном горле ком, – если бы я знал, то сказал бы тебе.

Она встала, положила ладонь на его руку, но никто из них не успел ничего добавить, потому что в коридоре раздался топот маленьких босых ножек, которые бежали вприпрыжку, и из дверей кабинета Роджера донесся голос Джема:

– Папа?

– Я здесь, дружище, – отозвался Роджер, но Брианна уже пошла к двери.

Роджер последовал за ней и увидел возле стола Джема в пижаме с изображением Супермена и мокрыми, стоящими как иглы волосами. Мальчик с любопытством разглядывал письмо.

– Что это? – спросил он.

– Сто ето? – послушным эхом повторила подбежавшая Мэнди и вскарабкалась на стул, чтобы посмотреть.

– Письмо от вашего дедушки, – ответила Брианна, нисколько не растерявшись. Словно невзначай она положила одну руку на письмо, прикрыв почти весь постскриптум, а другой показала на последние строчки. – Он прислал вам поцелуй. Видите?

Джем просиял.

– Он сказал, что он нас не забудет, – довольно произнес он.

– Поцелуй, дедушка! – воскликнула Мэнди, наклонилась так, что густые черные кудряшки упали ей на лицо, и приложила губами к письму, громко чмокнув.

Разрываясь между ужасом и смехом, Бри выхватила письмо и вытерла с него слюни, но старая бумага оказалась на удивление прочной.

– Ничего страшного, – сказала Бри и незаметно передала письмо Роджеру. – Пойдемте! Что мы будем читать сегодня?

– Сказки про зивотных для малысей!

– Животных, – отчетливо произнес Джем, наклонившись к сестре. – Сказки про животных для малышей.

– Хорошо, – дружелюбно кивнула она. – Я первая!

Весело хихикая, Мэнди бросилась к двери и выбежала. Брат рванул за ней. Брианне потребовалось всего три секунды, чтобы схватить Роджера за уши, притянуть к себе и поцеловать в губы. Отпустив его, она пошла вслед за отпрысками.

Чувствуя себя гораздо счастливее, Роджер сел и прислушался к долетавшему сверху шуму: дети умывались и чистили зубы. Вздыхнув, Роджер сунул дневник обратно в ящик. Времени еще предостаточно. Пройдет много лет, прежде чем эта тетрадь понадобится, подумал он. Годы и годы.

Бережно сложив письмо, Роджер встал на цыпочки и положил его на самую высокую полку книжного шкафа, прижав маленькой змейкой для пушей сохранности. Задул свечу и направился к своей семье.

«P.S. Вижу, что сказать последнее слово выпало мне – редкая роскошь для человека, который живет в доме с восемью (по последним подсчетам) женищинами. Как только потеплеет, мы хотим покинуть Ридж и отправиться в Шотландию, чтобы найти мой печатный станок и вернуться с ним обратно. По нынешним временам путешествие – дело рискованное, и я не могу предсказать, когда напишу снова, если это вообще будет возможно. (Не знаю я и того, получите ли вы это письмо или нет, но продолжаю его с надеждой, что получите.)

Я хотел бы рассказать вам о том, как распорядился имуществом, которое некогда доверили Кэмеронам для Итальянского Джентльмена. Я решил, что неразумно везти его с собой, и потому спрятал в укромном месте. Джем знает это место. Если вам когда-нибудь понадобится это имущество, скажите, что его охраняет Испанец. Если вы захотите забрать это имущество, то пусть его обязательно освятит священник – на нем кровь.

Иногда мне жаль, что я не могу заглянуть в будущее, однако чаще я благодарю Бога за то, что он не дал мне этой возможности. Но я всегда буду видеть ваши лица. Поцелуйте за меня детей.

Ваш любящий отец,

Дж. Ф.»

* * *

Дети почистили зубы и умылись, после чего их поцеловали и отправили спать, а родители вернулись в библиотеку, чтобы выпить по глотку виски и поговорить о письме.

– Итальянский Джентльмен? – Бри посмотрела на Роджера, приподняв одну бровь так, что тот сразу же вспомнил Джейми Фрэзера и невольно взглянул на листок бумаги. – Неужели он имеет в виду...

– Чарльза Стюарта? Да, кого же еще?

Она взяла письмо и, наверное, уже в десятый раз перечитала постскрипtum.

– Если он действительно имеет в виду Чарльза Стюарта, то имущество...

– Он нашел золото. И Джем знает, где оно? – Роджер не смог удержаться и произнес последнюю фразу с вопросительной интонацией, подняв глаза к потолку, над которым предположительно спали его дети, ангелочки в пижамах с персонажами из мультиков.

Бри нахмурилась.

– Джем? Это не совсем то, что написал папа... а если он и вправду знает... нет, это слишком серьезный секрет, чтобы доверить его восьмилетнему мальчику.

– Верно.

Роджер подумал, что, несмотря на свои восемь лет, Джем умеет хранить секреты. Но и Бри права: ее отец никогда бы не стал обременять столь опасной информацией другого человека, не говоря уже о любимом внуке. По крайней мере, без уважительной причины, а постскрипtum давал понять, что эту самую информацию сообщили на случай крайней нужды.

– Ты права. Джем ничего не знает о золоте, только о том Испанце, кем бы он ни был. Джем тебе ничего не говорил?

Бри покачала головой и резко повернулась, когда внезапный порыв ветра ворвался сквозь занавески в открытое окно, принеся с собой запах дождя. Бри вскочила и поспешно закрыла створки, затем побежала наверх, чтобы закрыть окна и там, махнув Роджеру, чтобы тот проверил первый этаж. Дом был большой, и окон в нем оказалось необычайно много. Дети все время пытались их пересчитать, но у них ни разу не выходило одно и то же число.

Роджер полагал, что мог бы как-нибудь сам пересчитать окна, решив этот вопрос раз и навсегда, но не хотел этого делать. Лаллиброх, как и большинство старинных зданий, обладал ярко выраженной индивидуальностью. Его построили большим и уютным, отказавшись от величественности в пользу удобства, и голоса прошлых поколений до сих пор эхом отдавались в стенах дома, который, несомненно, таил немало секретов. Соккрытие точного количества окон было вполне в игривом духе этого дома.

Окна на кухне – теперь оборудованной холодильником, современной плитой марки «Ага» и водопроводом, но все еще со старинными гранитными столешницами, покрытыми пятнами от смородины и крови домашней птицы и дичи, – были закрыты. Тем не менее Роджер прошел через кухню и буфетную. Свет в глубине холла не горел, но Роджер разглядел около стены решетку в полу, через которую воздух проникал в «убежище священника»²².

После неудачного восстания якобитов там недолго прятался тесть, еще до того, как попал в Ардсмурскую тюрьму. Роджер спускался туда всего лишь один раз (и тоже ненадолго), когда они купили дом, и вылез из сырой вонючей ямы, отлично понимая, почему Джейми Фрэзер предпочел жить в глуши на уединенной горе, где ничто не сдерживало его передвижений.

Годы скитаний, невзгод, заточения... Джейми Фрэзер не был политиканом и лучше других знал истинную цену войны, вне зависимости от предполагаемой цели. Но Роджер не раз видел, как тесть рассеянно потирал запястья, где следы от оков давно исчезли, но память об их тяжести осталась. Роджер не сомневался, что Джейми Фрэзер лучше умрет, чем будет жить в неволе. На миг Роджеру так сильно захотелось оказаться рядом с тестем и сражаться с ним плечом к плечу, что от тоски заныли кости.

Начался дождь, капли забарабанили по шиферным крышам надворных построек, и вскоре он уже лил как из ведра, окутав дом туманом и водой.

– Ради нас... и наших потомков, – сказал Роджер вслух, но очень тихо.

То была сделка, которую мужчины заключили между собой, негласно, но полностью понимая друг друга. Главное – сберечь семью и защитить детей, больше ничто не имело значения. И если за это нужно платить кровью, потом или отдать душу, что ж, всему своя цена.

²² Убежище священника – потайное помещение, где укрывались католические священники во время преследования католиков.

– *Oidche mhath*, – произнес Роджер, кивнув в сторону убежища священника. – Спокойной ночи.

Он еще немного постоял на старой кухне, чувствуя, как дом словно обнимает его, надежно защищает от грозы. Роджер подумал, что кухня всегда считалась сердцем дома, и вдруг обнаружил, что от тепла плиты так же уютно, как когда-то от пылающего огня в ныне пустом очаге.

Роджер встретил Брианну у подножия лестницы. Она уже переделалась для постели, но вовсе не для того, чтобы спать. Воздух в доме всегда оставался прохладным, а из-за дождя температура понизилась еще на несколько градусов. Однако Брианна надела не теплую пижаму, а тонкую ночную рубашку из белого хлопка, отделанную узкой красной лентой и обманчиво целомудренную на вид. Белая ткань льнула к груди Брианны, словно облако к вершине горы.

Роджер сказал об этом жене, она рассмеялась и не стала возражать, когда он прямо поверх ткани накрыл ее грудь ладонями, чувствуя, как затвердели соски, став похожими на камешки.

– Наверху? – прошептала Брианна, и, прижавшись к нему, провела кончиком языка по его нижней губе.

– Нет, – ответил он и крепко поцеловал жену, возбуждаясь от прикосновения и сдерживая желание, – на кухне. Там мы еще этого не делали.

Роджер овладел Брианной, склонившись над старинным кухонным столом, заляпанным таинственными пятнами. Тихие стоны сливались с шумом ветра и стуком дождя, бьющего по старинным ставням. Роджер почувствовал, как она содрогнулась в сладкой судороге, обмякла, и тоже кончил. Колени ослабли, и он медленно навалился на жену, держа ее за плечи и прижимаясь лицом к пахнущим шампунем волосам. Гладкий старый гранит приятно охлаждал щеку. Сердце Роджера стучало медленно, тяжело и ровно, как будто били в большой барабан.

Роджер был без одежды, и от холодного сквозняка его спина и ноги покрылись мурашками. Брианна почувствовала, как он дрожит, и повернулась к нему лицом.

– Замерз? – прошептала она.

Ей самой было жарко, она пылала, как раскаленный уголь, и Роджеру больше всего хотелось лечь в постель рядом с ней и переждать грозу в уютном тепле.

– Все в порядке. – Он нагнулся и сгреб с пола одежду. – Пойдем спать.

Наверху шум дождя слышался еще громче.

– И звери шли по два, по два, – тихонько напевала Бри, когда они поднимались по лестнице. – Два кенгуру и два слона...

Роджер улыбнулся. Можно представить, что дом – это ковчег, который плывет по бурным водам, а внутри его уютно и тепло. И всех по двое: два родителя, два ребенка. Впрочем, возможно, когда-нибудь их станет больше. В доме полно места.

Лампу потушили, и под размеренный стук дождя в ставни Роджер балансировал на грани сна и бодрствования, желая продлить сладостные минуты.

– Мы ведь не будем его спрашивать? – прошептала Бри сонным голосом. Теплая тяжесть ее тела согревала бок Роджера. – Я имею в виду Джема.

– Конечно, нет. Ни к чему.

Он вдруг почувствовал укол любопытства. Интересно, кем был тот Испанец? И всегда существует соблазн, если знаешь о спрятанных сокровищах. Впрочем, пока клад им не нужен, денег у них достаточно. Предположим, что золото лежит себе спокойно там, куда Джейми его положил много лет назад. Хотя вряд ли.

Роджер не забыл последнее указание Джейми в пост-скриптуме.

«Пусть его обязательно освятит священник – на нем кровь». Слова расплывались, и, так как он все время повторял их в памяти, ему приснились не золотые слитки, а старый стол с гранитной поверхностью, в которую намертво въелись темные пятна. И ведь ничем их не отчистишь. Молитвы тоже не помогали.

Хотя, собственно, какая разница? Кем бы ни был тот Испанец, пусть спокойно охраняет свое золото и дальше. Семья в безопасности.

Часть вторая

Кровь, пот и маринованные огурчики

Глава 6

Лонг-Айленд

4 июля 1776 года в Филадельфии была подписана Декларация независимости.

24 июля генерал-лейтенант сэр Уильям Хау прибыл в Нью-Дорп на Статен-Айленде и устроил походную штаб-квартиру в таверне «Роза и корона».

13 августа генерал-лейтенант Джордж Вашингтон прибыл в Нью-Йорк, чтобы усилить оборону города, который удерживали американцы.

21 августа лейтенант Уильям Рэнсом, лорд Элсмир, прибыл в таверну «Роза и корона» в Нью-Дорпе и доложил, хотя и несколько запоздало, что приступил к исполнению обязанностей самого младшего офицера при штабе генерала Хау.

22 августа...

Лейтенант Эдвард Маркхэм, маркиз Клэрвелл вгляделся в лицо Уильяма, выставив, в свою очередь, на обозрение весьма неаппетитный зрелый прыщ у себя на лбу, готовый вот-вот лопнуть.

– Элсмир, с тобой все в порядке?

– Замечательно, – с трудом выдавил Уильям сквозь стиснутые зубы.

– Только выглядишь ты несколько... зеленоватым. – Клэрвелл с обеспокоенным видом полез в карман. – Хочешь, дам пососать маринованный огурчик?

Уильям едва успел добежать до поручней. Сзади доносились скабрзные шуточки насчет «огурчика» Клэрвелла: кто бы мог его пососать и сколько владелец «огурчика» должен будет заплатить за оказанную услугу. Сальности перемежались заверениями Клэрвелла, что его престарелая бабушка считала маринованный огурчик лучшим средством от морской болезни и всем его рекомендовала. Этот способ отлично работает, божился Клэрвелл, вот посмотрите на него, Клэрвелла, крепок, как скала...

Уильям заморгал слезящимися глазами и уставился на приближающийся берег. Море почти не волновалось, но, похоже, надвигался шторм. Впрочем, какая разница, ведь даже при малейшей качке, во время наикратчайшего плавания, Уильяма буквально выворачивало наизнанку. И так каждый чертов раз!

Его все еще тошнило, но в желудке уже ничего не осталось, и потому Уильям сделал вид, что все хорошо. Он вытер рот, чувствуя, что покрыт липким холодным потом, хотя день стоял жаркий. Уильям расправил плечи.

Вот-вот должны были бросить якорь, значит, пора вниз, подумал Уильям, привести своих людей в некое подобие порядка, прежде чем они погрузятся в лодки. Он бросил осторожный взгляд через поручни и прямо за кормой увидел «Ривер» и «Феникс». «Феникс» был флагманским кораблем адмирала Хау, и его брат, генерал, тоже находился на борту. Неужели придется ждать, подпрыгивая, словно поплавки на бурных волнах, пока генерал Хау и его адъютант капитан Пикеринг не сойдут на берег? Уильям надеялся, что нет.

В конечном счете им разрешили высадиться сразу.

– И пошевеливайтесь, джентмены! – во всю глотку проорал сержант Каттер. – Нам нужно застать этих сукиных детей мятежников врасплох! И не дай бог, кто-то помешкает, солоно ему придется! Эй, вы там!

Он зашагал прочь, крепкий, как плитка прессованного табака, чтобы задать взбучку очередному провинившемуся лейтенанту, и Уильяму полегчало. Разве может случиться нечто понастоящему ужасное в мире, где существует сержант Каттер?

Уильям последовал за своими людьми вниз по трапу, к шлюпкам, от возбуждения совершенно забыв о своем желудке. Где-то на равнинах Лонг-Айленда его ждало первое настоящее сражение.

* * *

Восемьдесят восемь фрегатов. Уильям слышал, что именно столько адмирал Хау привел с собой, и нисколько не сомневался. Лес парусов заполнил залив Грейвсенд, небольшие шлюпки теснились на воде, переправляя войска на берег. В груди Уильяма тоже теснило, он чувствовал, как его распирает от предвкушения. Оно нарастало и среди его сослуживцев, Уильям ощущал это, когда капралы высаживали свои подразделения из шлюпок и уводили прочь в строевом порядке, освобождая место для следующей волны солдат и офицеров.

Берег был довольно близко, и потому офицерских лошадей не перевозили на лодках, а пустили вплавь. Уильям отпрянул в сторону, когда огромный гнедой вскинулся на дыбы неподалеку, обдав дождем соленых брызг всех в радиусе десяти футов. Парнишка-конюх с побледневшим от холода лицом цеплялся за уздечку коня и походил на мокрую крысу, но тоже встряхнулся, как его подопечный, и восторженно улыбнулся Уильяму.

Лошадь Уильяма была где-то здесь, знать бы, где именно. Капитан Грисуолд, старший офицер при штабе Хау, одолжил ему одну из своих лошадей, по-другому решить вопрос не получилось – не хватало времени. Уильям предполагал, что тот, кто за ней присматривает, сам его найдет, хотя и не понимал, как.

Вокруг царил организованный беспорядок. Прилив отошел, и группки красномундирников сустились на плоском берегу среди выброшенных прибоем морских водорослей, словно стайки ржанок, а зычные команды сержантов вторили пронзительным крикам чаек над головой.

С некоторым трудом – Уильяма представили капралам только утром, и он еще толком не запомнил их лица – Уильям нашел свои четыре подразделения и повел их от берега вверх, в песчаные дюны, заросшие жесткой, словно проволока, травой. Было очень жарко, и Уильям, сам изнемогая от зноя в тяжелом обмундировании и при полном снаряжении, дал своим людям отдохнуть: попить воды или пива из фляжек и перекусить сыром с галетами. Он знал, что скоро поступит приказ двигаться дальше.

Вот только куда? Именно этот вопрос терзал сейчас Уильяма. Первое заседание штаба, на котором он присутствовал, наспех проведенное накануне вечером, подтвердило намеченный план наступления. Из залива Грейвсенд половина армии отправится в глубь острова и повернет на север к Бруклинским высотам, где, как считали, окопались отряды повстанцев. Остальные войска должны двигаться вдоль берега к Монтоку, образуя линию обороны, которая в случае необходимости могла бы переместиться в глубь Лонг-Айленда и загнать мятежников в ловушку.

Уильяму невероятно сильно, до боли в позвоночнике, хотелось быть в авангарде, атаковать, но пришлось признать, что это маловероятно. Он совсем не знал своих солдат, и их вид не произвел на него впечатления. Ни один здравомыслящий командир не послал бы эти подразделения на передовую, разве что в роли пушечного мяса. Эта мысль несколько охладила пыл Уильяма, но только на миг.

Хау не любил терять людей понапрасну, он слыл человеком осторожным, порой даже чрезмерно, как рассказывал отец. Лорд Джон не говорил, что пресловутая осторожность и стала основной причиной, почему он дал согласие на службу Уильяма при штабе Хау, но Уильям и

так это знал. Да какая разница, думал Уильям, ведь шансы стать свидетелем важных событий сейчас намного выше, чем когда он прохлаждался в болотах Северной Каролины под командованием сэра Питера Пэкера.

И все же... Он медленно огляделся по сторонам. Море кишело британскими судами, сушу перед взором Уильяма заполонили солдаты. Он никогда бы не признался вслух, что впечатлен зрелищем, но почувствовал, как шейный платок сдавил горло. Уильям понял, что затаил дыхание, и выдохнул.

На берег переправлялась артиллерия, опасно маневрируя на плоскодонных баржах, которыми, чертыхаясь, управляли солдаты. Орудийные лафеты и повозки с боеприпасами тащили по мелководью к берегу ломовые лошади и волю, сбившись в исхлестанное бичами, покрытое мокрым песком стадо, которое ржало и мычало в знак протеста, когда выходило на сушу южнее места высадки людей. Это была самая большая армия, которую когда-либо видел Уильям.

– Сэр, сэр!

Он увидел перед собой невысокого круглощекого солдатика, чем-то встревоженного и совсем юного, не старше самого Уильяма.

– Да?

– Ваш эспонтон²³, сэр. И ваша лошадь тоже здесь, – добавил солдат, кивнув на статного светло-гнедого мерина, которого держал за поводья. – Капитан Грисуолд шлет свое почтение.

Уильям взял семифутовый эспонтон – отполированный стальной наконечник тускло блестел даже под затянутым тучами небом – и, ощутив в руке его тяжесть, вздрогнул от волнения.

– Благодарю. А вы...

– Ах да. Перкинс, сэр! – Солдат торопливо козырнул, коснувшись лба костяшками пальцев. – Это моя третья кампания, сэр. Нас еще называют взломщиками.

– Правда? Что ж, надеюсь, у вас будет немало возможностей оправдать это прозвище.

Перкинс стоял с невозмутимым видом.

– Благодарю вас, Перкинс, – сказал Уильям, жестом отпуская солдата и беря лошадь под уздцы.

Восторг переполнял его сердце. Уильям подумал, что это самая большая армия, которую он когда-либо видел. И он стал ее частью.

* * *

Уильяму повезло больше, чем он предполагал, но не так сильно, как он надеялся. Его подразделениям надлежало следовать вторым эшелоном за пехотой, которая шла в авангарде, и охранять артиллерию. Это не гарантировало участия в боевых действиях; тем не менее шансы были, и довольно неплохие, окажись американцы хотя бы наполовину такими хорошими бойцами, каковыми слыли.

Уже далеко за полдень он поднял эспонтон вверх и скомандовал:

– Шагом марш!

Ненастье, которое давно назревало в воздухе, разразилось мелким дождем, принеся долгожданное облегчение от жары.

За берегом полоса деревьев сменилась широкой красивой равниной. Перед войсками раскинулось море колышущейся травы, которая пестрела полевыми цветами, настоящее буйство красок в тусклом свете непогожего дня. Далеко впереди Уильям увидел стайку вспорхнувших птиц. Голубей? Перепелов? Не понять, слишком далеко, но он видел, как птицы, несмотря на дождь, взлетают из своих укрытий, вспугнутые солдатами на марше.

²³ Эспонтон – колющее древковое холодное оружие. Служило отличительным знаком офицеров.

Подразделения Уильяма шли ближе к середине первой линии продвигающихся войск, змеились за ним стройными рядами, и он мысленно поблагодарил генерала Хау. Вообще-то, как младшему штабному офицеру, Уильяму полагалось исполнять обязанности ординарца и снова туда-сюда между отрядами, разнося приказы из ставки Хау и передавая донесения других двух генералов, сэра Генри Клинтон и лорда Корнуоллиса.

Но Уильям прибыл слишком поздно и не был знаком ни с офицерами, ни с нынешней дислокацией армии, к тому же понятия не имел, кто есть кто, не говоря о том, где кто сейчас находится. Как посыльный он был бы совершенно бесполезен. Однако генерал Хау каким-то образом нашел время в суматохе грядущего наступления и не только любезно поприветствовал Уильяма, но и предложил выбор: сопровождать капитана Грисуолда и выполнять его поручения или принять командование несколькими ротами, потерявшими своего лейтенанта, который свалился с лихорадкой.

Уильям ухватился за эту возможность и теперь гордо ехал верхом, ведя своих людей на войну, а его эспонтон покоился в петле. Уильям поерзал в седле, с наслаждением ощущая на плечах новый красный шерстяной мундир. Аккуратно заплетенная косица упруго касалась шеи, жесткий кожаный воротник приятно подпирал горло, а офицерский горжет – маленькое серебряное напоминание о римских доспехах – радовал своей легкостью. Уильям не надевал военную форму почти два месяца, ее возвращение казалось ему апофеозом блаженства, и даже дождь не мог этому помешать.

Рядом с Уильямом и его людьми рысила рота легкой кавалерии. Внезапно их командир что-то крикнул, и Уильям увидел, как всадники поскакали вперед и свернули к роще вдали. Неужели они что-то заметили?

Но нет. Из зарослей поднялось огромное облако черных дроздов, которые так громко щебетали, что многие лошади испуганно отпрянули. Кавалеристы прочесали местность, они пробирались между деревьями, обнажив палаши и кромсая ветви, но только для вида. Если в рощице кто-то и прятался, то успел скрыться, и всадники повернули назад, к наступающей армии, пересвистываясь и улюлюкая на скаку.

Уильям опустил обратно в седло, отпустив древко эспонтон.

Никаких американцев поблизости, да и откуда им взяться? Занимаясь сбором данных, Уильям видел и слышал вполне достаточно, чтобы прийти к выводу: только солдаты Континентальной армии будут, скорее всего, сражаться организованно. Он видел, как ополченцев обучают на деревенских площадях, делил трапезу с этими людьми. Они не знали военного дела, выглядели смешными потому, что не могли просто пройти строем, не говоря уже о том, чтобы шагать в ногу, но почти все были опытными охотниками. Уильям столько раз видел, как многие из них сбивают на лету диких гусей и индюшек, что не разделял обычное среди британских солдат презрение к мятежникам.

Нет, если бы американцы находились поблизости, скорее всего, первым признаком стали бы убитые солдаты. Уильям подозвал Перкинса и велел передать капралам, чтобы те держали своих людей начеку, с оружием заряженным и готовым к бою. Он заметил, как передернул плечами один из капралов, явно сочтя приказ издевательством, но распоряжение выполнил, отчего на душе Уильяма стало поспокойнее.

Он мысленно вернулся к недавней поездке и задался вопросом, когда и где можно встретиться с капитаном Ричардсоном и передать ему результаты своей разведывательной работы.

В дороге Уильям в основном держал свои наблюдения в памяти и лишь самое важное записывал шифром в маленьком томике Нового Завета, который ему подарила бабушка. Книжица все еще лежала в кармане гражданского сюртука, оставшегося на Статен-Айленде. Теперь, когда он, Уильям, благополучно возвратился в лоно армии, может, следует написать о своих наблюдениях в рапортах по всей форме? Он мог бы...

Неведомая сила подняла его в стременах как раз вовремя, чтобы заметить вспышку и грохот ружейных выстрелов из леса слева.

– Не стрелять! – закричал Уильям, увидев, как его солдаты снимают с плеч оружие. – Подождите!

Стреляли слишком далеко, а там, ближе к лесу, находилась еще одна колонна пехоты, которая заняла позицию для стрельбы и выпустила в лес первый залп: солдаты первой шеренги опустились на одно колено, а вторая шеренга выстрелила над их головами. Из леса донеслись ответные выстрелы, несколько солдат упало, другие зашатались, но сомкнули ряды.

Еще два залпа, вспышки ответного огня, но теперь лишь единичные. Краем глаза Уильям заметил движение, резко повернулся в седле и увидел шайку лесных деревенщин в охотничьей одежде, которые бежали от дальнего края рощи.

Рота, что шла впереди, тоже их заметила. По зычной команде сержанта солдаты сомкнули штыки и побежали, хотя было ясно, что они никого не догонят.

Такие беспорядочные стычки продолжались весь день, пока армия двигалась вперед. Убитых поднимали и относили в конец колонны, но погибших было немного. Как-то раз обстреляли одну из рот Уильяма, и он почувствовал себя богом, когда отдал приказ атаковать. С примкнутыми штыками они ворвались в лесок, словно рой разъяренных шершней, и убили одного повстанца, тело которого потом выволокли на равнину. Капрал предложил повесить его на дереве в назидание другим, но Уильям категорически это запретил, сочтя подобный поступок недостойным, и велел оставить мертвеца на опушке леса, где его могли бы подобрать сообщники.

К вечеру войска облетел приказ генерала Клинтонна. Они не будут разбивать бивак, а устроят небольшой привал, чтобы наскоро перекусить сухим пайком, и затем двинутся дальше.

По рядам пронесся удивленный ропот, но никто не возмущался. Они прибыли сюда, чтобы сражаться, и марш вскоре возобновился.

Время от времени моросил дождь, а с наступлением сумерек перестали нападать мятежники. Было прохладно, но не холодно, и несмотря на то, что одежда сильно отсырела, Уильяму больше нравились сегодняшние прохлада и сырость, чем душная жара накануне. К тому же дождь несколько охладил норы его лошади, и это радовало. Мерин оказался нервным и пугливым, и Уильям начал сомневаться, что капитан Грисуолд одолжил ему это создание исключительно из любезности. Впрочем, измученный долгим переходом мерин перестал шараться от колышущихся под порывами ветра ветвей деревьев и дергать поводья и теперь с усталой покорностью брел вперед, опустив уши.

Первые несколько часов ночного перехода люди держались неплохо, но после полуночи стало сказываться переутомление от нагрузки и недосыпа. Солдаты зашагали медленнее, начали спотыкаться, на них действовало ощущение бескрайней темноты и непомерных усилий, которые отделяли их от рассвета.

Уильям подозвал Перкинса. Круглощекий солдат подошел, шурясь и зевая, и зашагал рядом, держась за стремя Уильяма, пока тот объяснял, чего хочет.

– Петь? – переспросил Перкинс с сомнением в голосе. – Думаю, я умею петь, да, сэр. Правда, только псалмы.

– Это не совсем то, что я имел в виду, – сказал Уильям. – Тогда идите и попросите сержанта... Милликина. Кажется, так его зовут, да? Он же ирландец? Пусть поет что хочет, лишь бы громко и весело.

В конце концов, они не пытались скрыть своего присутствия, и американцы прекрасно знали об их передвижениях.

– Да, сэр, – неуверенно ответил Перкинс, отпустил стремя и растворился в ночи.

Прошло несколько минут, и Уильям услышал, как зычный ирландский голос Патрика Милликина воодушевленно затянул весьма непристойную песню. Среди солдат прокатилась

волна смеха, и к тому времени, когда Милликин дошел до припева, ему подпевали несколько человек. Через пару куплетов песню громко и дружно выводили все, в том числе и Уильям.

Конечно, они не смогли бы петь те несколько часов, что маршировали при полном снаряжении, но ко времени, когда солдаты перепели любимые песни и сбились с дыхания, все проснулось и были снова бодры и веселы.

Перед самым рассветом до Уильяма донесся запах моря и тяжелый дух раскисшего под дождем болота. Солдаты, уже и так промокшие, зашлепали по мелким приливным протокам и ручьям.

Парой минут позже тишину ночи разорвал пушечный выстрел, и болотные птицы с пронзительными тревожными криками поднялись в светлеющее небо.

Следующие два дня Уильям никак не мог сообразить, где он находится. В армейских депешах и срочных донесениях время от времени встречались такие названия, как «Джамейка-Пасс», «Флэтбуш» и «Гованус-Крик», но с таким же успехом там могло бы быть написано «Юпитер» или «Обратная сторона Луны», Уильям все равно бы ничего не понял.

Наконец-то он увидел солдат Континентальной армии, которые полчищами вылезали из болот. Первые несколько стычек были жестокими, но роты Уильяма держали в тылу, для поддержки, и только один раз они подошли к огневым позициям достаточно близко, чтобы отразить атаку американцев.

Тем не менее Уильям, опьяненный запахом порохового дыма, постоянно пребывал в ажитации и пытался услышать и увидеть все сразу, даже когда тело содрогалось от грохота канонады. На закате стрельба прекратилась, и он поел галет и сыра, совсем немного, даже не ощутив вкуса, после чего ненадолго уснул от изнеможения.

К вечеру второго дня они оказались на какой-то ферме, за большим каменным домом, где британские войска и гессенские наемники устроили артиллерийскую позицию. Из окон верхнего этажа высывались стволы орудий, влажно блестящие под дождем, который все шел и шел.

Теперь основной заботой стал подмокший порох. С патронами проблем не возникало, но порох, насыпанный на пороховую полку, после нескольких минут начинал слипаться и приходил в полную негодность. Из-за этого с приказом заряжать приходилось тянуть до последнего мгновения перед выстрелом, и Уильям стискивал зубы, тревожась, что не успеет отдать приказ вовремя.

Впрочем, иногда сомневаться не приходилось. Вот и сейчас из-за деревьев перед домом вылетел с громким гиканьем отряд американцев и устремился к дверям и окнам. Засевшие в доме солдаты сразили выстрелами из мушкетов несколько человек, но остальные добежали до здания и стали забираться в разбитые окна. Почти не думая, Уильям натянул поводья и направил лошадь вправо, чтобы взглянуть на дом сзади. И точно, туда добралась большая группа мятежников, и некоторые уже карабкались вверх по плющу, который разросся по задней стене дома.

– Сюда! – прокричал Уильям, разворачивая лошадь и размахивая эспонтоном. – Олсон, Джеффрис, в обход! Когда подойдете поближе, заряжайте и стреляйте!

Двое из его роты побежали, на бегу надкусывая бумажные патроны, но их уже опередили гессенцы в зеленых мундирах: наемники хватали американцев за ноги, стаскивали с плюща и добивали прикладами на земле.

Уильям развернулся и поскакал в другую сторону – взглянуть, что происходит перед домом, и выехал из-за угла как раз в тот миг, когда из открытого окна верхнего этажа вылетел британский артиллерист и тяжело шлепнулся на землю, нелепо подвернув под себя ногу. Он лежал, истошно крича от боли. Один из солдат Уильяма бросился к нему, схватил за плечи, но его тут же подстрелили из окна, и он упал, обмякнув, а его шляпа укатилась в кусты.

Остаток дня они провели возле этого фермерского дома. Четыре раза американцы атаковали; дважды им удавалось одолеть засевших в доме и ненадолго захватить орудия, но оба раза свежие британские войска выбивали их из здания и отгоняли прочь либо убивали на месте. Уильяму не удалось подойти к дому ближе чем на двести ярдов, но один раз он все же успел выставить своих людей перед домом как раз во время очередной ожесточенной вылазки американцев, одетых, как индейцы, и вопящих, словно банши. Один из них поднял длинноствольную винтовку и выстрелил в Уильяма, но промахнулся. Уильям выхватил палаш, намереваясь прикончить мятежника, но тот вдруг упал ничком, сраженной чьей-то пулей, и покатился вниз по пригорку.

Повстанцы, за которыми гнались британские войска, уже скрылись за дальним углом дома, и Уильям попытался подогнать лошадь ближе, чтобы взглянуть, мертв тот человек или нет. Однако мерину эта затея совсем не понравилась. Он привык к ружейным выстрелам, но грохот артиллерии его пугал. К несчастью, именно в этот миг прогремела пушка, и мерин, прижав уши, рванул вперед.

В одной руке Уильям все еще держал палаш, а поводья свободно намотал на другую, и, когда лошадь внезапно дернулась влево, его вышибло из седла. Правая нога Уильяма выскользнула из стремени, и его отшвырнуло в сторону. Едва сообразив выпустить из рук меч, он приземлился на одно плечо и перекатился на бок.

Благодаря богу за то, что левая нога не застряла в стремени, и одновременно проклиная лошадь, Уильям, перемазанный в траве и грязи, с трудом встал на четвереньки. Сердце отчаянно колотилось.

Из дома больше не стреляли – должно быть, американцы в очередной раз ворвались внутрь и схватились врукопашную с артиллеристами. Уильям выплюнул забившуюся в рот грязь и начал осторожно отползать, понимая, что иначе в него могут попасть из окон верхнего этажа. Вдруг слева на мокрой траве он увидел того самого американца, который пытался его застрелить. Бросив опасливый взгляд на дом, Уильям пополз к неподвижному человеку, лежавшему лицом вниз. Уильяму захотелось увидеть его лицо, хотя он и сам не знал, зачем. Встав на колени, он приподнял тело за плечи и перевернул.

Вне всяких сомнений, человек был мертв – убит выстрелом в голову. Глаза у него запали, рот открылся, а тело казалось каким-то странным: тяжелым и обмякшим. На мятежнике было что-то вроде военного мундира, и на деревянных пуговицах Уильям заметил выжженную надпись: «ПАТ». Она явно что-то означала, но мысли путались в его голове, и он ничего не соображал. Бережно положив мертвеца обратно на траву, Уильям поднялся и на негнущихся ногах пошел за своим палашом.

На полпути он замер, развернулся и пошел назад. Опустившись на колени возле мертвеца, Уильям похолодевшими пальцами закрыл ему глаза от дождя, чувствуя в желудке ноющую пустоту.

* * *

К всеобщей радости, в тот вечер встали биваком. Установили полевые кухни, подвезли фургоны с продовольствием, и вскоре сырой воздух наполнили ароматы жареного мяса и свежего хлеба. Едва Уильям присел, чтобы поесть, как перед ним, словно вестник судьбы, возник Перкинс и виновато сообщил, что генерал Хау велел незамедлительно явиться к нему. Уильям прихватил с собой краюху хлеба с дымящимся куском жареной свинины и, жуя на ходу, отправился в штаб.

В штабе три генерала и все штабные офицеры обсуждали итоги дня. Генералы сидели за маленьким столом, заваленным грудями депеш и наспех нарисованными картами. Уильям отыскал местечко среди офицеров, которые почтительно стояли у стен просторной палатки.

Сэр Генри доказывал, что нужно атаковать Бруклинские высоты, как только наступит утро.

– Мы легко выйдем оттуда мятежников, – сказал Клинтон, показывая на депеши. – Они уже потеряли половину людей, если не больше, да их и с самого начала было немного.

– Легко не получится, – заметил милорд Корнуоллис, скривив толстые губы. – Вы же видели, как они сражаются! Да, мы могли бы их выбить, но какой ценой? А вы что скажете, сэр?

Он почтительно повернулся к Хау. Тот сидел, поджав губы, которые сейчас почти исчезли, и лишь тонкая бледная линия напоминала об их существовании.

– Я не могу позволить себе еще одну такую победу, как эта! – резко ответил он. – А если бы и мог, то не желаю!

Генерал перевел взгляд со стола на молодых офицеров у стены.

– Я потерял всех людей из своего штаба на том треклятом Холме в Бостоне, – уже спокойнее произнес он. – Двадцать восемь человек. Всех до единого.

Глаза генерала задержались на Уильяме, самом юном из всех присутствующих младших офицеров. Хау покачал головой и повернулся к сэру Генри:

– Нужно прекратить боевые действия.

Уильям понимал, что сэр Генри недоволен, но тот просто кивнул.

– Предложить перемирие?

– Нет, – коротко сказал Хау. – Вы сами сказали, что они потеряли почти половину своих людей. Только сумасшедшие будут воевать без причины. Они... Эй вы там, сэр! У вас есть какие-нибудь соображения?

Уильям вдруг понял, что вопрос Хау адресован именно ему, так как генерал вперил в него взгляд своих круглых глаз, пронзающий, словно заряд дроби.

– Я... – начал было Уильям, тут же спохватился и встал навытяжку. – Да, сэр! Теми мятежниками командует генерал Патнэм. Там, у ручья.

Уильям замялся и осторожно добавил:

– Он... он, возможно, не сумасшедший, однако прослыл упрямцем.

Хау помолчал, сощурив глаза.

– Упрямец, – повторил он. – Да, должен признать, что это верно.

– Он ведь был одним из командиров при Бридс-Хилл, не так ли? – вмешался лорд Корнуоллис. – И американцы сбежали оттуда довольно быстро.

– Да, но...

Уильям осекся, оцепенев под пристальными взглядами всех трех генералов. Хау нетерпеливо кивнул, требуя, чтобы он продолжил.

– Со всем уважением, милорд, – произнес Уильям, радуясь, что его голос не дрогнул. – Я... я слышал, что американцы в Бостоне отступили только после того, как расстреляли все боеприпасы до последнего патрона. Думаю... это не тот случай, сэр. А что касается генерала Патнэма... Там, на Бридс-Хилл, за ним никто не стоял.

– А здесь, вы думаете, стоит.

Это был не вопрос, а утверждение.

– Да, сэр. – Уильям старался не смотреть на груды донесений на столе. – Уверен, сэр. Думаю, что почти вся Континентальная армия сейчас на острове.

Уильям пытался говорить уверенно, без намека на сомнение. Он услышал об этом накануне от проезжего майора, но кто знает, вдруг тот говорил неправду?

– Если здесь командует Патнэм...

– А с чего вы взяли, что Патнэм, лейтенант? – перебил Клинтон, подозрительно взглянув на Уильяма.

– Я недавно вернулся из... из разведывательной экспедиции, сэр, которая проходила через Коннектикут. И там я от многих слышал, что собирается ополчение, чтобы вместе с гене-

ралом Патнэмом присоединиться к войскам генерала Вашингтона возле Нью-Йорка. А сегодня днем я видел на одежде мертвого бунтовщика пуговицу, сэр, на ней было вырезано «ПАТ». Они так его называют, сэр, генерала Патнэма, – «Старина Пат».

Генерал Хау выпрямился, прежде чем Клинтон или Корнуоллис успели что-либо вставить.

– Упрямец, – повторил он. – Что ж, возможно, так и есть. Однако... Прекратите боевые действия. Он сейчас в затруднительном положении и наверняка это осознает. Дадим ему шанс все обдумать, пусть посоветуется с Вашингтоном, если захочет. Возможно, у Вашингтона больше здравого смысла. И если мы заставим Континентальную армию капитулировать без дальнейшего кровопролития... Я думаю, джентльмены, стоит рискнуть. Но мы не будем предлагать никаких условий.

Это означало, что капитуляция будет безоговорочной, если американцы образумятся. А если нет? Уильям слышал рассказы о сражении при Бридс-Хилл... Правда, слышал от американцев, и потому воспринимал их с некоторой долей сомнения. Тем не менее говорили, что, когда у мятежников закончились пули, они вырывали гвозди из окрестных заборов – и даже из подметок собственных ботинок! – и стреляли в британских солдат. И отступили, только когда не оставалось ничего, кроме как забросать противника камнями.

– Если Патнэм надеется на подкрепление от Вашингтона, то просто сядет и подождет, – заметил Клинтон, нахмурившись. – И тогда нам придется иметь дело со всей их армией. Не будет ли лучше, если мы...

– Он не это имел в виду, – оборвал его Хау. – Так ведь, Элсмир? Когда вы сказали, что при Бридс-Хилл за ним никто не стоял?

– Да, сэр, – благодарно ответил Уильям. – Я имел в виду... У него есть что защищать. За его спиной. Вряд ли он ждет, когда остальная армия придет к нему на помощь. Думаю, он прикрывает ее отступление.

При этих словах лорд Корнуоллис поднял брови. Клинтон исподлобья посмотрел на Уильяма, и тот запоздало вспомнил, что именно на Клинтоне, который служил в те времена полевым командиром, и лежит ответственность за пиррову победу при Бридс-Хилл, и потому он весьма чувствителен к разговорам об Израэле Патнэме.

– А с какой стати мы спрашиваем совета у мальчишки, у которого еще молоко на губах не обсохло? Вы когда-нибудь участвовали в бою? – требовательно спросил Клинтон Уильяма.

Тот залился краской.

– Я бы и сейчас сражался, сэр, – с жаром произнес он. – Если бы вы меня здесь не задерживали!

Лорд Корнуоллис рассмеялся, и по лицу Хау тоже скользнула мимолетная улыбка.

– Мы еще посмотрим, как вы проливаете кровь, лейтенант, только не сегодня, – сухо сказал Хау. – Капитан Рамзи?

Он подал знак одному из старших офицеров, коротышке с очень широкими плечами, который шагнул вперед и отдал честь.

– Возьмите Элсмира, и пусть он вам расскажет о результатах своей... разведки. После доложите мне обо всем, что может представлять интерес. А тем временем... – он повернулся к двум другим генералам: – Я приказываю приостановить боевые действия до дальнейшего распоряжения.

* * *

Капитан Рамзи увел Уильяма, и тот больше не слышал, о чем говорят генералы. Он размышлял, не наговорил ли лишнего. Конечно, генерал Хау спросил напрямую, и нужно было

ответить, но стоило ли выставлять свой жалкий, чуть больше месяца, опыт в разведке против объединенных знаний такого количества старших офицеров?

Уильям поделился сомнениями с капитаном Рамзи, который выглядел человеком немногословным, но вполне дружелюбным.

– У вас не было другого выбора, – заверил его капитан. – Хотя...

Уильям обошел кучку оставленного мулом навоза и зашагал дальше, стараясь держаться рядом с Рамзи.

– Хотя что?

Рамзи ничего не ответил. Он провел Уильяма через весь лагерь, сквозь аккуратные ряды брезентовых палаток, время от времени помахивая рукой окликавшим его людям, которые сидели вокруг костров.

Наконец они дошли до палатки Рамзи, и тот придержал откидное полотнище, жестом приглашая Уильяма внутрь.

– Слышали о дамочке по имени Кассандра? – сказал наконец Рамзи. – Она вроде как была гречанкой. Ее сильно недолюбливали.

* * *

После тяжелого дня солдаты спали крепко, и Уильям тоже.

– Ваш чай, сэр.

Ничего не соображая, Уильям заморгал, еще не очнувшись ото сна, в котором он прогуливался по домашнему зверинцу герцога Девонширского под ручку с орангутаном. Но вместо обезьяньей морды его поприветствовало встревоженное пухлощекое лицо рядового Перкинса.

– Что? – тупо переспросил Уильям.

Перкинс, казалось, плавал в каком-то мареве, и сколько Уильям ни моргал, оно не рассеивалось, и только когда Уильям сел, чтобы взять дымящуюся чашку, до него дошло, что в воздухе висит плотная водяная дымка.

Все звуки были приглушены. Отовсюду доносился привычный шум пробуждающегося лагеря, но звучал он глухо, словно издалека. И неудивительно – когда через несколько минут Уильям высунул голову из палатки, то обнаружил, что земля окутана стелющимся туманом, который приполз с болот.

Впрочем, это никого особо не волновало. Армия не собиралась никуда двигаться. Из ставки Хау пришел официальный приказ о прекращении боевых действий, и потому оставалось только ждать, когда американцы образумятся и капитулируют.

Солдаты зевали, потягивались и искали развлечений. Уильям как раз играл в кости с капрами Ярнеллом и Джеффрисом, когда перед ним вновь возник запыхавшийся Перкинс.

– Полковник Спенсер шлет свое почтение, сэр, а еще вы должны явиться с докладом к генералу Клинтону.

– Да? Зачем? – спросил Уильям.

Перкинс растерялся, похоже, ему не пришло в голову расспросить посыльного.

– Просто... думаю, он хочет вас видеть, – ответил он, стараясь хоть чем-то услужить.

– Большое спасибо, рядовой Перкинс, – сказал Уильям с сарказмом, совершенно напрасным: Перкинс радостно просиял и поспешил ретироваться, не дожидаясь, пока его отпустят.

– Перкинс! – рявкнул Уильям.

Рядовой испуганно оглянулся, на круглощекое лицо читалось недоумение.

– Куда ехать?

– Что? Э-э... Я хотел сказать: что, сэр?

– Где находится штаб генерала Клинтона? – с наигранным терпением спросил Уильям.

– Ой, гусар... Он приехал вон... – Перкинс медленно, словно флюгер, повернулся на месте, сосредоточенно наморщив лоб. – Вон оттуда!

Он махнул рукой.

– Я видел за ним вот этот пригорок!

Над землей по-прежнему висел густой туман, но кое-где уже виднелись гребни холмов и деревья, и Уильям без труда разглядел холм с причудливыми выступами, на который показывал Перкинс.

– Спасибо, Перкинс. Можете идти, – торопливо добавил он, прежде чем Перкинс успел снова убежать.

Мерину туман не нравился. И Уильяму тоже. Из-за тумана у него появилось неприятное ощущение, что кто-то дышит ему в затылок.

Впрочем, это был морской туман: тяжелый, сырой и холодный, но зато не удушливый. Он то редел, то вновь сгущался, и казалось, находился в постоянном движении. Уильям не видел перед собой дальше чем на несколько футов и потому различал лишь неясные очертания показанного Перкинсом холма, хотя его вершина то появлялась, то исчезала, словно по волшебству.

Интересно, что нужно генералу Клинтону? Этот вопрос не давал покоя Уильяму, а еще ему хотелось знать, его ли одного вызвали в ставку или там собирают всех офицеров, чтобы сообщить об изменениях в стратегии? Вполне возможно, что солдаты Патнэма наконец-то сдались. Все к тому шло: в нынешней ситуации у них не осталось надежды на победу, и они наверняка это уже поняли.

Хотя, скорее всего, Патнэм решил посоветоваться с Вашингтоном. Во время сражения возле старого фермерского дома Уильям заметил на гребне холма вдалеке маленькую группу всадников, над которыми развевался незнакомый флаг. Тут же кто-то показал на знамя и сказал со смехом: «А вот и Вашингтон. Эх, жаль, что нас здесь всего пара дюжин, уж мы бы ему задали жару, не стал бы больше пялиться!»

Разум подсказывал Уильяму, что мятежники все равно сдадутся, но его не оставляло тревожное предчувствие, и к туману оно не имело отношения. За месяц пути Уильям общался со многими американцами. Большинство из них сильно тревожились, не хотели ссориться с Англией и меньше всего желали оказаться где-нибудь поблизости от мест боевых действий. Весьма разумное соображение. Но были и другие, те, кто осмелился примкнуть к мятежу. Вот они были настроены очень решительно.

Может, Рамзи и передал хотя бы часть собранной информации генералам, но, похоже, она не особо его впечатлила, а уж что касается мнения самого Уильяма... Но все же...

Лошадь споткнулась, Уильям покачнулся в седле и случайно дернул поводья. Оскорбленное животное резко повернуло голову и укусило его, царапнув по сапогу зубами.

– Ах ты, ублюдок!

Он хлестнул мерина по носу поводьями и натянул их с такой силой, что лошадиная морда с выпученными глазами и перекошенными губами оказалась почти у его коленей. Дав понять мерину, кто здесь хозяин, Уильям ослабил поводья. Лошадь захрапела, яростно встряхнула гривой, но послушно продолжила путь.

Уильяму показалось, что он едет уже довольно долго, но ведь и время, и расстояние в тумане обманчивы. Он взглянул на холм, который служил ему ориентиром, и обнаружил, что тот снова исчез. Уильям решил, что ничего страшного, и холм вскоре покажется.

Только этого не произошло.

Туман по-прежнему окутывал все вокруг. Было слышно, как падают капли с ветвей деревьев, которые внезапно вырастали из тумана и так же неожиданно исчезали. Но холм упрямо не показывался.

Вдруг Уильям понял, что уже давно не слышит звуков, которые производят люди. А должен был бы.

Если бы он приближался к ставке Клинтона, то вокруг должен был привычно шуметь лагерь, навстречу попадались бы люди, лошади, походные костры, повозки, палатки... Но не было слышно ничего, кроме журчания воды. Он, Уильям, проехал мимо этого треклятого лагеря.

– Черт тебя подери, Перкинс! – шепотом выругался Уильям.

Он ненадолго остановился, чтобы проверить запал и понюхать порох в пистолете: если бы тот отсырел, то стал бы пахнуть по-другому. Уильям остался доволен осмотром: в носу слегка запершило от острого запаха, но серной вони тухлых яиц, которой отличался отсыревший порох, не было.

Уильям держал пистолет в руке, хотя до сих пор ничего угрожающего не встретил. Впрочем, густой туман не давал видеть дальше чем на несколько футов, и Уильям боялся, что если вдруг кто-нибудь появится из мутной пелены, то придется срочно принимать решение: стрелять или нет.

Кругом стояла тишина: артиллерия молчала, ружейных выстрелов, как накануне, тоже не было слышно. Похоже, враг отступил. Но если вдруг он, Уильям, наткнется на каких-нибудь заплутавших в тумане мятежников, должен ли он стрелять? От этой мысли у него вспотели ладони, но Уильям решил, что стрелять все-таки придется: любой солдат Континентальной армии пальнет в него не задумываясь, как только увидит красный мундир.

Хотя Уильяма больше беспокоила унижительная перспектива быть подстреленным своими же войсками, чем возможная смерть от рук повстанцев, полностью забыть о подобной опасности он не мог.

Треклый туман становился все гуще, и напрасно Уильям искал солнце, чтобы сориентироваться: даже небо куда-то делось. Он подавил легкий приступ паники, от которого защекало в копчике. Так, на этом чертовом острове тридцать четыре тысячи британских солдат, и хотя бы несколько из них должны сейчас находиться на расстоянии выстрела. «Тебе достаточно оказаться на расстоянии выстрела от одного-единственного американца», – напомнил себе Уильям, мрачно продираясь сквозь заросли лиственниц.

Неподалеку раздался какой-то шум и треск ветвей. В лесу, несомненно, кто-то был. Только вот кто?

Британские войска точно бы не стали передвигаться в таком тумане. Будь ты проклят, Перкинс! Уильям решил, что если услышит американцев, то замрет и постарается, чтобы его не заметили, иначе... Он надеялся, что все-таки наткнется на войсковое подразделение, и вот-вот раздадутся типичные для войск звуки, например громкие команды...

Некоторое время он ехал медленно и в конце концов убрал пистолет, от тяжести которого устала рука. Господи, как долго он уже едет? Час? Два? Может, развернуться и поехать назад? Но Уильям не знал, куда именно повернуть, наверное, он просто кружил на одном месте. Все вокруг выглядело одинаково: серые размытые очертания деревьев, скал, травы. Еще вчера Уильяма трясло от возбуждения, он рвался в атаку. Сегодня же его боевой задор существенно поостыл.

Вдруг кто-то выскочил перед ним, отчего мерин так резко встал на дыбы, что Уильям толком не разглядел незнакомца. Впрочем, тот не был одет в британскую форму – это Уильям заметить успел. Он бы выхватил пистолет, если бы не держался обеими руками за поводья, пытаясь совладать с лошадей.

А у мерина началась настоящая истерика: он подпрыгивал, как ворона, и бешено кружился на месте, с каждым прыжком сотрясая позвоночник Уильяма. Вокруг все вертелось и мелькало, сливалось в сплошное серо-зеленое пятно, но Уильям будто сквозь сон слышал громкие голоса, которые не то подбадривали его, не то насмехались.

Казалось, это продолжалось целую вечность, но на самом деле прошло всего секунд тридцать, прежде чем Уильям усмирил чертову тварь, которая теперь стояла, фыркая и тяжело дыша, но по-прежнему крутила головой с выкаченными, влажно поблескивающими глазами.

– Ах ты, проклятый кусок конины! – выругался Уильям, натягивая поводья и выворачивая мерину голову.

Бока животного тяжело вздымались под Уильямом, влажное и горячее дыхание проникало сквозь бриджи из оленьей замши.

– Не самая покладистая лошадь на моей памяти, – согласился чей-то голос, и кто-то схватил мерина за уздечку. – Но выглядит неплохо.

Уильям мельком увидел человека в охотничьей одежде, плотного и загорелого, но тут его самого кто-то хватил за пояс и рывком стащил с лошади.

Уильям грохнулся на землю, упал навзничь, и у него перехватило дыхание, но он мужественно попытался достать оружие. Чье-то колено придавило ему грудь, а здоровенная ручища отняла пистолет. Бородатое лицо, ухмыляясь, наклонилось над Уильямом.

– Не очень-то дружелюбно, – с упреком произнес бородач. – А я-то думал, что вы, англичане, культурные.

– А ты отпусти его, Гарри, он встанет и «окультурит» тебя так, что мало не покажется!

Из-за плеча Гарри выглянул другой человек, пониже ростом и тощий, но с приятным, похожим на учительский голосом.

– Впрочем, ты можешь дать ему подышать.

Давление на грудь ослабло, но едва Уильям успел сделать пару вдохов, как из него снова вышибли воздух: тот, кто опрокинул его на землю, теперь ударил кулаком в живот. Чьи-то руки торопливо обшарили карманы Уильяма и, больно ободрав ему нос, сдернули через голову горжет. Кто-то обхватил Уильяма, расстегнул ремень и снял, восхищенно присвистнув при виде прикрепленного снаряжения.

– Весьма неплохо, – одобрительно заметил второй незнакомец, глядя на Уильяма, который лежал на земле и хватал ртом воздух, как выброшенная на берег рыба. – Спасибо, сэр. Мы премного благодарны. Как там у тебя, Алан?

Он повернулся к человеку, удерживающему лошадь.

– В порядке, коняга у меня, – отозвался гнусавый голос с шотландским акцентом. – Все, сматываемся!

Бандиты отошли в сторону, и на миг Уильяму показалось, что они исчезли навсегда, но тут широченная ладонь схватила его за плечо и дернула вверх. Корчась от боли, Уильям с трудом поднялся на колени, и та же самая рука схватила его за косицу и оттянула голову назад, обнажая горло. Уильям увидел отблеск ножа, широкую ухмылку бородача, но не успел ни сделать вдох, ни помолиться, ни выругаться.

Нож полоснул вниз, и от резкого рывка за волосы у Уильяма выступили слезы. Человек недовольно хмыкнул, рубанул еще пару раз и наконец торжествующе выпрямился с косицей Уильяма в огромной, похожей на окорок руке.

– На память!

Он ухмыльнулся Уильяму и побежал догонять приятелей. Словно в насмешку, до Уильяма сквозь туман донеслось лошадиное ржание.

* * *

Уильям страшно жалел, что не убил хотя бы одного из бандитов. Они застали его врасплох, как ребенка, ощипали, как гуся, и оставили лежать на земле, как кусок дерьма! Злость переполняла его, он остановился и со всего размаху ударил кулаком по стволу дерева. От резкой боли Уильям чуть не задохнулся, но и почти бездыханный, он все равно жаждал мести.

Он зажал ушибленную руку между бедрами и шипел сквозь зубы до тех пор, пока боль не утихла. Потрясение смешалось с яростью; Уильям никогда еще не чувствовал себя настолько растерянным, и у него кружилась голова. Тяжело дыша, он провел здоровой рукой по затылку и, нащупав колючий ежик коротких волос – остатки косицы, – изо всех сил пнул дерево в новом приступе бешенства.

Хромая и чертыхаясь, Уильям бродил кругами, пока не рухнул на камень и не опустил голову на колени, шумно втягивая воздух.

Постепенно дыхание выровнялось, и способность рассуждать начала возвращаться к Уильяму.

Значит, так. Он по-прежнему блуждает в дикой глуши Лонг-Айленда, только теперь без лошади, без съестного и без оружия. И без волос. От этой мысли Уильям выпрямился, сжал кулаки, но ему удалось совладать с яростью, хотя и не сразу. Так. Сейчас нет времени злиться. Эх, попадись они ему снова – Гарри, Алан или коротышка с учительским голосом... Ладно, у него еще будет время, когда их пути вновь пересекутся.

Главное сейчас – найти любую воинскую часть. Уильяму вдруг захотелось сбежать, дезертировать, сесть на корабль до Франции и больше никогда сюда не возвращаться, и пусть все думают, что его убили. Однако по разным причинам Уильям не мог этого сделать, и не в последнюю очередь из-за отца, который, возможно, предпочел бы, чтобы Уильям действительно погиб, а не трусливо сбежал.

Что ж, ничего не поделаешь. Уильям обреченно поднялся на ноги, пытаясь радоваться хотя бы тому, что бандиты не сняли с него мундир. Кое-где туман рассеялся, но, сырой и холодный, по-прежнему стелился по земле. Впрочем, холод и сырость не тревожили Уильяма – его кровь все еще кипела от гнева.

Уильям огляделся, посмотрел на призрачные силуэты скал и деревьев вокруг. Они выглядели точно так же, как прочие чертовы скалы и деревья, что попадались ему на пути за весь этот поганый день.

– Так, – произнес Уильям вслух и стал поворачиваться на месте, тыча пальцем и декламируя детскую считалочку: – Эни-мини-майни-мо... Ох, к черту все!

Слегка прихрамывая, он пустился в путь. Уильям понятия не имел, куда идти, но не мог не двигаться, иначе бы его разорвало. Некоторое время он развлекался, воображая недавнюю стычку в несколько другом, более приятном свете. Он представлял, как хватает Гарри за грудки и разбивает ему нос в кровавое месиво перед тем, как размозжить голову толстяка о камни. Отобрав нож, потрошит высокомерного маленького ублюдка... вырывает у него легкие... Так называемый «кровавый орел», развлечение диких германских племен: через разрезы на спине они вытаскивали легкие человека, чтобы те хлопали, словно крылья, пока несчастный не умрет...

Постепенно Уильям успокоился, но только потому, что больше не мог выдерживать подобный накал злости. Нога почти не болела, ободранные костяшки пальцев уже не ныли, а фантазии о кровавой мести стали казаться слегка нелепыми. Уильям задавался вопросом, похожа ли ярость сражения на те чувства, что он испытал. Неужели человек стреляет и наносит удары ножом потому, что ему это нравится, а не только потому, что так велит долг? Хочет убивать так же сильно, как желает женщину? А потом чувствует себя дураком?

Уильям уже думал об убийстве в бою. Не постоянно, но время от времени. Он приложил немало усилий, чтобы представить себе, как все это происходит, когда решил стать военным. И он прекрасно понимал, что иногда ему придется сожалеть о содеянном.

Однажды отец рассказал ему, откровенно и не оправдывая себя, о том, как впервые убил человека. Убил не в бою, а уже после сражения. Добил раненого шотландца, которого бросили на Каллоденском поле.

– Был приказ никого не шадить, – сказал тогда отец. – Письменный приказ, подписанный герцогом Камберлендским.

Рассказывая, отец не отрывал взгляда от книжных полок, но в этот миг он в упор посмотрел на Уильяма.

– Приказ, – повторил отец. – Конечно, тебе придется выполнять приказы, но иногда приказов не будет или обстоятельства вдруг изменятся. И обязательно, слышишь, Уильям, обязательно придет час, когда твоя честь скажет тебе, что следовать приказу невозможно. И тогда ты должен будешь руководствоваться лишь собственным мнением, а потом жить с последствиями принятых решений.

Уильям серьезно кивнул. Он только что принес отцу документы о своем назначении: там требовалась подпись лорда Джона, как его опекуна. Сам Уильям считал эту подпись простой формальностью и не ожидал ни исповеди, ни проповеди, чем бы ни был рассказ отца.

– Я не должен был этого делать, – внезапно сказал отец. – Не должен был в него стрелять.

– Ты действовал по приказу...

– Он не касался меня лично. Тогда я еще не получил назначение и в той кампании лишь сопровождал брата. Я не был солдатом, не поступил на военную службу и мог бы отказаться.

– А если бы ты отказался, разве его не застрелил бы кто-нибудь другой? – рассудительно спросил Уильям.

Отец невесело улыбнулся.

– Конечно, но суть не в этом. И да, мне даже не пришло в голову, что у меня есть выбор, вот в чем дело. У тебя всегда есть выбор, Уильям. Помни об этом, ладно?

Не дожидаясь ответа, лорд Джон вытащил перо из сине-белой китайской вазы у себя на столе и откинул крышечку хрустальной чернильницы.

– Ты уверен? – спросил он, серьезно глядя на Уильяма.

Тот кивнул, и отец поставил на бумагах размашистую подпись. Потом поднял голову и улыбнулся.

– Я горжусь тобой, Уильям, – тихо сказал он. – И всегда буду гордиться.

Уильям вздохнул. Он не сомневался, что отец всегда будет его любить, но вот что касается гордости... Именно эта кампания вряд ли покроет его славой. Если повезет, он вернется в свой полк прежде, чем кто-либо заметит его отсутствие и поднимет тревогу. Господи, какой позор, все запомнят, что первым делом он заблудился и его ограбили!

И все же это лучше, чем если бы он прославился из-за того, что его почти сразу убили бандиты.

Уильям пошел дальше, осторожно пробираясь через окутанный туманом лес. Идти было довольно легко: земля не раскисла, хотя кое-где в низинах попадались заболоченные участки с застоявшейся дождевой водой. Один раз до Уильяма донеслись разрозненные ружейные выстрелы, он поспешил на них, но они стихли, прежде чем Уильям разобрал, откуда стреляли.

Он угрюмо брел по лесу, задаваясь вопросом, сколько времени понадобится, чтобы пересечь этот треклятый остров пешком, и как близок он, Уильям, к тому, чтобы это сделать? Дорога круто пошла в гору, и теперь Уильям карабкался, обильно обливаясь потом. Ему показалось, что туман слегка рассеялся, пока он лез вверх по склону. И действительно, когда Уильям очутился на небольшом скалистом выступе и глянул вниз, то увидел, что клубящийся серый туман спустился вниз, почти полностью скрывая землю. От этого зрелища у Уильяма закружилась голова, и ему даже пришлось посидеть, закрыв глаза, и только потом двигаться дальше.

Пару раз Уильям слышал людские голоса и ржание лошадей, но звучали они как-то неправильно, не было в них армейской четкости, и он разворачивался и осторожно уходил в другую сторону.

Внезапно местность изменилась, теперь Уильям брел по редколесью из невысоких чахлых деревьев, которые торчали из светлой, хрустящей под сапогами почвы. Вскоре до него донесся шум воды – волны бились о берег. Море! «Ну, слава богу!» – подумал Уильям и ускорил шаг, идя на звук. Рокот волн приблизился, стал громче, но теперь Уильям слышал и другие звуки.

Лодки. Он слышал, как корпуса с шуршанием трутся о гальку, скрипят уключины, плещет вода. А еще до него доносились голоса. Приглушенные, но возбужденные. Проклятье! Уильям нырнул под ветку приземистой сосны, надеясь, что в стелющемся тумане появится просвет.

Рядом что-то задвигалось, и Уильям отпрянул в сторону, потянулся за пистолетом, не сразу вспомнив, что он теперь безоружен. Через секунду выяснилось, что его напугала большая голубая цапля, которая смерила его взглядом желтых глаз и взметнулась ввысь, оскорбленно щелкая клювом. Неподалеку, всего лишь футах в десяти, раздался встревоженный крик, грохнул выстрел, и прямо над головой Уильяма цапля взорвалась в воздухе ворохом перьев. На Уильяма брызнули капли птичьей крови, которые были гораздо теплее, чем холодная испарина на его лице. От неожиданности он сел, перед глазами мелькали черные пятна.

Уильям не смел даже шевельнуться, а тем более подать голос. Из кустов доносились приглушенные голоса, но недостаточно громкие, чтобы разобрать, о чем они говорят. Через несколько секунд он слышал негромкий шорох, который постепенно удалялся. Стараясь не шуметь, Уильям опустился на четвереньки и полз в другую сторону до тех пор, пока не почувствовал, что можно без опаски встать на ноги.

Ему показалось, что он все еще слышит голоса. С колотящимся сердцем он осторожно подкрался поближе и замер, уловив запах табака.

Рядом не было никаких передвижений, и, хотя Уильям по-прежнему слышал голоса, они доносились издалека. Он осторожно принюхался, но табаком больше не пахло. Уильям решил, что ему померещилось. И пошел дальше, на звуки.

Теперь они стали отчетливее: приглушенные, взволнованные возгласы, скрип уключин и шлепанье ног по мелководью. Шорох шагов и негромкий гомон почти сливались с шумом прибоя и шелестом травы. Уильям в отчаянии посмотрел на небо, но солнце по-прежнему не показывалось. Должно быть, он сейчас в западной части острова, подумал Уильям. Нет, не должно быть, а точно, он почти уверен. А если это так...

Если это так, то звуки, которые он слышит, издают американские войска, бегущие с острова на Манхэттен.

– Стой смирно! – услышал он шепот сзади, и одновременно кто-то довольно жестко двинул его ружейным дулом прямо в почку.

Уильям замер. На какой-то миг ствол отвели, а потом ткнули в то же место с такой силой, что в глазах Уильяма потемнело. Он крикнул от боли и выгнулся, но не успел сказать ни слова, как чьи-то мозолистые руки схватили его за запястья и вывернули их за спину.

– Ну и зачем? – проворчал надтреснутый низкий голос. – Отойди-ка в сторону, я его пристрелю.

– Нет, не пристрелишь! – ответил другой голос, такой же низкий и сердитый. – Глянь, он же совсем мальчишка! Да и прехорошенький!

Шершавая ладонь погладила Уильяма по щеке, и он напрягся, но сделать ничего не смог: ему крепко связали руки.

– Если бы ты хотела его пристрелить, сестра, то уже давно бы так и сделала, – произнес тот же голос и добавил: – А ну-ка, паренек, повернись!

Уильям медленно повернулся и увидел, что его взяли в плен две невысокие и коренастые, как тролли, старухи. Одна из них – та, что с ружьем, – курила трубку; это запах ее табака он

учуял. Заметив на его лице ужас и отвращение, старуха ухмыльнулась уголком морщинистого рта, крепко зажав мундштук пеньками почерневших зубов.

– Красив, как сама красота, – заметила она, оглядывая его с ног до головы. – И ни к чему тратить на него выстрел.

– Мадам, – обратился к ней Уильям, взяв себя в руки и пытаясь быть обходительным. – Полагаю, вы ошибаетесь насчет меня. Я – солдат короля, и...

Обе старухи расхохотались, скрипя, как ржавые дверные петли.

– В жизни бы не догадались, – ухмыльнулась курильщица, не вынимая изо рта трубки. – А мы-то думали, ты так, погулять вышел.

– Помолчи-ка, сынок! – Другая сестра не дала Уильяму ответить. – Мы тебе ничего не сделаем, пока ты стоишь и помалкиваешь.

Она окинула Уильяма взглядом, оценивая его потрепанный вид.

– Небось воевал? – не без сочувствия спросила старуха.

Не дожидаясь ответа, она толкнула его на валун, заросший мидиями и еще влажными водорослями, из чего Уильям сделал вывод, что берег моря совсем рядом.

Уильям ничего не ответил, и не потому, что испугался старух, просто сказать было нечего.

Он сидел и вслушивался в звуки массового бегства. Уильям не представлял, сколько там человек, потому что не знал, как долго это уже длится. Ничего интересного он не услышал, только обрывки разговоров людей, тяжело дышащих от натуги, негромкий ропот ожидающих своей очереди да редкие сдавленные смешки, которые возникали скорее от волнения.

Туман над водой рассеялся, и в сотне ярдов, не более, Уильям отчетливо увидел маленькую флотилию, состоящую из веселых лодок, легких плоскодонок и рыбацких суденышек, которые сновали туда-сюда по гладкой, как стекло, воде, а еще толпу людей на берегу. Она постепенно сокращалась, но люди стояли, сжимая в руках оружие и настороженно озираясь, видимо, опасались погони.

«Знали бы они!» – с горечью подумал Уильям.

Меньше всего Уильяма сейчас беспокоило собственное будущее. Было стыдно за то, что он видит, как вся американская армия бежит у него прямо из-под носа, а он ничего не может сделать. От мысли, что придется вернуться и доложить обо всем генералу Хау, на душе стало еще горше. Даже если бы старухи решили зажарить его и съесть, это уже не имело значения.

Уильям настолько увлекся происходящим, что не сразу сообразил: раз он так хорошо видит американцев, то и они его прекрасно видят. Впрочем, солдаты Континентальной армии и ополченцы настолько увлеклись отступлением, что никто не обращал внимания на Уильяма, пока один из отступающих не оглянулся и не стал всматриваться в верхнюю часть берега.

Человек замер, бросил короткий взгляд на своих ничего не замечающих товарищей и решительно зашагал по гальке, не сводя глаз с Уильяма.

– Что там у вас, мамаша? – спросил он.

В форме офицера Континентальной армии, невысокий и плечистый, он чем-то напоминал тех двух женщин, но был гораздо мощнее. Он сохранял внешнее спокойствие, но, судя по выражению налитых кровью глаз, замыслил что-то недоброе.

– Вот, рыбачили, – отозвалась хозяйка трубки. – Выловили этого красноперого окунька, теперь думаем, может, бросить его обратно?

– Да? Ну, может, чуть попозже.

С появлением незнакомца Уильям настороженно застыл и теперь смотрел на него снизу вверх, стараясь выглядеть как можно суровее.

Мужчина взглянул на редящий позади Уильяма туман.

– Ты здесь прям как дома, да, паренек?

Уильям промолчал. Незнакомец вздохнул, размахнулся и ударил его кулаком под дых. Уильям согнулся пополам, упал с камня, и его стошнило прямо в песок. Незнакомец схватил его за шиворот и поднял, как будто он ничего не весил.

– Давай, парень, отвечай! У меня мало времени, и вряд ли ты хочешь, чтобы я тебя потопил, – мягко сказал он, коснувшись ножа на своем поясе.

Уильям, как смог, вытер рот о плечо и уставился на незнакомца пылающим взглядом. «Ну и ладно, – подумал он и вдруг ощутил некое спокойствие. – Если я погибну, то, по крайней мере, за что-то».

Но тут вмешалась сестра курильщицы и прервала драматическую сцену, ткнув его мучителя в бок дулом ружья.

– Да если бы их здесь было больше, мы бы с сестрой давно их услышали, – сказала она с легким отвращением. – Вояки шумят будь здоров.

– Верно, – согласилась курильщица и замолчала, чтобы вытащить изо рта трубку и сплюнуть. – Ты же видишь, малец потерялся. И говорить с тобой он не станет.

Она по-своему ухмыльнулась Уильяму, показав единственный сохранившийся желтый клык.

– Скорее умрешь, чем заговоришь? Так ведь, парень?

Уильям слегка наклонил голову, и женщины насмешливо захихикали. Они насмехались над ним, по-другому и не скажешь.

– Шел бы ты к своим, – сказала тетка незнакомцу, – а то уплывут без тебя.

Но тот даже не взглянул на нее, он не сводил глаз с Уильяма. Однако через пару секунд он коротко кивнул, повернулся и зашагал прочь.

Уильям почувствовал, как одна из сестер зашла ему за спину, и что-то острое коснулось запястий, а потом бечевка, которой его связали, лопнула. Уильяму хотелось потереть затекшие запястья, но он сдержался.

– Ступай, паренек, – почти ласково велела хозяйка трубки. – Пока тебя не увидели, а то мало ли что кому взбредет в голову.

И Уильям ушел.

На самом верху берега он остановился и посмотрел назад. Старухи исчезли, а незнакомец сидел на корме лодки, которая стремительно удалялась от берега, уже почти обезлюдевшего, и пристально глядел на Уильяма.

Уильям отвернулся. Наконец-то показалось солнце: бледно-оранжевый диск, пылающий сквозь туман. Сейчас, после полудня, оно уже спускалось к горизонту. Уильям повернулся и побрел в глубь острова на юго-запад, но еще долго чувствовал спиной взгляд, даже после того, как берег исчез из поля зрения.

Живот болезненно ныл, а в голове крутилась одна-единственная мысль – слова капитана Рамзи: «Слышали о дамочке по имени Кассандра?»

Глава 7

Неясное будущее

Лаллиброх, Шотландия

Сентябрь, 1980 г.

Не на всех письмах стояла дата, только на некоторых. Бри осторожно перебрала с полдюжины верхних посланий и, чувствуя, что у нее перехватывает дух, как на американских горках, выбрала одно, с надписью на клапане: «2 марта, год 1777 от Рождества Христова».

– Думаю, это следующее. – Горло сжалось, стало трудно дышать. – Оно... такое тоненькое. Совсем короткое.

Так оно и было, письмо занимало не более полутора страниц, но Брианна сразу поняла почему: все письмо написал отец. При виде его угловатого решительного почерка у нее сжалось сердце.

– Мы никогда не позволим учителям заставлять Джемми писать правой рукой, – свирепо сказала она Роджеру. – Никогда!

– Хорошо, ты права, – ответил тот. Неожиданная вспышка его удивила и позабавила. – Или, если угодно, лева.

*«2 марта 1777 года от Рождества Христова
Фрэнсер Ридж, колония Северная Каролина.*

Моя дорогая доченька!

Сейчас мы готовимся к отъезду в Шотландию. Не навсегда и даже не на сколько-нибудь продолжительный срок. Моя судьба – наши судьбы – теперь здесь, в Америке. И, честно говоря, я бы предпочел умереть от жала шершней, нежели подняться на борт очередного корабля, но я стараюсь не задумываться о грядущих тяготах. Есть два главных соображения, которые вынуждают меня принять это решение.

Ежели бы я не был наделен знаниями, которыми ты, твоя мать и Роджер Мак поделились со мной, то, скорее всего, как и преобладающее большинство людей в колониях, считал бы, что Континентальный конгресс не протянет и полгода, а армия Вашингтона и того меньше. Я говорил с человеком из Кросс-Крика, коего (с почетом) отправили в отставку из Континентальной армии из-за гнойной раны на руке, – раной, конечно, занималась твоя мать, а из-за его воплей меня позвали на помощь, чтобы я сел на него, – и он рассказал, что у Вашингтона не более нескольких тысяч солдат регулярных войск, у всех не хватает припасов, оружия и обмундирования и всем задолжали жалованье, которое они вряд ли получат. Большинство его людей – ополченцы, завербованные по краткосрочным контрактам на два-три месяца, но и те уже сбегают, чтобы вернуться домой к посевной.

Но я-то знаю. И при этом не уверен, как произойдет то, о чем я знаю. Суждено ли мне стать частью грядущих событий? Должен ли я остаться в стороне, дабы не помешать исполнению наших чаяний? Как бы мне хотелось обсудить эти вопросы с твоим мужем, и, хотя он пресвитерианин, думаю, они бы встревожили его еще больше, чем меня. Впрочем, в конце концов, не важно. Я таков, каким меня сотворил Бог, и должен справляться с тем временем, куда Он меня поместил.

Хотя я еще не утратил ни зрения, ни слуха и даже способен контролировать кишечник, я уже не молод. У меня есть палаши и ружье, я неплохо владею и тем и другим, но еще у меня имеется печатный станок, который можно использовать гораздо действеннее. Я вполне осознаю, что палашиом или ружьем можно одолеть лишь одного врага зараз, в то время как словом можно поразить любое их число.

Твоя мать – несомненно предвидя, что ей придется присутствовать при моей многодневной морской болезни, – предложила мне войти в дело с Фергусом и использовать его станок, а не ездить в Шотландию за моим собственным.

Я думал над этим, но совесть не позволяет мне подвергать опасности Фергуса и его семью, используя его станок для своих целей. Между Чарльстоном и Норфолком не так уж много работающих станков, и даже если я буду печатать в полной тайне, в первую очередь под подозрение попадут Фергус и его близкие. Нью-Берн – рассадник лоялистских настроений, и происхождение моих памфлетов станет известно почти незамедлительно.

Но дело не только в Фергусе. Я надеюсь, что смогу извлечь еще одну выгоду из поездки в Эдинбург за станком. У меня там остались самые разные знакомые, и некоторые из них, возможно, избежали тюрьмы или виселицы.

Вторая, и самая важная причина, которая вынуждает меня отбыть в Шотландию, – это твой кузен Йен. Много лет назад я поклялся его матушке памятью нашей собственной матери, что привезу его домой. Именно это я и собираюсь сделать, хотя мужчина, которого я верну в Лаллиброх, совсем не тот парнишка, что его покинул. Один Господь знает, что они дадут друг другу – Йен и Лаллиброх, – ведь у Бога весьма своеобразное чувство юмора. Но если Йену суждено вернуться, то сейчас самое время.

Снег тает, вода капает с карниза весь день, а к утру сосульки свисают с крыши хижины почти до земли. Через несколько недель дороги расчистятся и по ним можно будет проехать. Довольно странно просить вас помолиться о благополучном исходе путешествия, которое давно завершится (хорошо или плохо) к тому времени, как вы о нем узнаете, но тем не менее я прошу об этом. Передай Роджеру Маку: я думаю, Бог не принимает в расчет время. И поцелуй за меня детей.

*Твой любящий отец,
Дж. Ф.»*

Роджер слегка откинулся назад, приподняв брови, и посмотрел на Брианну.

– Французские связи, как ты думаешь?

– Что? – Она нахмурилась, глядя через его плечо на письмо, туда, куда Роджер показывал пальцем. – Там, где он пишет о своих друзьях в Эдинбурге?

– Да. Разве большинство его тамошних знакомых не были контрабандистами?

– Так говорила мама.

– Вот к чему упоминание о виселице. А откуда чаще всего доставляли контрабанду?

У Бри екнуло сердце.

– Шутишь! Думаешь, он будет якшаться с французскими контрабандистами?

– Ну, не обязательно именно с ними, наверняка он знал немало мятежников, воров и проституток. – Роджер коротко улыбнулся, но потом вновь посерьезнел. – Я рассказал ему о революции все, что знал. Конечно, не очень подробно, я ведь не изучал тот период в деталях, но упомянул, какую важную роль сыграет для американцев Франция. Просто я думаю...

Роджер смущенно помолчал, затем посмотрел на Бри.

– Он собирается в Шотландию не для того, чтобы избежать сражения. Он довольно ясно дал это понять.

– Думаешь, он будет искать политические связи? – медленно спросила она. – Не просто схватит печатный станок, сбросит Йена в Лаллиброхе и унесется обратно в Америку?

От этой мысли у Брианны полегчало на сердце. Образ родителей, плетущих интриги в Эдинбурге и Париже, пугал куда меньше, чем когда она представляла их посреди взрывов и сражений. И Бри знала, что, где бы они ни были, они были там вместе. Куда бы ни отправился отец, мать будет рядом.

Роджер пожал плечами:

– А вот он еще упомянул мимоходом, что он таков, каким его создал Бог. Ты знаешь, что он имел в виду?

– Воин, – тихо ответила она, придвинулась к Роджеру и положила руку ему на плечо, как будто боялась, что он внезапно исчезнет. – Он говорил мне, что всегда был воином. Он редко вступал в сражение, но знал, что рожден именно для этого.

– Да, правда, – произнес Роджер так же тихо. – Но он уже не тот молодой лэрд, который взял свой палаш и повел тридцать арендаторов в заведомо обреченный на поражение бой, а потом вернул их домой. Теперь он знает гораздо больше о том, на что способен человек в одиночку. Думаю, именно так он и поступит.

– Я тоже так думаю.

У нее перехватило горло, и не только от страха, но и от гордости. Роджер накрыл ее руку своей, ласково сжал.

– Я помню слова твоей матери, – медленно сказал он. – Что она нам рассказывала о... о своем возвращении и о том, как она стала врачом. И то, что твой... Фрэнк... что он ей сказал. То, что ее решение создаст чертовские неудобства людям вокруг нее, но ей выпал великий дар судьбы: она точно знает свое предназначение. Думаю, он был прав. И Джейми тоже знает.

Брианна кивнула. Наверное, не следует говорить об этом, подумала она, но больше не могла сдерживаться.

– А ты знаешь?

Он долго молчал, глядя на страницы на столе, но в конце концов покачал головой так незаметно, что Брианна скорее почувствовала это движение, чем увидела.

– Раньше знал, – тихо произнес он и отпустил ее руку.

* * *

Первым побуждением Брианны было треснуть его по затылку, а вторым – схватить за плечи, притянуть к себе, чтобы между их глазами осталось не больше дюйма, и спокойно, но отчетливо спросить: «Что за хрень ты несешь?»

Она воздержалась от каких-либо действий, но исключительно потому, что они, вероятно, привели бы к долгой беседе из тех, которые совершенно неуместно вести при детях. Дети же были в коридоре в нескольких футах от кабинета; до Брианны доносился их разговор.

– Видишь это? – спрашивал Джемми.

– Угу.

– Плохие люди пришли сюда очень давно, искали дедушку. Плохие англичане. Это они сделали.

Роджер повернул голову, когда уловил смысл сказанного Джемми, и с полуулыбкой взглянул Брианне в глаза.

– Плохие анвичане, – послушно повторила Мэнди. – Пусть все испавят!

Несмотря на злость, Брианна не удержалась и тоже улыбнулась Роджеру, хотя и почувствовала холодок внизу живота, вспомнив, как ее дядя Йен – обычно спокойный и добрый – показал ей следы сабельных ударов на деревянной обшивке стен и сказал: «Мы оставили все как есть, чтобы показать детям и рассказать: вот такие они, англичане». Тогда в его голосе прозвенела сталь. Сейчас Брианна уловила слабый, по-детски нелепый отзвук той стали в голосе Джемми и впервые усомнилась в необходимости поддерживать такую семейную традицию.

– Это ты ему рассказал? – спросила она Роджера, когда детские голоса удалились в сторону кухни. – Я-то не рассказывала.

– Энни рассказала ему часть истории, вот я и подумал, что будет лучше, если он узнает ее полностью. – Он поднял брови. – Нужно было сказать, чтобы он поговорил с тобой?

– Ох, нет. Нет, – неуверенно повторила Брианна. – Но мы ведь не должны учить его ненавидеть англичан?

Роджер улыбнулся ее словам.

– «Ненавидеть», наверное, слишком сильно сказано. И Джем сказал: «плохие англичане». Так они и были плохими англичанами – те, кто это сделал. К тому же если он будет жить здесь, в Шотландских горах, то наверняка услышит немало колкостей в адрес англосаксов – чужестранцев, и соотнесет с воспоминаниями о твоей матери. В конце концов, твой отец всегда звал ее «саксоночка».

Он посмотрел на письмо на столе и, бросив взгляд на настенные часы, резко встал.

– Господи, я опаздываю! Зайду в банк, пока буду в городе. Тебе нужно что-нибудь в магазине «Для фермы и дома»?

– Да, – сухо ответила Брианна. – Новый насос для молочного сепаратора.

– Хорошо, – сказал он, торопливо поцеловал ее и поспешно вышел, на ходу засовывая руку в рукав куртки.

Брианна открыла было рот, чтобы крикнуть ему вдогонку, что пошутила, но подумала и закрыла. В магазине «Для фермы и дома» вполне может найтись и сепаратор для молока. В громадном, до ужаса многолюдном строении на окраине Инвернесса можно было отыскать практически все, что нужно для фермы, включая вилы, резиновые пожарные ведра, вязальную проволоку и стиральные машины, а также посуду, банки для консервирования и еще кучу всякой утвари, о назначении которой Брианна только догадывалась.

Она высунула голову в коридор, но дети были на кухне с Энни Макдональд, помощницей по хозяйству. Из-за обитой потертым зеленым сукном двери на кухню доносились смех, негромкое позвякивание древнего тостера, который достался им с Роджером вместе с домом, и соблазнительный аромат горячих тостов с маслом. Запах и смех как магнитом притягивали Брианну, а тепло и домашний уют обволакивали, словно золотистый мед.

Прежде чем присоединиться к компании на кухне, Брианна остановилась, чтобы сложить письмо, и, вспомнив о словах Роджера, поджала губы.

«Раньше знал».

Сердито фыркнув, она засунула письмо обратно в коробку, вышла в коридор и тут же замерла, увидев большой конверт на столике у двери, обычно заваленном ежедневной почтой и содержимым карманов Роджера и Джемми. Брианна выхватила конверт из груды рекламных проспектов, камешков, карандашных огрызков, звеньев велосипедной цепи и... что это,дохлая мышь? Так и есть, сплюснутая и высохшая, но украшенная жесткой петелькой розового хвостика. Брианна брезгливо подняла ее и, прижав конверт к груди, пошла дальше, к чаю и тостам.

Если честно, подумала она, не только Роджер предпочитает отмалчиваться. Разница в том, что она, Брианна, собирается рассказать ему о своей задумке, как только все уладится.

Глава 8

Весенняя оттепель

Фрэзер Ридж, колония Северная Каролина

Март, 1777 г.

Одно точно могу сказать об опустошительном пожаре: собирать вещи стало гораздо проще. У меня осталось одно платье, сорочка, три юбки – одна шерстяная и две муслиновые, – две пары чулок (одна пара была на мне, когда сгорел дом, а вторая, небрежно оставленная сушиться на кустах за несколько недель до пожара, нашлась позже, потрепанная, но вполне пригодная для носки), шаль и ботинки. Джейми притащил для меня жуткого вида плащ; уж где он его раздобыл, я не знала, а спрашивать не хотелось. Это одеяние из плотной шерсти цвета гниющего мяса воняло так, словно в нем кто-то помер, да так и лежал пару дней, пока его не нашли. Я прокипятила плащ с дегтярным мылом, но дух его прежнего владельца по-прежнему напоминал о себе.

Что ж, по крайней мере, я не мерзла.

Упаковать аптечку оказалось почти так же просто. Скорбно вздохнув над кучкой пепла, в которую превратился мой замечательный медицинский саквояж с изящными инструментами и множеством бутылочек, я перебрала кучку спасенных остатков моей хирургической. Помятый цилиндр микроскопа. Три почерневшие от огня керамические банки, одна из которых была без крышки, а другая треснула. Большая жестянка гусяного жира, смешанного с камфарой, сейчас почти пустая после долгой зимы с простудами и кашлем. Стопка обгорелых страниц, вырванных из журнала с медицинскими записями, который начал еще Дэниел Роулингс, а я продолжила. Мое настроение слегка улучшилось, когда среди спасенных листков обнаружился один с рецептом особенного слабительного, изобретенного самим доктором Роулингсом.

Это было одно из немногих его средств, которое оказалось весьма действенным. Я давно уже знала точную формулу наизусть, но порадовалась, что теперь у меня есть напоминание о докторе. Я никогда не встречалась с Дэниелом Роулингсом в реальной жизни, но он стал моим другом с того самого дня, как Джейми вручил мне его медицинский саквояж и журнал для записей. Я бережно сложила листки бумаги и положила в карман.

Большинство моих трав и готовых снадобий погибли в огне вместе с глиняными кувшинами, стеклянными флаконами и большими чашами с питательным бульоном, в которых я выращивала пенициллиновую плесень. И хирургическими пилами. У меня оставался один скальпель и почерневшее лезвие малой ампутационной пилы. У нее сильно обгорела ручка, но я не сомневалась, что Джейми сделает новую.

Жители Риджа щедро поделились с нами тем немногим, что осталось у них в конце зимы. Мы собрали достаточно еды в дорогу, а многие женщины принесли кое-какие хозяйственные мелочи. У меня были баночки с лавандой, розмарином, окопником и семенами горчицы, две драгоценные стальные иглы, небольшой моток шелка, который я собиралась употребить для швов и как зубную нить (хотя и не упомянула о последнем способе использования тем двум леди, боюсь, их это бы оскорбило), а также весьма скудный запас бинтов и марли для повязок.

Вот спирта хватало с избытком. Пожар не коснулся ни амбара с зерном, ни винокурни. Поскольку зерна для домашних нужд и на корм животных было более чем достаточно, Джейми бережливо перегнал излишки в очень мутный, но крепкий самогон, который мы собирались

взять с собой в дорогу и обменивать в пути на необходимые товары. Впрочем, один небольшой бочонок оставили специально для моих нужд, и я аккуратно написала на нем «Квашеная капуста», чтобы ни один воришка не покусился на его содержимое.

– А если на нас нападут неграмотные бандиты? – со смехом спросил Джейми.

– Я это предусмотрела, – сообщила я, показывая ему закупоренный пузырек с мутной жидкостью. – Одеколон с запахом кислой капусты. Оболью им бочонок, как только увижу какого-нибудь подозрительного типа.

– Значит, будем надеяться, что на нас не нападут бандиты-немцы.

– Ты когда-нибудь видел немцев-бандитов? – спросила я.

За исключением нескольких пьяниц и тех, кто избивал своих жен, почти все наши знакомые немцы были честными, работающими и до неприличия добродетельными людьми. Собственно, чему удивляться? Большинство из них перебрались в колонии по религиозным мотивам.

– Настоящих бандитов – нет, – признал Джейми. – Но ты же помнишь Мюллеров, да? Что они сделали с твоими друзьями. Сами Мюллеры не назвали бы себя бандитами, но вот индейцы тускара с ними бы не согласились.

Джейми сказал чистую правду, и я почувствовала, что затылок словно сдавило холодными пальцами. У Мюллеров, наших немецких соседей, от кори умерли любимая дочь и ее новорожденный сын, и семья решила, что они заразились от индейцев из деревни неподалеку. Помешавшийся от горя старый Мюллер, собрав своих сыновей и зятьев, отправился мстить – и снимать скальпы. Я до сих помню охвативший меня ужас, когда черные с проседью волосы моей подруги Найавенны рассыпались из мешка по моим коленям.

– Как ты думаешь, я уже поседела? – внезапно спросила я.

Джейми удивленно поднял брови, но наклонился и начал ласково перебирать волосы, разглядывая макушку.

– Ну, примерно один волосок из пятидесяти побелел и один из двадцати пяти стал серебристым. А что?

– Тогда, думаю, у меня еще есть время. Найавенна... – Несколько лет я не произносила ее имя вслух, и сейчас, когда выговорила его, почувствовала странное утешение, как будто подруга воскресла. – Она говорила, что я войду в полную силу, когда мои волосы побелеют.

– Мне даже страшно от этой мысли, – ухмыльнулся Джейми.

– А то. Но раз этого пока не случилось, мне придется скальпелем защищать свой бочонок, если в пути мы вдруг наткнемся на шайку воришек – любителей квашеной капусты.

Джейми как-то странно на меня посмотрел, но потом рассмеялся и покачал головой.

Сам он собирался в дорогу более основательно. В ночь после похорон миссис Баг они с Йеном-младшим перетаскивали золото из-под фундамента дома в другое место. Этот процесс требовал большой осторожности, и перед самым началом я приготовила огромный таз с черствым хлебом, вымоченным в кукурузном самогоне, поставила его неподалеку от развалин, а затем, стоя на садовой дорожке, изо всех сил прокричала: «Свинка-а-а, кушать!»

Какое-то мгновение стояла тишина, а потом белая свинья вылезла из своего логова под фундаментом, огромное бледное пятно на фоне потемневших от дыма камней. Конечно, я прекрасно знала, кто это, но при виде белесой, быстро надвигающейся на меня массы стало не по себе. Пошел густой снег – одна из причин, почему Джейми решил не откладывать задуманное на другой день, – и свинья с такой скоростью неслась вперед через завихрения больших и мягких хлопьев, что походила на самого духа снежной бури, который ведет за собой ветер.

Мне вдруг показалось, что она вот-вот нападет: ее голова качнулась в мою сторону, и звяруга шумно втянула воздух, почуяв мой запах. Но тут, похоже, свинья унюхала еду и повернула к тазу с хлебом. Секундой позже сквозь снежную пелену донеслось отвратительное чавканье:

свинья была в восторге от угощения. Джейми с Йеном торопливо выбрались из-за деревьев и приступили к делу.

Потребовалось больше двух недель, чтобы перенести все золото. Джейми с Йеном работали исключительно по ночам и только в снегопад или перед ним, чтобы скрыть следы. Кроме того, они по очереди охраняли развалины Большого дома, высматривая, не появится ли Арч Баг.

– Думаешь, он еще интересуется золотом? – спросила я Джейми в разгар всей этой возни.

Я растирала ему руки, чтобы они согрелись и могли держать ложку. Он зашел домой позавтракать, голодный и ооченевший после того, как всю долгую ночь кружил вокруг сожженного дома, пытаясь разогнать по жилам кровь.

– А что ему остается? – ответил Джейми вполголоса, чтобы не разбудить Хиггинсов. – Его больше ничего не заботит, ну, разве что Йен.

Я поежилась не только от мысли, что где-то в лесу, словно призрак, таится Арч Баг и только жгучая ненависть помогает ему выжить, но и от холода, который принес с собой Джейми. Как все мужчины в горах зимой, он отрастил бороду для тепла, и сейчас в его усах блестели льдинки, а брови заиндевели.

– Ты похож на Санта-Клауса, – прошептала я, подавая ему миску с горячей кашей.

– Я так себя и чувствую, – сипло сказал он, поднес миску к самому носу и, вдыхая горячий пар, блаженно закрыл глаза. – Передай виски, а?

– Предлагаешь налить его в кашу? Там уже есть масло и соль.

Тем не менее я достала бутылку с полки над очагом и передала Джейми.

– Не, хочу разогреть брюхо, иначе не смогу проглотить ни ложки. Ниже шеи я, считай, целиком заледенел.

Со дня похорон от Арча Бага не было ни слуху ни духу, даже следов на снегу никто не видел. Возможно, он укрылся на зиму в надежном убежище или ушел в какую-нибудь индейскую деревню. А может, вообще умер. И, хотя даже думать об этом было жестоко, лично я надеялась, что так оно и случилось.

Я рассказала о своих чаяниях Джейми, но он покачал головой. Лед в его волосах уже растаял, и капельки воды в бороде сверкали в свете огня, словно алмазы.

– Если он погиб и мы никогда об этом не узнаем, то у Йена всю жизнь не будет ни минуты покоя. Всю жизнь! Неужели ты хочешь, чтобы он озирался по сторонам на собственной свадьбе, ожидая, что пуля сразит его жену в самое сердце, когда она будет произносить брачную клятву? Или чтобы он, став отцом семейства, каждый день боялся оставить дом и детей, страшась того, что может увидеть, когда вернется?

– Я впечатлена масштабами твоего больного воображения, но да, ты прав. Ладно, не буду надеяться на смерть Арча, но, может, мы все-таки найдем его тело.

Однако никто так и не нашел Арча Бага мертвым, и золото по частям перенесли в новый тайник. Джейми и Йен долго думали, где его устроить, и серьезно обсуждали этот вопрос в секрете от всех. Точно не в пещере виски. Мало кто знал, где она находится, но некоторым было известно. Например, Джозеф Уэмисс, его дочь Лиззи и два ее мужа – тут я удивилась, что уже могу думать о Лиззи и обоих Бердсли без привычного недоумения, – узнали в силу обстоятельств. А перед нашим отъездом нужно показать пещеру Бобби и Эми Хиггинсам, раз уж они будут гнать виски в наше отсутствие. Арчу Багу никто не говорил, где пещера, но, скорее всего, он и так знал.

Джейми был непреклонен: никто не должен знать, что в Ридже вообще есть золото, не говоря уже о том, где оно находится.

– Если пойдут слухи, то все здесь будут в опасности, – сказал он. – Ты же помнишь, что произошло, когда Доннер рассказал своей компаншке, что у нас есть драгоценности.

Конечно, я помнила. И все еще просыпалась от кошмаров, в которых слышала, как с приглушенным хлопком взрывались пары эфира, лопалось стекло и трещало дерево, когда грабители крушили наш дом.

В некоторых снах я металась туда-сюда в безуспешных попытках спасти чью-то жизнь – только вот чью? – но всегда натывалась на закрытые двери, глухие стены или объятые пламенем комнаты. В других – стояла на месте, не в силах пошевелиться, пока огонь полз по стенам, с изысканной жадностью пожирал одежду на лежавших у моих ног мертвецах, вспыхивал в их волосах, охватывал мою юбку и пробирался по ней все выше и выше, обвивая ноги раскаленной паутиной.

Меня по-прежнему охватывала печаль, смешанная с глубокой очистительной яростью, когда я смотрела на выгоревшее пятно посреди поляны, где когда-то был мой дом, но после каждого кошмара мне было необходимо выйти утром из хижины и снова взглянуть в то страшное место, обойти холодные развалины, вдыхая запах мерзлого пепла, и все для того, чтобы погасить пламя, что горело в моих глазах.

– Ты прав, – сказала я, плотнее закутываясь в шаль. Мы стояли возле кладовой над ручьем и разговаривали, глядя вниз на руины. Я промерзла до костей. – Но... тогда где?

– В пещере Испанца, – сказал Джейми.

Я растерянно моргнула.

– Где-где?

– Я тебе покажу, *a nighean*, – улыбнулся он. – Когда снег растает.

* * *

Неожиданно наступила весна, и вода в ручье поднялась. Бурный поток, разбухший от талого снега и сотен крошечных ручейков, что струились и прыгали по склону горы, плескался и ревел у моих ног. Я чувствовала на лице его холод и знала, что в считанные минуты промокну до колен, но это не имело значения. На берегах ручья ярко зеленели стрелолисты и понтедерия; поднимавшаяся вода вырывала часть растений из земли и уносила вниз по течению, другие же изо всех сил цеплялись корнями за жизнь, их листья стелились в быстрых струях. В тени берегов под водой извивались темные переплетения водяного кресса. Его свежая зелень и была моей целью.

Я уже наполовину заполнила корзинку ростками папоротника. Хороший большой пучок свежего нежного кресса, такого хрустящего и холодного, прямо из ручья, – как раз то, что нужно, чтобы восполнить нехватку витамина С, которая образовалась за зиму. Я стащила ботинки и чулки, немного поколебавшись, сняла платье вместе с шалью и повесила на ветку дерева. В тени нависающих над ручьем серебристых берез было довольно прохладно, и я вздрогнула, но, не обращая внимания на холод, подоткнула подол сорочки и вошла в ручей.

Не обращать внимания на его температуру было гораздо труднее. Я ахнула и чуть не выронила корзинку, однако устояла на скользких камнях и осторожно двинулась к ближайшим зарослям соблазнительной темной зелени. Уже через пару секунд у меня онемели ноги, но, охваченная азартом добытчика и страстным желанием поесть свежего салата, я не чувствовала холод.

Довольно много наших припасов уцелело после пожара, поскольку они хранились в хозяйственных постройках – в кладовой над ручьем, в амбаре и копильне. Однако огонь уничтожил погреб для овощей, а вместе с ним погибли не только наши запасы моркови, лука, чеснока и картофеля, но и большая часть сушеных яблок и дикого ямса, а еще огромные свисающие грозди изюма, в общем, все, что было призвано уберечь нас от тяжелых последствий цинги. Травы, конечно, тоже превратились в дым вместе со всей моей хирургической. Правда, у нас осталось очень много тыкв и кабачков, потому что они хранились в сарае, но пироги

с кабачками и суккоташ²⁴ наскучат любому через пару месяцев... Скажу начистоту, мне они надоедают уже на второй день.

Уже в который раз я оплакивала кулинарные способности миссис Баг, хотя, конечно, мне не хватало и ее самой. Эми Маккаллум Хиггинс выросла в семье арендатора в Шотландском высокогорье и, как она сама выразилась, «стряпала хорошо, но просто». По сути, это означало, что она умеет одновременно печь лепешки, варить кашу и жарить рыбу, и ничего не подгорит. Серьезное достижение, но, если говорить о рационе, несколько однообразное.

Моим коронным блюдом стало рагу, которое за неимением лука, чеснока, моркови и картофеля превратилось в некое подобие похлебки из оленины или индейки, тушенных с дробленой кукурузой, ячменем, а порой и с кусками черствого хлеба. Как ни странно, вполне сносным поваром оказался Йен. Как раз суккоташ и пирог с кабачками стали его вкладом в общее меню. Мне очень хотелось узнать, кто научил его готовить, но я решила, что лучше не спрашивать.

В общем, пока никто не голодал и не потерял ни одного зуба, но к середине марта я была готова бродить по самую шею в холодной воде, лишь бы раздобыть что-нибудь зеленое и съедобное.

Слава богу, Йен немного оклемался. Через неделю или около того он перестал вести себя словно контуженный и стал возвращаться в свое обычное состояние. Но я замечала, как Джейми то и дело посматривает на него, а Ролло завел привычку спать, положив голову на грудь хозяина. Интересно, действительно ли пес чувствовал боль в сердце Йена или просто в хижине было слишком мало места для сна?

Я потянулась и услышала легкий хруст позвонков. Теперь, когда снег почти растаял, я не могла дожидаться, когда же мы наконец уедем. Конечно, я буду скучать по Риджу и по всем его обитателям... Ну, почти по всем. Кроме, возможно, Хирама Кромби. Или Чишолмов, или... Я оборвала список, пока он не стал чересчур длинным.

– С другой стороны, – сказала я себе твердо, – подумай о кроватях!

Разумеется, в дороге нам довольно долго придется спать прямо на земле, но когда-нибудь мы доберемся до цивилизации. Постоялые дворы. С едой. И с кроватями. Я на миг закрыла глаза, представив невыразимое блаженство сна на матрасе. О перине я даже и не мечтала: все, что обещало больше дюйма мягкой прослойки между мной и полом, было райским наслаждением. И, конечно, будет еще лучше, если ко всему этому добавится немного уединения.

После декабря мы с Джейми не отказались от секса. И дело не только в вожделении – а оно никуда не делось! – мы нуждались в уютном тепле тел друг друга. Но как бы мы ни прятались под одеялами, стараясь не шуметь, сам процесс под пристальным желтым взглядом Ролло в паре шагов от нашего ложа был далеко не столь удовлетворительным, как нам бы хотелось. Даже если предположить, что Йен-младший всегда мирно спал; впрочем, ему хватало такта притворяться, даже если это было не так.

²⁴ Суккоташ – блюдо североамериканской кухни, которое готовится в основном из кукурузы и фасоли или других бобовых.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.